

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (32) 2019

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (32) 2019

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2019
© Tomsk State University, 2019

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (32) 2019

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2019
© Томский государственный университет, 2019

CONTENTS

No 1 (32) 2019

Roman V. Gaidamashko, Larisa G. Ponomareva. Materials on history of the study of the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1784—1788)	7
Polina I. Li. An Experimental phonetic study of the first-syllable vocalism in the Vakh dialect of Khanty	28
Yulia V. Normanskaya. Who stood at the beginnings of the Crimean Tatar literary language?	41

DISCUSSIONS

Anna V. Dybo, Philip S. Krylov, Vera S. Maltseva, Aleksandra V. Sheimovich. Segmental rules in the automatic parser for the Khakass corpus	48
Ilya B. Itkin. Khakass adjectives on <i>-кЫ ~ -зЫ</i> (an addition to the article “Segmental rules in the automatic parser for the Khakass corpus” by A. Dybo et al.)	70
Anna V. Dybo. Continuation of the discussion of the article “Khakass Adjectives on <i>-кЫ ~ -ГЫ</i> ”	72
Style sheet	74

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (32) 2019

Р. В. Гайдамашко, Л. Г. Пономарева. Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1784—1788).....	7
П. И. Ли. Экспериментально-фонетическое исследование вокализма первого слога в ваховском диалекте хантыйского языка	28
Ю. В. Норманская. Кто стоял у истоков создания крымско-татарского литературного языка?.....	41

ДИСКУССИИ

А. В. Дыбо, Ф. С. Крылов, В. С. Мальцева, А. В. Шеймович. Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка	48
И. Б. Иткин. Хакасские прилагательные на <i>-кы ~ -гы</i> (дополнение к статье А. В. Дыбо, Ф. С. Крылова, В. С. Мальцевой и А. В. Шеймович «Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка»).....	70
А. В. Дыбо. Продолжение дискуссии по заметке «Хакасские прилагательные на <i>-Кы ~ -Гы</i> »	72
Требования к оформлению статей.....	74

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1784—1788)¹

Вводные замечания

История письменности коми-пермяцкого языка насчитывает немногим более трех столетий.

Традиционно исследователи коми-пермяцкого языка пишут о том, что начало истории коми-пермяцкой письменности относится ко второй половине XVIII века и связано прежде всего с именами ученых, путешественников и участников научных экспедиций — Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, И. И. Лепехина и др. [Лыткин 1962: 147—148; Баталова 1975: 7; Кривошекова-Гантман 1977: 24; Лобанова 2001: 176; Кривошекова 2008: 81; Попова 2010: 9, 11; Меркушева 2012: 38; Утева 2013: 54; Федосеева 2015: 3—4 и др.]. В их трудах, наряду с материалом иных языков, были впервые зафиксированы отдельные слова, словосочетания и тексты на коми-пермяцком языке [Müller 1758: 382—408; Fischer 1768: 162—165; Лепехин 1780: 196—197]. Часто в этой связи упоминался и известный труд «Сравнительные словари всех языков и наречий...» П. С. Палласа [Паллас 1787], материалом для коми-пермяцкой части которого, кроме словника Г. Ф. Миллера, послужил «Список русских слов с переводом на черемисский и вотский (Красноуфимский окр.) и пермяцкий (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова» [Овчинников 1784—1785]².

При этом в исследованиях коми-пермяцкого языка обычно не упоминается имя Николаса Витсена, благодаря которому время первой письменной фиксации коми-пермяцкого материала можно сдвинуть до 1705 года. Голландский политик и картограф Н. Витсен во втором издании своего сочинения «Северная и Восточная Тартария» опубликовал текст молитвы «Отче наш» на «пермяцком» языке (*Het Gebed onzes Heeren, in de Tael van Permien*) [Witsen 1705: 811—812]³ и, кроме прочего, отметил: «Жителей Перми называют пермяками. Как рассказывает Магинус, их язык и письменность очень отличаются от

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а. Авторы признательны сотрудникам библиотеки ГКБУК «Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка» за возможность ознакомления с подшивкой газеты «По ленинскому пути» и М. Д. Корольковой за внимательное прочтение чернового варианта статьи и ряд ценных замечаний, способствовавших улучшению текста и уточнению деталей. Все ошибки и недочеты остаются на совести авторов.

² Время написания исследуемого памятника языковеды традиционно относят ко второй половине XVIII в. [Куклин 1983: 15; Сергеев 1992: 97; Сергеев 2002: 35]. По нашим предварительным наблюдениям, хронологические рамки написания документа могли быть ограничены 1785—1789 гг. [Гайдамашко 2017: 25], однако позднейшие изыскания позволили сузить эти рамки до конца 1784 — начала 1785 гг.

³ В первом издании этот текст отсутствует, ср.: [Witsen 1692: 502]. Справедливости ради следует указать на известные упоминания этого текста в научной литературе, см.: [Adelung 1815: 5; Туркин 1993: 277—281; Туркин 1998: 56—57; Ёньё Лав 2009: 263]. А. И. Туркин посвятил анализу этого текста специальную статью [Туркин 1993]. В ней он рассмотрел некоторые особенности графики и орфографии, сравнил архаизмы с современными коми-зырянскими и коми-пермяцкими словами и пришел к выводу, что «молитва была переведена на один из южных диалектов древнепермского языка, очень близкий современному коми-пермяцкому языку. Мы знаем, что древнепермский язык функционировал не только на территории Вычегодской Перми с центром Усть-Вымь, но и на территории Перми Великой в бассейне Камы (...) Следовательно, рассматриваемый памятник древнепермской письменности — перевод молитвы «Отче наш» — относится к территории Перми Великой, глаголемой Чусовая» [Туркин 1993: 280]. Сокращенный вариант этих выводов приведен и в статье А. И. Туркина, посвященной Н. Витсену, в энциклопедии «Коми язык» [Туркин 1998: 57]. Относительно этих наблюдений Ёньё Лав заключает: «Текст этого издания признает коми-пермяцким А. И. Туркин, хотя его аргументация и не представляется вполне достаточной» [Ёньё Лав 2009: 263]. Так как сыктывкарские исследователи квалифицируют коми-пермяцкий идиом как пермяцкий региональный литературный вариант (наряду с зырянским) национального языка коми (см., напр.: [Цыпанов 2008: 10, 67—68]), то текст молитвы в качестве материала исследования привлекался в статьях, посвященных рассмотрению разных аспектов коми (зырянского) языка (см., напр.: [Кузнецова 1958: 228; Понарядов 2014: 258—260; Пунегова 2014: 71—72]).

языка москвитов. Другие же говорят, что они совсем не умеют писать» (*De Landzaten uit Permia, worden Permekken geheten. Zoo Maginus verhaeld, verschillen zy veel in Spraek en Schrift van de Moskoviten, hoe wel andere willen, dat zy geheel niet Schryven kunnen*) [Witsen 1705: 812].

По сведениям Ёньё Лава, коми-пермяцкий языковой материал содержится также в трудах Д. Г. Мессершмидта (1720 г.) и Ф. И. фон Страленберга (1730 г.) [Ёньё Лав 2018].

Вслед за всеми указанными выше работами в разное время до появления литературной нормы (которую коми-пермяцкий язык обрел только после революции 1917 года [Лыткин 1962: 34]), на этом языке были написаны словари, грамматики, буквари, учебники, переводная литература религиозного и медицинского содержания, художественные произведения. На сегодняшний день известно около 60 памятников письменности, представляющих пермяцкий язык досоветского времени [Ёньё Лав 2009; 2018]. К сожалению, почти все они до сих пор не изучены и не изданы⁴, хотя обладают весьма ценным материалом для изучения разных языковых разделов коми-пермяцкого и других пермских языков, а также при проведении сравнительно-исторических, сопоставительных, типологических, текстологических, лексикографических и других исследований на более широком языковом фоне.

Объект исследования

К числу ценных памятников ранней коми-пермяцкой письменности относятся рукописи протоиерея Антония Попова (1748—1788), датированные 1785 годом и на данный момент известные как первые фундаментальные труды по коми-пермяцкому языкознанию — опыт грамматики и два словаря:

1. «Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года». РНБ (Российская национальная библиотека), Эрмитажное собр., № 206. 81 л. (далее — «алфавитный» словарь) [Попов 1785а];

2. «Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года». РНБ, Эрмитажное собр., № 207. 29 л. (далее — «тематический» словарь) [Попов 1785б];

3. «Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російской языкъ “1785” года». РНБ, Эрмитажное собр., № 208. 33 л. (далее — грамматика) [Попов 1785в].

Известно также о нескольких редакциях рукописных словарей Антония Попова, датированных первой половиной XIX в.:

1. «Краткой Пермской Словарь съ Російскимъ Переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года». РНБ, Ф. 7 (Ф. П. Аделунг), № 123. 17 л.;

2. «Краткой Пермской Словарь съ Російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловскаго собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года». Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН), Ф. 94 (А. М. Шёгрэн), Оп. 1, № 223. 40 л.;

3. «Краткой Пермской Словарь съ Російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный Города Перми Петро-Павловскаго Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года». СПФ АРАН, Ф. 94 (А. М. Шёгрэн), Оп. 1, № 224. 12 л.

Ни один из перечисленных памятников письменности до сих пор не введен в научный оборот. Как показано далее, оставляет желать лучшего и уровень их немногочисленных исследований.

В настоящей заметке даны материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия Антония Попова в отечественной литературе с 1962 по 2018 гг. с перечислением отмеченных неточностей, пропусков и ошибок. Примеры из рукописей А. Попова цитируются с сохранением графико-орфографических и пунктуационных особенностей оригинала (включая толкования, которые заключены не в марровские, а во французские кавычки).

Листы использования рукописей

Судя по вложенным в дела листам использования рукописей, наследие протоиерея Антония Попова стало известно исследователям не ранее середины XX в.

⁴ К настоящему моменту специальных публикаций удостоились только рукописные коми-пермяцко-русский словарь Ф. А. Волегова 1833 г. [Rédei 1968] (без факсимиле рукописи) и грамматический очерк Ф. Любимова 1838 г. [Любимов 2007].

С датой без года («4/ХП») первым в листах использования алфавитного и тематического словарей записан А. П. Феоктистов (1928—2004) с примечанием в графе «для какой цели использована рукопись» — «сопоставление с другими источниками такого рода» [Попов 1785а; 1785б]. Можно предположить, что запись сделана не раньше 1952 года, когда А. П. Феоктистов начал обучение в аспирантуре Института языкознания АН СССР [Мосин, Цыганкин 2005: 155]. Под задней крышкой переплета алфавитного словаря было найдено подтверждение — на карточке выдачи рукописи (старый аналог листа использования рукописей, отчасти дублирующий соответствующую информацию) имеется запись «4/ХП 1960» и подпись А. П. Феоктистова.

После него в листе использования алфавитного словаря записан В. И. Лыткин (6 июля 1961 г., с примечаниями «выписал ныне исчезнувшие слова» и «для исторической фонетики и лексики коми-перм. языка» [Попов 1785а]), а тематического — С. Ф. Николаев (30 января — 2 февраля 1965 г., «для изучения географических названий Пермской области» [Попов 1785б]).

Первым в листе использования грамматического очерка (6 июля 1961 г.) значится В. И. Лыткин, который «выписал некоторые формы слов <...> для сравнения с соврем. формами коми-перм. языка» [Попов 1785в].

22 сентября 1961 г. по заказу Института языкознания АН СССР в полном объеме сделаны фотокопии рукописей Эрм. 206 [Попов 1785а] и Эрм. 208 [Попов 1785в]. Фотографирование документа Эрм. 207 [Попов 1785б] совершено только 18 марта 1965 г.

Среди других известных исследователей в листах использования рукописей А. Попова числятся О. П. Аксёнова, Ф. И. Гордеев, А. Грейдан, А. С. Лобанова, К. Реден, В. А. Степанов (Оньё Лав), В. С. Чураков.

Пик активности в обращении к рукописям, если судить только по листам использования, пришелся на вторую половину 1960-х гг. (что, очевидно, связано с первым известным упоминанием рукописей А. Попова в литературе, а именно в [Лыткин 1962], см. далее). В следующие четверть века исследователи обращались к рукописям А. Попова крайне редко, но с середины 1990-х гг. интерес к ним снова возрос.

[Лыткин 1962]

Впервые в литературе словари Антония Попова упоминаются в учебнике для высших учебных заведений «Коми-пермяцкий язык» 1962 г. под редакцией В. И. Лыткина в § 141 «Словари XVIII века» раздела «Коми-пермяцкая лексикография» [Лыткин 1962: 148]⁵.

Прежде всего, здесь приведены заглавия словарей согласно правилам современной орфографии. Название тематического словаря дано полностью, в то время как название алфавитного словаря сокращено без каких-либо пояснений: «Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым, 1785 г.» — опущен фрагмент «города Перми Петро-Павловского Собора Протојереємь». Упомянуто место хранения рукописей (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина — ныне Российская национальная библиотека) и шифр алфавитного словаря («Эрм. 206»). Только у тематического словаря указаны формат рукописи и количество страниц («рукопись в пол-листа, 31 стр.» — на самом деле 57 страниц на 29 листах), как и говор, на котором написан этот памятник («в словаре представлен говор косинско-камского типа»). В описании алфавитного словаря приводятся данные об объеме его словника — «около 2500 слов» [Лыткин 1962: 148] — всего в алфавитном словаре по нашим подсчетам 2522 словарные статьи.

[Баталова 1962]

В следующий раз к рукописям Антония Попова обратилась известный исследователь коми-пермяцкого языка и его диалектов Р. М. Баталова. Эта тема в той или иной степени нашла отражение в нескольких ее работах [Баталова 1962; 1965; 1967; 1975]. Первой из них является небольшая, примерно в половину полосы, статья под названием «Новые памятники коми-пермяцкого языка», опубликованная в местной газете Коми-Пермяцкого округа «По ленинскому пути» за 9 сентября 1962 года и подписанная Р. Боталовой (sic!), аспирантом Института языкознания АН СССР [Баталова 1962: 4].

Статья начинается с краткой истории письменности коми-пермяцкого языка. Далее указано, что «совсем недавно, в 1961 году сотрудниками института языкознания Академии наук СССР профессором

⁵ Следует отметить, что ввод в учебник данных о словарях А. Попова был произведен весьма оперативно (и потому, возможно, эти данные так скудны), — как было указано выше, В. И. Лыткин ознакомился с рукописями 6 июля 1961 г., а учебник был сдан в набор уже через 12 дней — 18 июля 1961 г. [Лыткин 1962: 2].

В. И. Лыткиным и кандидатом филологических наук Т. И. Тепляшиной в ленинградском отделении библиотеки АН СССР и в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина обнаружены рукописные словари по коми-пермяцкому языку, до сих пор неизвестные научным кругам» [Баталова 1962: 4]. Здесь содержится неточность — как было показано выше, за семь месяцев до В. И. Лыткина с рукописями Антония Попова познакомился А. П. Феоктистов. Речь в статье идет о трех рукописных коми-пермяцких словарях, — об алфавитном словаре протоиерея Антония Попова [Попов 1785а], «Лексиконе Пермского языка...» иерея Георгия Чечулина [Чечулин 1823] и анонимном «Словаре русско-пермяцком» из Усолья [СРП 1848]. По мнению Р. М. Баталовой, все эти словари представляют большой интерес, поскольку в них отражена лексика уже исчезнувших коми-пермяцких диалектов.

В той части статьи, которая посвящена алфавитному словарю Антония Попова, приводится фрагмент названия рукописи, год ее написания, указывается автор и количество словарных статей: «...словарь, составленный в 1785 году протоиереем Петро-Павловского собора г. Перми Антонием Поповым. В словаре зафиксировано 2529 слов».

Статья содержит также небольшую информацию о грамматическом очерке А. Попова [Попов 1785в]. По правилам современной орфографии дается сокращенное название документа — «Примечания, принадлежащие к грамматике пермского языка» — и приводится цитата из вводной части грамматики, говорящая о наличии в коми-пермяцком языке разных диалектов.

Далее следуют размышления Р. М. Баталовой о диалектной принадлежности словаря Антония Попова. По ее мнению, данные словаря и вводной части грамматики позволяют сделать вывод, что в словаре отражен «один из диалектов коми-пермяцкого языка, расположенный на юго-западе Чердыни и Оней». Здесь впервые Р. М. Баталовой предложено название этому диалекту — припермский. Это название фигурирует во всех ее последующих работах, в которых в той или иной степени говорится о рукописях А. Попова. Автором приводятся две языковые особенности этого диалекта: 1) употребление этимологического *л* подобно тому, как он фигурирует в коми-язьвинском, оньковском и нердвинском диалектах; 2) морфологизированное ударение, что совпадает с нердвинским и кудымкарско-иньвенским диалектами. Заметим, что последняя языковая особенность не находит подтверждения в рукописном алфавитном словаре А. Попова — во всех тех словах, в которых поставлен знак ударения, он стоит на первом слоге.

Статья снабжена картой, на которой обозначены границы распространения коми-пермяцких диалектов на территории Коми-Пермяцкого округа и за его пределами. Заметим, что большинства диалектов, обозначенных на карте за пределами Коми-Пермяцкого округа, сегодня уже нет. «Припермский» диалект, отраженный в словаре А. Попова, на карте занимает иную область, чем указано у Р. М. Баталовой в тексте, — на востоке от Перми на обширной территории между Губахой и Кунгуром.

[Лыткин 1964]

Два коми-пермяцких слова из алфавитного словаря А. Попова привлекаются к сопоставлению с другими пермскими языковыми данными В. И. Лыткиным в его труде «Исторический вокализм пермских языков» [Лыткин 1964]. Первое из этих двух слов дано без толкования в разделе, обсуждающем общепермскую лексическую основу со значением ‘муравей’, сопровождается транскрипцией и ремаркой относительно способов передачи в рукописях А. Попова коми-перм. [ɛ]: «В рукописном словаре Ант. Попова XVIII в. — *кодзыль* (= *kož'yl*, там звук *ɛ* обычно передается буквой “э”, иногда буквой “ы”, но не “о”))» [Лыткин 1964: 42] (ср. *кодзыль* «муравей» [Попов 1785а: л. 19об.]). Второе слово приводится в связи со сравнением с коми-зыр. *котшӧс* (дуж) ‘запах горелого’: «*кочыс* (= *koč'is*) ‘смрад’ (Ант. Поп.)» [Лыткин 1964: 85] (ср. *кочысь* «смрадъ» [Попов 1785а: л. 21]).

В списке сокращений названий трудов приводится ссылка на алфавитный словарь (по нормам современной орфографии) и указано место хранения (без шифра и количества листов в рукописи) [Лыткин 1964: 248].

[Баталова 1965]

В следующей статье Р. М. Баталовой «Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков» [Баталова 1965] наряду с двумя другими рукописными пермяцкими словарями рассмотрен алфавитный словарь [Попов 1785а], а также почти целая страница посвящена обзору грамматического очерка [Попов 1785в]. По нашим сведениям, это единственное и самое объемное (хоть всего и около 4 страниц [Баталова 1965: 110—114]) специальное исследование маленькой части относительно большого рукописного наследия Антония Попова. Кроме того, для некоторых авторов, так или иначе касающихся темы рукописей А. Попова, но не работавших с ними лично, статья Р. М. Баталовой, вероятно, явилась единственным источником сведений об этих рукописях.

В статье дано такое же, как и в [Лыткин 1962: 148], сокращенное название (при этом в тексте заявлено: «вот полные названия словарей») алфавитного словаря по правилам современной орфографии (опущен фрагмент «города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ»), место его хранения с шифром (Ленинградская Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, «Эрм. 206»), формат и объем рукописи (из [Лыткин 1962: 148] повторена фраза «рукопись в пол-листа, 31 стр.», относящаяся в оригинале к тематическому словарю, — на самом деле в алфавитном словаре 158 страниц на 81 листе [Попов 1785а]), чуть далее по тексту также примерный объем словника («около 2,5 тысяч слов») [Баталова 1965: 110].

Следом отмечено, что к словарю «приложены “Реестр российских речений из пермского словаря” и “Примечания... к грамматике пермского языка, составленные с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык”...» [Баталова 1965: 110—111]. Во-первых, заглавия вновь сокращены, в рукописях соответственно — «Реэстръ російскихъ реченій изъ пермскаго словаря выбранный и по Алфавиту расположенный со означеніемъ страницъ» [Попов 1785а: л. 55] и «Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловскаго собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскою языкъ “1785” года» [Попов 1785в: л. 1]. Во-вторых, «Примечания <...> к грамматике» формально не являются приложением к словарю, а являются отдельной рукописью [Попов 1785в].

Приведена цитата из предисловия к [Попов 1785в] относительно диалектной раздробленности коми-пермяцкого языкового континуума (не совсем точно передано начало цитаты — «народ оный по разности мест имеет разные наречия <...>», ср. в оригинале: «народъ оный по разности мѣстъ разныя имѣють нарѣчія <...>» [Попов 1785в: л. 2об.]) и передает соображения автора рукописи «о наличии специфических звуков у пермяков, об отсутствии звуков *х* и *ц*» [Баталова 1965: 111]. В последнем случае имеется в виду и субституция их другими звуками, *к* и *ч* соответственно, см.: «Въ протчемъ въ реченіяхъ языка Пермскаго произносится часто *а* вмѣсто *е* и *о*; *э* вмѣсто *ы* и *у*; *ш* вмѣсто *ж*; *ч* вмѣсто *ц*; *з* вмѣсто *с* и на противъ буква *х* совсѣмъ въ Пермскомъ языкѣ не употребляется» [Попов 1785в: л. 4].

Указано, что «автор пользуется русской графикой» и «дает надстрочные знаки, указывающие на долготу или степень лабиализации» [Баталова 1965: 111], см., например, в источнике: «ежели надъ буквою *у* стоитъ долгая: то выговаривается огустительно» или «когда надъ буквою *ы* краткая стоитъ: то значить голосъ средней между *ы* и *и*» [Попов 1785в: л. 3об.]. Отмечено, что «в области морфологии по существующей традиции автор словаря выделяет 8 частей речи, перечисляя некоторые их грамматические признаки с приведением схем склонения или спряжения» [Баталова 1965: 111]. Р. М. Баталова не согласна с автором словаря в том, что «удареніе въ каждомъ реченіи языка Пермскаго, бываетъ на одномъ слогѣ» [Попов 1785в: л. 4] (в статье написано «пермяцкого» вместо «пермского») — т. е., что ударение в пермяцком языке зафиксировано на первом слоге: «Нам кажется, что автор словаря не прав. Судя по лексике и расположению, в диалекте должны были уже быть случаи морфологизации ударения» [Баталова 1965: 111].

Далее на материале преимущественно алфавитного словаря с приведением примеров выделено девять «особенностей графики» [Баталова 1965: 111—113]. На самом деле, как нам кажется, далеко не все приведенные далее особенности относятся исключительно к сфере графики — есть и (графико-)орфографические, и фонетические. Кроме того, указаны далеко не все возможности передачи тех или иных звуков.

1) Передача *ö* — обычно буквой *е* и очень редко буквой *э*.

2) Обозначение звука *э* буквами *э* и *гь*.

3) Передача *ы* — обычно соответствующей буквой *ы*, «но после шипящих и мягких согласных под влиянием русской графики *ы* передается через *и*». Также буквой *ы* передается звук *и* после твердых парных согласных, однако после мягких согласных *и* всегда обозначается соответствующей буквой *и*. Среди прочих примеров здесь приведены слова: *берты* ‘я возвратился, вернулся’, которое нами в рукописях А. Попова не обнаружено; *тöдысь* ‘знахарь’ — в оригинале *тэдысь* «волхвъ, колдунъ» [Попов 1785а: л. 46]; *адзись* ‘видящий’, которое, по всей видимости, представляет собой часть сочетания из тематического словаря — *быдесъ адзись* «всеѣдущій» [Попов 1785б: л. 5]; *вузасись* ‘продавец’ — также из тематического словаря [Попов 1785б: л. 5]; *кызись* ‘двадцать раз’ — это может быть как из алфавитного словаря, так и из грамматического очерка, но в обоих иное, нежели в статье, толкование, ср. *кызись* «двадцатью» [Попов 1785а: л. 22об.] и «двадцатью» [Попов 1785в: л. 29].

4) Употребление *я* и *ю* на месте *а* и *у* после мягких шипящих и аффрикат. Среди примеров приведено *миця* ‘ясный’ — в оригинале *гёрдь миця* «румянной» [Попов 1785а: л. 11].

5) Обозначение аффрикаты *ч* почти всегда буквой *ц*, редко — буквой *ч*. Вместо *кац* ‘кожица’ в оригинале *каць* «кожица на овощахъ» [Попов 1785а: л. 18] или «кора кожа» [Попов 1785б: л. 16об.].

6) Последовательное обозначение аффрикаты *ти* буквой *ч*. Среди примеров *бычем* ‘хорошо’ — в оригинале *бычема* «хорошо» [Попов 1785а: л. 5об.].

7) Последовательная (за исключением нескольких примеров) передача аффрикат *дж* и *дз* посредством соответствующих сочетаний *дж* и *дз*, как и в современном литературном языке. В оригинале не *дзор* ‘седой’, а *дзьорь* «сѣдой» [Попов 1785а: л. 13об.] (ср. также *дзьоддремь* «сѣдина» [Попов 1785а: л. 13об.], *дзьормемь* «сѣдина» [Попов 1785б: л. 9]). Упомянутое среди исключений *визяла* ‘соблюдаю пост’ в рукописях А. Попова не найдено, но ср. *видзисемь* «воздержаніе, умѣренность», *видзь* «лучь, по-кошь, такъ же постъ» [Попов 1785а: л. 8], *видзь* «постъ» [Попов 1785б: л. 3].

8) Обозначение мягкости согласных буквой *ь*, главным образом в конце слова, и весьма редко — в середине слова (где мягкость звуков обычно не обозначается). Полное толкование слова *иньма* в словаре А. Попова не ‘попадаю’, а «угадываю попадаю вмѣчу» [Попов 1785а: л. 17]. Слово *дзьодзьог* ‘гусь’ в рукописях А. Попова не найдено, лишь *дзьодзьгъ* «гусь гусыня» [Попов 1785а: л. 13об.] и *дзьодзегъ* «гусь гусыня» [Попов 1785б: л. 21]. В оригинале также не *интѡм* ‘вдовец’, а *интемь* «вдовой» [Попов 1785а: л. 16об.] и *интэмь* «вдовый» [Попов 1785б: л. 14].

9) Употребление буквы *ь* в конце слова и изредка после первого компонента сложного слова для обозначения твердых согласных (после мягких согласных пишется *ь*). Несмотря на ремарку Р. М. Баталовой «по существовавшей в то время графике», указанная черта относится к орфографическим, а не графическим особенностям. Среди перечисленных примеров: вместо *вагэть* ‘лужа’ должно быть *вагеть* «лужа» [Попов 1785а: л. 6]; вместо *мыръпонь* ‘морощка’ в оригинале *мырпонь* «морощка /ягода/» [Попов 1785а: л. 28об.] и — в другом словаре — *мырпонь* «морощка» [Попов 1785б: л. 18]; вместо *каць* ‘кожура’ (ср. выше в п. 5) должно быть *каць* «кожица на овощахъ» [Попов 1785а: л. 18] или «кора кожа» [Попов 1785б: л. 16об.]. Слово *ледзь* ‘ряд’ в рукописях А. Попова не найдено, но ср. *лѣдзь* «пауть муха» [Попов 1785а: л. 25].

После этого отмечено, что составитель анализируемого словаря «стремился возможно точно передать звуковой состав лексем описываемого им диалекта», что от рукописных словарей XIX в. — «чечулинского» и «усольского» [Чечулин 1823; СРП 1848] — «данный словарь выгодно отличается более точной графикой, большим единообразием в передаче специфических звуков», что диалект, отраженный в рукописях, относится к «эловым» диалектам, и что суффиксом сравнительной степени является *-джык*, а уменьшительно-пренебрежительным — суффикс *-шен (-шѡн)* [Баталова 1965: 113]. Из приведенных примеров содержат неточности или не найдены следующие: *гым ньѡл* ‘громовая стрела’, ср. *гѣмь нгль* [Попов 1785а: л. 12об.]; *йѡлвыл* ‘сметана’, ср. *ѣлвылы* [Попов 1785а: л. 15]; *кылдас пас* ‘родимое пятно’, ср. слитное *кылдаспасъ* [Попов 1785а: л. 23]; *бурадзык* ‘лучше’ — не найдено; *керкушен* ‘домишко’, ср. «хижина» [Попов 1785а: л. 18об.], *мортишен* ‘человечишко’ — не найдено.

Указано, что «словарь содержит немало своеобразных лексем, отсутствующих в литературном языке и в известных (...) диалектах», но встречающихся и в рукописных словарях XIX в. Это свидетельствует, по мнению Р. М. Баталовой, «о былой распространенности (широком употреблении) этих слов». Вероятно, так оно и есть, если только не будет доказано, что отдельные авторы более поздних словарей знали о рукописях Антония Попова и использовали их в своей составительской работе.

Перечислено довольно большое количество слов (55 единиц), «которые до сих пор не были зафиксированы в словарях коми и коми-пермяцкого языков». В сноске не вполне точно отмечено, что «эти слова передаются современной графикой», — имелось в виду, что коми-пермяцкая лексика дана в соответствии с принципами современной орфографии и по сути представляет собой конструкт Р. М. Баталовой. Примечание сделано лишь для одного примера: «*ѡксу* (в Сл. Поп. *ыксу*) ‘государь’, ‘государыня’», ср. *ыксу* [Попов 1785а: л. 52]. Толкование при инфинитивах также искусственно восстановлено, так как в алфавитном словаре А. Попова толкуется не инфинитив, а форма I лица. Отметим неточности при цитировании примеров: *вожа бѡж* ‘солдат’, ср. *вѡжа бѣжъ* «салдаты а собственно распоротый задъ» [Попов 1785а: л. 9]; *гачег* ‘бобр’, ср. *гѣцегъ* [Попов 1785а: л. 11]; *гѡрож* ‘сошник’, ср. *гѣрожъ* [Попов 1785а: л. 11]; *гижѡт* ‘бумага’, ср. *гѣжетъ* [Попов 1785а: л. 11об.]; *ѣжва* ‘река’, ‘источник’, ср. *ѣжва* «источникъ» [Попов 1785а: л. 15]; *йѡлвыл* ‘сметана’, ср. *ѣлвылы* [Попов 1785а: л. 15]; *зѡртусь* ‘бородавка’, ср. *зѣртусь* [Попов 1785а: л. 16]; *зоря* ‘вид травы’, ср. «зоря /трава/» [Попов 1785а: л. 16]; *зыннялѡм* ‘обоняние’, ср. *зыннялемь* [Попов 1785а: л. 16]; *истѡг* ‘горячая сера’, ср. *ѣстегъ* «горючая сера» [Попов 1785а: л. 17]; *ермѡг* ‘шелк’, ср. *ѣрмѣгъ* [Попов 1785а: л. 17]; *йипалак* ‘льдина’, ср. *ѣпалакъ* [Попов 1785а: л. 17об.]; *качвылтны* ‘гадать’, ср. *кацвилтны* [Попов 1785а: л. 18]; *качвылтись* ‘гадатель’, ср. *кацвилтьись* [Попов 1785а: л. 18]; *кельчи яй* ‘икры ног’, ср. *кѣльцияй* «икра у ноги» [Попов 1785а: л. 18об.]; *комидз* ‘дикий лук’, ср. *кѡмидзь* [Попов 1785а: л. 20об.]; *кылдас пас* ‘родимое пятно’, ср. слитное *кылдаспасъ* [Попов 1785а: л. 23]; *кѡдзыт*, *висян* ‘лихорадка’, ср. слитное *кѡдзитвѣсянь* «лихорадка, трясавица» [Попов 1785а: л. 24]; *муртѡс* ‘кружка’, ср. *муртесъ* [Попов 1785а: л. 28]; *ныръпѡм* ‘ноздря’, ср. *нѣръпѣремь* [Попов 1785а: л. 30об.]; *ныръпѡдѡм* ‘насморк’, ср. *нѣръпѣдемь* [Попов 1785а: л. 30об.]; *небаг* ‘закон’, ‘указ’, ср. *нѣбагъ* [Попов 1785а: л. 30об.]; *пѡдтурун* ‘белена’, ср. *пѣдтурынь* [Попов 1785а:

л. 34об.]; *пун* ‘жила’, ср. *пүни* «жилы» [Попов 1785а: л. 37об.]; *пунись* («предположительно *пунйӧсь* или *пунӧсь*») ‘жиловатый’, ср. *пүнись* [Попов 1785а: л. 37об.]; *пушӧр* ‘стебель’, ср. *пүшерь* [Попов 1785а: л. 37об.]; *рыжлы* ‘хрящ’, ср. *рыжла* [Попов 1785а: л. 39об.]; *тул* ‘кляп’, ср. *тульл* [Попов 1785а: л. 45]; *узым* ‘хула’, ср. *узымь* [Попов 1785а: л. 46об.]; *узымтны* ‘хулить’, ср. *узымтны* (менее вероятно также прочтение *узылтны*) [Попов 1785а: л. 46об.]; *ультыны* ‘сохранять’, ср. *ультыны* [Попов 1785а: л. 46об.]; *учвӧс* ‘долг’, ср. *учвесь* [Попов 1785а: л. 47]; *чизым* ‘уксус’, ср. *цизымь* [Попов 1785а: л. 47об.]; *чорп* ‘звонок’, ср. *цюрп* [Попов 1785а: л. 47об.]; *тшынва* ‘вино’, ср. *чынва* [Попов 1785а: л. 49]; *шоймӧм* ‘бледность’, ср. *шоймемь* [Попов 1785а: л. 50]; *ышкӧтчаны* ‘хвалиться’, ср. *ышкетцины* [Попов 1785а: л. 52]; *юрсикӧрт* ‘повязка’, ср. *юрсикэртъ* [Попов 1785а: л. 54].

В завершение раздела про рукописи А. Попова Р. М. Баталова идентифицирует представленный диалект следующим образом: «Диалект, отраженный в словаре Антония Попова, имеет значительное сходство с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка. Мы предполагаем, что данный диалект занимал территорию к юго-востоку от города Кудымкара и условно называем его припермским» [Баталова 1965: 114].

Далее в этой же статье алфавитный словарь упоминается при анализе словаря Чечулина [Чечулин 1823]. В частности, например, отмечено, что «в отличие от словаря Антония Попова в словаре Чечулина в передаче аффрикат наблюдается большой разницей» [Баталова 1965: 116]. Перечисляя «неизвестные» лексемы из словаря Чечулина, при слове *бурлунку* ‘корысть’ Р. М. Баталова приводит сопоставление «в Сл. Поп. и в Ус. Сл. лунку ‘счастье’» [Баталова 1965: 117], однако слова *лунку* в рукописях А. Попова не найдено.

[Баталова 1967]

В другой статье Р. М. Баталовой, посвященной пермяцким рукописным словарям XVIII — первой половины XIX веков [Баталова 1967], девять лексем из словарей А. Попова привлекаются при сопоставлении с материалом, извлеченным из двух пермяцких словарей, которые хранятся в Государственном архиве Татарской АССР (Республики Татарстан): *муртэс* ‘кружка’ [Баталова 1967: 70], ср. *муртесь* [Попов 1785а: л. 28]; *ыбесь* ‘ворота, двери’ (редкий случай, когда сохранено оригинальное написание из рукописи и дано вместе с восстановленной по современной орфографии формой — *ыбӧс*) [Баталова 1967: 71]; *зынняя* ‘обоняю’ [Баталова 1967: 72]; *зынняям* ‘обоняние’ [Баталова 1967: 72], ср. *зынняялемь* [Попов 1785а: л. 16]; *качвылтны* ‘гадать’ [Баталова 1967: 73], ср. *кацвилтны* [Попов 1785а: л. 18]; *качвылтись* ‘гадатель’ [Баталова 1967: 73], ср. *кацвилтысь* [Попов 1785а: л. 18]; *кельчи яй* ‘икры ног’ [Баталова 1967: 73], ср. *кельцияй* «икра у ноги» [Попов 1785а: л. 18об.]; *узым* ‘хула’ [Баталова 1967: 73], ср. *узымь* [Попов 1785а: л. 46об.]; *узымтны* ‘хулить’ [Баталова 1967: 73], ср. *узымтны* (менее вероятно также прочтение *узылтны*) [Попов 1785а: л. 46об.].

[Светлаков 1967]

Владимир Петрович Светлаков родился в 1934 г. в пос. Акилово Кочёвского района Коми-Пермяцкого округа, в 1957 г. закончил обучение на историческом факультете Пермского государственного университета, в 1963—1966 гг. работал старшим научным сотрудником и заведующим отделом до-революционного периода в Коми-Пермяцком краеведческом музее⁶.

В очерке, посвященном истории коми-пермяцкой письменности, в ряду других памятников В. Светлаков со ссылкой на [Баталова 1962] упоминает один словарь (без уточнения, алфавитный или тематический) и грамматику Антония Попова: «1785 годѣ Перемись священник Антоний Попов гижис словарь и коми-пермяцкӧй кывлись грамматика» [Светлаков 1967: 89].

[Николаев 1968]

Сергей Федорович Николаев (1912—2002) — пермский (молотовский) ботаник, географ, журналист, редактор, краевед, автор более 1600 публикаций, много лет работавший над летописью города Перми и Пермского края [Летописец 2007]. Как было указано выше, зимой 1965 г. он знакомился с рукописями А. Попова «для изучения географических названий Пермской области».

⁶ О дальнейшей его судьбе известно только, что он вместе с женой был вынужден переехать в Майкоп, через несколько лет приезжал в Кудымкар и уже тогда был тяжело болен. Авторы настоящей статьи признательны Василию Васильевичу Климову, который лично знаком с В. П. Светлаковым, а также Людмиле Петровне Ратеговой и Анатолию Евдокимовичу Коньшину за любезно предоставленные ценные сведения.

Установить доподлинно, использовал ли С. Ф. Николаев рукописи А. Попова в своих исследованиях, пока не удалось, однако известно по крайней мере то, что в своем указателе литературы по географическим названиям Пермской области в разделе со словарями, материал которых «позволяет лучше разобраться во многих географических названиях Пермской области», приведены ссылки на алфавитный и тематический словари [Николаев 1968: 145—146]. Названия словарей даны без сокращений и ошибок, по правилам современной орфографии, с верным указанием количества листов и места их хранения (но без шифров).

[Феоктистов 1968]

Некоторые наблюдения А. П. Феоктистова, сделанные над рукописями А. Попова в декабре 1960 г. (см. выше), содержатся в его книге «Истоки мордовской письменности» [Феоктистов 1968], которая имеет «характер сводного аннотированного каталога, включающего перечень мордовских рукописей XVIII в., с извлечениями и комментариями» [Феоктистов 1968: 5].

В разделе «12. Словарь языка мордовского. — РО ГПБ, ф. 885. Эрмитажное собрание 220, 65 л., 2-я пол. XVIII в.» указана важная с точки зрения археографии и текстологии информация: «Во второй половине XIX в. рассматриваемый «Словарь языка мордовского» вместе с другими словарями такого же типа и объема был передан из Эрмитажной библиотеки в Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [Феоктистов 1968: 52]. Сразу после этого даны краткие описания некоторых рукописных словарей, хранящихся в том же фонде, — марийских, удмуртских и коми-пермяцких — по два словаря, мансийского, чувашского и калмыцкого — по одному [Феоктистов 1968: 52—56]. Из коми-пермяцких — это алфавитный и тематический словари А. Попова [Попов 1785а; 1785б].

Сперва у алфавитного словаря представлены шифр, полное название по правилам современной орфографии и объем в листах [Феоктистов 1968: 53]. В последней информации неточность — вместо 131 должно быть 81 (если складывать объем всех трех известных коми-пермяцких рукописей А. Попова [Попов 1785а; 1785б; 1785в], тоже получается иная цифра — 143 листа). За этим следуют краткие наброски к текстологическому описанию памятника: «Текст написан четким почерком в два столбца: слева помещены коми-пермяцкие слова, справа — русские. Переплет картонный, обклеенный тисненной (sic! — Р. Г., Л. П.) бумагой. Корешок кожаный. В словаре не менее 2500 слов» [Феоктистов 1968: 53—54]. Следом по правилам современной орфографии полностью приведено предисловие из рукописи [Попов 1785а: л. 2] и отмечено, что после основного текста словаря идет «Реестр российских речений...» [Феоктистов 1968: 54].

Чуть далее по таким же принципам шифр, полное название и объем тематического словаря [Попов 1785б] предворяют сжатую текстологическую справку: «Словарь написан четким почерком. Слова расположены в два столбца. Столбец слева заполнен коми-пермяцкими словами, справа — русскими. Рукопись в переплете из плотной цветной бумаги» [Феоктистов 1968: 54—55]. Указано количество выделяемых автором словаря тематических групп (11) и некоторые их названия, а также процитированы некоторые авторские сноски, содержащие пояснения относительно происхождения слов, буквального перевода сложных слов, описываемых этнографических реалий и др. Завершается обзор тематического словаря наблюдениями над графическими приемами и объемом словника: «В некоторых случаях в сносках есть объяснение графических знаков. Например, к слову *пзысь* (д. б. *пзысь*. — Р. Г., Л. П.) ‘серебро’ дано такое объяснение: «*ы* наверху с краткою значит голос средний между *ы* и *и*. Гр. § 2. Пр. 6». К слову *лэситчюжемь* (д. б. *лэситчюжемь*. — Р. Г., Л. П.) — «*ч* с краткою значит среднее между *ц* и *ч*. Гр. § 2. Пр. 8» и т. д. В рассматриваемом словаре всего приведено около 1300 слов» [Феоктистов 1968: 55].

Еще дальше отмечено, что хранящийся в том же фонде «Краткий вогулический словарь с русским переводом собранный и по разным материям расположенный (...) протоиереем Симеоном Черкаловым. 1785 г. (...) по объему и по оформлению (...) напоминает предыдущий «Краткий пермский словарь»» [Феоктистов 1968: 55].

[Лыткин, Гуляев 1970]

Отдельные слова из алфавитного словаря А. Попова привлекаются В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым в работе над этимологией коми лексики в их знаменитом словаре [Лыткин, Гуляев 1970]. В тексте словаря ссылка на словарь А. Попова встречается семь раз (несмотря на то, что в списке сокращений условное обозначение ссылки на словарь А. Попова выглядит как «Ант. Поп.» [Лыткин, Гуляев 1970: 342], в тексте словаря встречается только вариант «Поп. Ант.»): 1) «*кодзыль* (Поп. Ант.; мы читаем *коз'іл*) ‘муравей’» [Лыткин, Гуляев 1970: 126], ср. *кодзыль* «муравей» [Попов 1785а: л. 19об.]; 2) «*кочыс* (*коčis*)

(Ант. Поп.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 136], ср. *кóчысь* «смрадъ» [Попов 1785а: л. 21]; 3) «*нѣбагъ* ‘закон, указ’ (Поп. Ант.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 187], ср. *нѣбагъ* «законъ, указъ» [Попов 1785а: л. 30]; 4) «*пун* кп. ‘жила’ (Поп. Ант.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 232], ср. *пѹин* «жилы» [Попов 1785а: л. 37об.]; 5) «*чизым* ‘уксус’ (Поп. Ант.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 305], ср. *цѹзымъ* «уксусъ» [Попов 1785а: л. 47об.]; 6) «*чорп* ‘позвонок’ (Чеч.⁷; Поп. Ант.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 310], ср. *цѹорпъ* «позвонокъ» [Попов 1785а: л. 47об.]; 7) «*шоймѹм* ‘блѣдность’ (Поп. Ант.)» [Лыткин, Гуляев 1970: 321], ср. *шѹймемъ* «блѣдность» [Попов 1785а: л. 50].

Кроме того, в тексте словаря неоднократно встречается обозначение «дп.». В списке сокращений «дп.» — это «древнепермский язык (язык коми памятников письменности XIV—XVII вв.; Тр. — надпись на иконе Троицы, ЛЕ — лепехинский и евгеньевский списки древнепермской обедни)» [Лыткин, Гуляев 1970: 338], однако встречающееся в тексте, но нигде не раскрытое сокращение «дп. (XVIII в.)» (также просто «дп.»), по нашим наблюдениям, может относиться в том числе и к материалам, почерпнутым из рукописей А. Попова, например: «*al* дп.» (в статье *авья* ‘скромный, сдержанный’, ‘серьезный’, ‘приветливый, вежливый, учтивый’) [Лыткин, Гуляев 1970: 30], ср. *аль* «разумъ» [Попов 1785а: л. 3]; «*adž’*- дп.» (в статье *адзыны* ‘видеть, увидеть, найти’) [Лыткин, Гуляев 1970: 30], ср. *адземъ* «зрѣние», *адзя адзины* «вижу такъ же нахожу» [Попов 1785а: л. 3]; «*ай* дп. п. кя. ‘отец’» [Лыткин, Гуляев 1970: 31], ср. *ай* «отець» [Попов 1785а: л. 3]; «*баяр* дп. (XVIII в.)» (в статье *баяр* фольк. ‘боярин’) [Лыткин, Гуляев 1970: 37], ср. *баяръ* «вельможа» [Попов 1785а: л. 4]; «*bekar* дп. (XVIII в.) ‘ставец (сосуд для питья)’» [Лыткин, Гуляев 1970: 38], ср. *бэкеръ* «ставецъ» [Попов 1785а: л. 5об.]; «*bi* дп.» (в статье *би* ‘огонь’) [Лыткин, Гуляев 1970: 39], ср. *би* «огонь» [Попов 1785а: л. 4об.]; «*bur* дп.» (в статье *бур* ‘добрый, хороший’) [Лыткин, Гуляев 1970: 42], ср. *буръ* «хорошій, добрый, благій» [Попов 1785а: л. 5]; «*vęža* дп. ‘святой’» [Лыткин, Гуляев 1970: 50], ср. *вѣжа* «святой» [Попов 1785а: л. 6об.]; «*verт-* дп.» (в статье *вермыны* ‘преодолеть, победить, побороть, пересилить кого-нибудь’, ‘мочь, обладать силой’) [Лыткин, Гуляев 1970: 53], ср. *вѣрма вѣрмыны* «побѣждаю» [Попов 1785а: л. 7]; «*vo-* дп.» (в статье *воны* ‘прибыть, прийти’, ‘зреть, созреть’, ‘выиграть’) [Лыткин, Гуляев 1970: 63], ср. *воа воны* «прихожу» [Попов 1785а: л. 9]; «*gažal-* дп. ‘хотеть’» [Лыткин, Гуляев 1970: 74], ср. *гажала гажалны* «хочу, желаю» [Попов 1785а: л. 10об.]; «*jen ~ jent-* ‘бог’ дп.» [Лыткин, Гуляев 1970: 99], ср. *Jень* «Богъ» [Попов 1785а: л. 17]; «*i* дп.» (в статье *и* ‘и (союз)’) [Лыткин, Гуляев 1970: 109], ср. *и* союзъ «же» [Попов 1785а: л. 16об.]; «*jel-* дп.» (в статье *йѹв* ‘молоко’) [Лыткин, Гуляев 1970: 112], ср. *эль* «молоко» [Попов 1785а: л. 15]; «*karta* дп. ‘дом’» [Лыткин, Гуляев 1970: 117], ср. *карта* «домъ дворъ» [Попов 1785а: л. 18]; «*kod-* дп.» (в статье *код* мест. вопр. и относ. ‘кто’, ‘какой, который’) [Лыткин, Гуляев 1970: 125], ср. *кодья* местоимѣние «который» [Попов 1785а: л. 19об.]; «*kišet* дп.» (в статье *кутишѹм* ‘какой, каков’) [Лыткин, Гуляев 1970: 148], ср. *кучемъ* «какой», *кучемъ нѣбудъ* «какой нѣбудъ» [Попов 1785а: л. 22об.]; «*kjl-* дп.» (в статье *кыв* [кыви-] ‘язык’, ‘речь, слово’) [Лыткин, Гуляев 1970: 149], ср. *кыль* «слово языкъ» [Попов 1785а: л. 23]; «*kjl-* дп.» (в статье *кывны* ‘слышать, услышать’) [Лыткин, Гуляев 1970: 149], ср. *кыла кылны* «слышу» [Попов 1785а: л. 23]; «*kjten* дп. ‘где, в каком месте’» [Лыткин, Гуляев 1970: 155], ср. *кытенъ* «гдѣ» [Попов 1785а: л. 24]; «*lql* дп.» (в статье *лов* [лѹл-] ‘душа, дух, жизнь’) [Лыткин, Гуляев 1970: 160], ср. *лѹль* «Душа» [Попов 1785а: л. 25об.]; «*loj-* дп.» (в статье *лойны* ‘месить, размесить’) [Лыткин, Гуляев 1970: 160], ср. *лѹя лѹйны* «мѣшу» [Попов 1785а: л. 25об.]; «*lun, lip* дп. ‘день’» [Лыткин, Гуляев 1970: 163], ср. *лунъ* «день» [Попов 1785а: л. 26]; «*noll-* дп.» (в статье *новлыны* ‘носить (одежду), ‘переносить, перевозить’) [Лыткин, Гуляев 1970: 163], ср. *нѹлла нѹллыны* «ношу» [Попов 1785а: л. 30об.]; «*ord-* дп. кя. ‘у, при’» [Лыткин, Гуляев 1970: 206], ср. *ордамъ ордатъ ордасъ* предлогъ «у», *орде* предлогъ «у» [Попов 1785а: л. 33].

В списке сокращений названий трудов приводится ссылка на алфавитный словарь (по нормам современной орфографии) и указано место хранения (без шифра и количества листов в рукописи) [Лыткин, Гуляев 1970: 342].

[Баталова 1975]

Одному из словарей А. Попова посвящено два небольших абзаца в монографии Р. М. Баталовой «Коми-пермяцкая диалектология» во введении в разделе «Из истории изучения коми-пермяцких диалектов в дооктябрьский период» [Баталова 1975: 7].

Описание словаря начинается с указания его большого объема и названия: «Значительный словарный материал имеется в “Кратком пермском словаре с российским переводом собранный и по разным материалам расположенный города Перми Петропавловского собора протоиереем Антонием Поповым 1735 г.”». Как видно, название словаря передано по принципам современной орфографии. При этом в

⁷ Ссылка на [Чечулин 1823].

нем имеются 2 неточности: 1) вместо *материалам* должно быть *материям* (в оригинале — *матеріямъ*); 2) ошибочно указан год составления словаря — 1735 год, что, скорее всего, следует рассматривать как опечатку. Далее следует более конкретная информация об объеме словаря («Он содержит около 2500 слов»), но этот объем больше подходит для алфавитного словаря, который, по нашим подсчетам, включает в себя 2522 словарные статьи. Тематический словарь почти в два раза меньше алфавитного словаря — он содержит 1318 словарных статей. Вслед за данными об объеме словаря приводятся сведения о приложениях к нему, что повторяется из предшествующей работы автора [Баталова 1965: 110—111]. Как было сказано выше, «Примечания (...) к грамматике» формально не являются приложением к словарю, а являются отдельной рукописью [Попов 1785в].

Далее говорится о предполагаемом диалекте, отраженном в словаре, и о территории распространения этого диалекта, а также указываются 2 языковые особенности словаря: «В словаре представлен припермский диалект, который некогда был распространен на юго-западе от Чердыни и Оней. Данный диалект имел значительное сходство с нердвинским диалектом (ударение морфологизированное, суффикс множественного числа *-эз* и др.)» [Баталова 1975: 7]. Последняя языковая особенность является здесь новой информацией по сравнению с предшествующими описаниями рукописей А. Попова, сделанными автором [Баталова 1962; 1965]. Следует, однако, заметить, что на самом деле в рукописях А. Попова суффикс множественного числа имени существительного фигурирует с конечным согласным *-с*, на что указано самим А. Поповым в его грамматике [Попов 1785в: л. 5—6об.]. Это подтверждают и встречающиеся примеры в форме множественного числа в обоих словарях: *гъѣжъэсъ* «кокты» [Попов 1785а: л. 12об.] // кп. лит. *гыжжъэсъ*; *кѣръэсъ* «желѣзы, кандалы» [Попов 1785а: л. 18об.] (наша конъектура **кѣръэсъ*) // кп. лит. *кѣръэсъ*; *мольэсъ* «мольки /рыба./» [Попов 1785а: л. 27об.] // кп. диал. *мольга* [КПРС 1985: 252]; *нолланъэсъ* «носилки» [Попов 1785а: л. 30об.], *нолланъэсъ* «носилки» [Попов 1785б: л. 28] // кп. лит. *новьяннэсъ* или *новійотаннэсъ*; *ѣшланъэсъ* «вѣсы» [Попов 1785а: л. 53об.] // кп. лит. *ѣшланнэсъ*; *пидзѣсъэсъ* *вѣлсултны* «колѣна преклонить» [Попов 1785а: л. 35об.] // кп. лит. *пидзѣсъэсъ* *вѣлѣ сувтны*; *пѣнь вѣжъэсъ* «десны» [Попов 1785а: л. 35об.], *пѣнвужъэсъ* «десны» [Попов 1785б: л. боб.] // кп. лит. *пѣнь вужжъэсъ*; *сѣзъэсъ* «сѣти» [Попов 1785а: л. 41] // кп. диал. (северное наречие, косинско-камский диалект) *сѣзъэсъ* «силки» [Пономарева 2016: 221]; *страстьэсъ* «страсти» [Попов 1785б: л. 9] // кп. лит. *страсттэсъ*. Только в предпоследнем примере суффикс множественного числа оканчивается на согласный *-з*. Присутствие знаков *ъ* или *ь* в положении между гласным *э* или *е* суффикса множественного числа и основы слова, оканчивающейся на согласный звук, дает основание предполагать наличие начального согласного звука *й-* в составе суффикса множественного числа имени существительного, тем более что в этих примерах не показана ассимиляция начального согласного звука *й-* суффикса множественного числа *-йэсъ* предшествующим согласным основы, что сегодня наблюдается в коми-пермяцком литературном языке, а также в большинстве коми-пермяцких диалектов, ср. вышеприведенные примеры.

[Тепляшина, Лыткин 1976]

В третьем томе коллективной монографии «Основы финно-угорского языкознания» в § 23, посвященном описанию истории письменности пермских языков, в числе других рукописных работ XVIII в. по пермским языкам упомянут алфавитный словарь А. Попова. В сокращенном виде и по нормам современной орфографии дано название словаря, отмечен его объем, а также указано место хранения: «Есть рукописный коми-пермяцко-русский словарь Антония Попова («Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым», 1785 г.), который насчитывает до 2500 слов и хранится в Ленинградской Публичной библиотеке» [Тепляшина, Лыткин 1976: 116].

В этой монографии представлен также небольшой материал алфавитного словаря А. Попова — в § 120, посвященном описанию заимствований в коми языках. Здесь сказано, что «...в рукописном словаре Антония Попова (1785 г.)...», являющемся самым древним памятником письменности коми-пермяцкого языка⁸, содержится большое количество русских слов, и в качестве примера приведено 41 русское заимствование [Тепляшина, Лыткин 1976: 223—224]. Несмотря на отсутствие здесь точного названия словаря, по примерам можно судить, что они взяты именно из алфавитного словаря А. Попова [Попов 1785а]. Отдельные примеры даны с сохранением графико-орфографических особенностей оригинала. Тем не менее, в цитировании всех примеров наблюдаются разные неточности, большинство которых сводится к отсутствию ударения (все такие примеры далее опущены): *ангель*, ср. *а́нгель* [Попов 1785а: л. 3об.]; *борозад*, ср. *бѣрозда* [Попов 1785а: л. 4об.]; *вал* 'волна', ср. *ва́ль* «валь волна» [Попов

⁸ Напомним, что по этому признаку с рукописями А. Попова может соперничать по крайней мере «Список (...) Никиты Овчинникова» [Овчинников 1784—1785], см. вводные замечания.

1785а: л. 6]; *вилки* ‘вилка’, ср. *вѣлки* «вилки» [Попов 1785а: л. 8]; *внука* ‘внук’, ср. *внѹка* «внука»⁹ [Попов 1785а: л. 9]; *вторник*, ср. *втѹрникъ* [Попов 1785а: л. 9об.]; *век* ‘всегда’, ср. *вѣкъ* «вѣкъ, время, такъ же всегда» [Попов 1785а: л. 10]; *вера*, ср. *вѣра* [Попов 1785а: л. 10]; *гѣлесъ* (*гѹлѹс*) ‘голос’, ср. *гѣлесъ* [Попов 1785а: л. 11]; *гербъ* (*гѹрб*) ‘горб’, ср. *гѣрбъ* [Попов 1785а: л. 11]; *гѣсть* (*гѹсть*) ‘гость’, ср. *гѣсть* [Попов 1785а: л. 11об.]; *головня*, ср. *гѹловня* [Попов 1785а: л. 11об.]; *грѣкъ* ‘грех’, ср. *грѣкъ* [Попов 1785а: л. 12]; *думайта* ‘думаю’, ср. *дѹмайта* [Попов 1785а: л. 14об.]; *деде* (*дедѹ*) ‘дед’, ср. *дѣде* [Попов 1785а: л. 14об.].

[Кривошекова-Гантман 1977]

Один из словарей А. Попова упомянут в статье А. С. Кривошековой-Гантман «Коми-пермяцкое языкознание за 50 лет» [Кривошекова-Гантман 1977] в числе других коми-пермяцких рукописных словарей XVIII—XIX вв. Здесь автором подчеркнута следующая мысль — составление рукописных словарей данного периода следует считать началом лексикографической работы по коми-пермяцкому языку. В статье представлено название словаря А. Попова и количество словарных статей в нем. Все эти данные взяты из монографии Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 7] со всеми аналогичными неточностями, за исключением одного слова, фигурирующего в названии словаря. В работе А. С. Кривошековой-Гантман читаем верное «...*материям*...» [Кривошекова-Гантман 1977: 24], а в монографии Р. М. Баталовой — «...*материалам*...» [Баталова 1975: 7].

[КПРС 1985]

Ровно через двести лет после создания рукописей протоиерея Антония Попова материал этих документов нашел практическое применение при составлении А. С. Кривошековой-Гантман и Р. М. Баталовой «Коми-пермяцко-русского словаря» [КПРС 1985], см. в предисловии: «Словарный материал по языку камских коми приводится также в рукописных памятниках, среди которых самыми значительными являются: «Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный... Антонием Поповым», 1785 г. В словаре содержится около 2500 слов...» [КПРС 1985: 6]. Он же указан среди прочих лексикографических источников словаря [КПРС 1985: 11].

По нашим подсчетам, помета «*Поп.*» (то есть, «словарь Попова» [КПРС 1985: 12]) встретила в тексте словаря 55 раз. Как и в других работах Р. М. Баталовой (см. выше), лексемы, как правило, приводятся в измененном виде — по нормам современной орфографии (что в данном случае обусловлено нормативным характером словаря) и/или с другим ударением, а некоторые слова и сочетания в рукописях А. Попова не найдены: *вѣрдыши* ‘молния’ [КПРС 1985: 75] — не найдено, в рукописях есть только *вѣрдаланъ* «молнія» [Попов 1785а: л. 8об.], *вѣрдаланъ* «молнія» [Попов 1785б: л. 4], которое в словаре дано в статье *вѣрдаланъ* с пометой «уст[аревшее]» [КПРС 1985: 75]; *вѹдж* ‘десятина (земли)’ [КПРС 1985: 82] — не найдено; *гѣчег* ‘бобр’ [КПРС 1985: 97], ср. *гѣчегъ* [Попов 1785а: л. 11], *гѣчегъ* [Попов 1785б: л. 19об.]; *гѣжлаланъ* ‘писчее перо, перо для письма’ [КПРС 1985: 98], ср. *гѣжлаланъ* «перо пишечее» [Попов 1785а: л. 11об.]; *гѹрда* ‘селезень’ [КПРС 1985: 102], ср. *гѹрда* [Попов 1785а: л. 11об.], *гѹрда* [Попов 1785б: л. 21]; *гѹграланъ* ‘циркуль’ [КПРС 1985: 105] — не найдено; *гудыртись* ‘возмутитель’ [КПРС 1985: 109] — не найдено, есть только *гудырта гудыртны* «возмущаю» и *гудырь* «мутной» [Попов 1785а: л. 12]; *гудыртны* ‘возмущать, возмутить’ [КПРС 1985: 109], ср. *гудыртны* [Попов 1785а: л. 12]; *гультымъ* ‘глоток’ [КПРС 1985: 109], ср. *гультымъ* [Попов 1785а: л. 12; 1785б: л. 15об.]; *дугнинъ* ‘дубас, холщовый сарафан’ [КПРС 1985: 131], ср. *дугнинъ* «сарафанъ» [Попов 1785а: л. 14]; *дукѹс* ‘кафтан; сарафан’ [КПРС 1985: 131], ср. *дукѹсъ* [Попов 1785а: л. 14]; *зюз* ‘балабан (птица)’ [КПРС 1985: 152], см. *зюзь* [Попов 1785а: л. 16об.] vs. *зюсь* [Попов 1785б: л. 21]; *йипалакъ* ‘льдина’ [КПРС 1985: 157], ср. *йѣпалакъ* [Попов 1785а: л. 17об.]; *кѣльчи яй* ‘икры ног’ [КПРС 1985: 169], ср. *кѣльцияй* «икра у ноги» [Попов 1785а: л. 18об.]; *керкушѹн* ‘хижина, домишко’ [КПРС 1985: 170], ср. *керкушенъ* «хижина» [Попов 1785а: л. 18об.]; *кокаджѣк* ‘скамья’ [КПРС 1985: 105] — не найдено; *кокѹн* ‘кирка’ [КПРС 1985: 179], ср. *кѹканъ* [Попов 1785а: л. 20]; *кодзѣр* ‘пятка’ [КПРС 1985: 179] — не найдено; *кѹла* ‘шалаш’ [КПРС 1985: 180] — не найдено; *кѹмидз* ‘лук (дикий)’ [КПРС 1985: 183], ср. *кѹмидзь* [Попов 1785а: л. 20об.]; *кѹдзыл* ‘муравей’ [КПРС 1985: 191], ср. *кѹдзыль* [Попов 1785а: л. 19об.]; *кѹдзыт висян* ‘лихорадка’ [КПРС 1985: 191], ср. *кѹдзитвисянъ* «лихорадка, трясавица» [Попов 1785а: л. 24]; *кузь пурт* ‘сабля, шпага’ [КПРС 1985: 199], ср. *кузь пурта* «салдать а собственно долгой ножъ» [Попов 1785а: л. 21об.] — в словаре *кузь пурта* ‘солдат’ дано только с пометой «*Рог.*» [КПРС 1985: 199] (ср. в свою

⁹ См. общепринятое в русском языке середины XIX в. слово *внѹка* ‘дочь сына или дочери; дочь племянника или племянницы’ [Сл. Акад. 1847: 136].

очередь у Н. А. Рогова *кузпурта* ‘солдат’, собст.¹⁰ ‘длинноногий’ [Рогов 1869: 80]; *күлөм горт* ‘гроб’ [КПРС 1985: 200], ср. *күлемь зортъ* [Попов 1785а: л. 22]; *кымөр* ‘небо’ [КПРС 1985: 211], ср. *кымерь* «туча облакъ» [Попов 1785а: л. 23об.]; *лэчит пурт* ‘бритва’ [КПРС 1985: 237], ср. *лэчить пуртъ* [Попов 1785а: л. 25]; *ляк* ‘печать’ [КПРС 1985: 239] — не найдено; *лякалэн* ‘печать’ [КПРС 1985: 239] — не найдено; *модян* ‘сказка’ [КПРС 1985: 252], ср. *модянь* [Попов 1785а: л. 27об.]; *небаг* ‘указ, закон’ [КПРС 1985: 267], ср. *нѣбагъ* [Попов 1785а: л. 30об.]; *небсян* ‘торг’ [КПРС 1985: 267], ср. *нѣбсянь* [Попов 1785а: л. 31]; *ниртэн* ‘пила’ [КПРС 1985: 275] — не найдено, есть только *нирта ниртны* «пилю, тру» [Попов 1785а: л. 30]; *нырпөдөм* ‘насморк’ [КПРС 1985: 280], ср. *нырпэдемь* [Попов 1785а: л. 30об.]; *оклалэн* ‘качели’ [КПРС 1985: 291], ср. *оклань* «качель» [Попов 1785а: л. 32об.]; *оксу* ‘государь’ [КПРС 1985: 304], ср. *ыксу* «государь, государина» [Попов 1785а: л. 52].

Далее в словаре помета «Поп.» встречается только с буквы *ш* и до слова *ыргөн* относится к лексемам, которые в рукописях А. Попова не обнаружены: *шабди* ‘лён’ [КПРС 1985: 551] — не найдено; *шаблэсьны* ‘колебаться’ [КПРС 1985: 551] — не найдено; *шег* ‘лодыжка’ [КПРС 1985: 557] — не найдено; *шешитыны* ‘жить в роскоши’ [КПРС 1985: 559] — не найдено; *ши* ‘рогатка, копьё’ [КПРС 1985: 560] — не найдено; *шойнан* ‘гроб’ [КПРС 1985: 564] — не найдено, есть только *шойна* «могила» [Попов 1785а: л. 49; 1785б: л. 3]; *шоркыти* ‘морская раковина’, ‘ручей’ [КПРС 1985: 566] — не найдено, есть только *шор* «ручей ключь» [Попов 1785а: л. 50об.; 1785б: л. 4]; *шотны* ‘расточать’ [КПРС 1985: 568] — не найдено; *ыждотны кыкись* ‘почитать, воздать честь’ [КПРС 1985: 577] — не найдено; *ыжкү* ‘овчина’ [КПРС 1985: 568] — не найдено; *ыргөн* ‘медь’ и *ыргөна* ‘медный’ [КПРС 1985: 568], ср. *ыргень* и *ыргена* [Попов 1785а: л. 52; 1785б: л. 5]; *ышкись* ‘хвостун’ [КПРС 1985: 583], ср. *ышкесь* «самохваль, хвостунь» [Попов 1785а: л. 52; 1785б: л. 5]; *ышкөтчись* ‘тщеславный’ и *ышкөтчөм* ‘тщеславие’ [КПРС 1985: 583] — не найдено, есть только *ышкетця ышкетцины* «хвалюся» [Попов 1785а: л. 52]; *югдандор* ‘утренняя заря’ [КПРС 1985: 587], ср. *югдандорь* «разсвѣтъ» [Попов 1785а: л. 53об.].

В полном соответствии с оригиналом даны лишь следующие лексемы: *жо* ‘калина’ [КПРС 1985: 142], см. [Попов 1785а: л. 15об.; 1785б: л. 18]; *күа* ‘кожаный’ [КПРС 1985: 198], см. [Попов 1785а: л. 21]; *нод* ‘рукоятка’ [КПРС 1985: 276], см. [Попов 1785а: л. 30]; *өзыр* ‘богатый’ [КПРС 1985: 290], см. [Попов 1785а: л. 32].

[Аксёнова 2000]

Рукописным памятникам коми-пермяцкой письменности посвящена одна из статей О. П. Аксёновой — «К вопросу о рукописных материалах XVIII — начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка» [Аксёнова 2000].

В начале статьи приводится список из шести рукописных словарей по коми-пермяцкому языку XVIII — начала XIX вв., хранящихся в архивах разных городов России — в Санкт-Петербурге, Казани и Кирове. Каждому рукописному словарю посвящено небольшое описание, в котором говорится о месте нахождения словаря, его объеме и отраженном в нем предполагаемом диалекте. В этом списке присутствует и алфавитный словарь А. Попова 1785 г. По подсчетам О. П. Аксёновой, он содержит 2499 слов [Аксёнова 2000: 16]. Указывая диалектную принадлежность словаря, О. П. Аксёнова ссылается на работу Р. М. Баталовой 1966 г. (следует — 1965 г.). К сожалению, автор допускает неточность не только в указании года публикации работы Р. М. Баталовой, но и в построении предложения, в результате чего получается, что не припермский диалект, отраженный в словаре А. Попова, занимает территорию к юго-востоку от г. Кудымкара, а нердвинский диалект, с которым, согласно Р. М. Баталовой [Баталова 1965: 114], предполагаемый припермский диалект имеет сходства.

Вслед за списком коми-пермяцких рукописных словарей указанного периода архаизмы этих словарей рассмотрены с точки зрения употребления их в современных коми-пермяцких диалектах или в литературном языке. Такому анализу подвергнуто 8 архаизмов из алфавитного словаря А. Попова [Аксёнова 2000: 17]. Судя по всему, материал для этой статьи извлечен не напрямую из рукописей, а из статьи Р. М. Баталовой, поэтому грешит неточностями — все примеры словаря А. Попова приведены здесь с разными неточностями: *вожа бөж* ‘солдат’, ср. *вожа бөжъ* «салдать а собственно распоротый задъ» [Попов 1785а: л. 9]; *гижлалан* ‘писчее перо’, ср. *гижлалань* «перо пишчее» [Попов 1785а: л. 11об.]; *зоря* ‘вид травы’, ср. *зоря* «зоря /трава/» [Попов 1785а: л. 16]; *йпалак* ‘льдина’, ср. *йпалакъ* «льдина» [Попов 1785а: л. 17об.]; *пөдтурун* ‘белена’, ср. *пөдтурынь* «белена /трава/» [Попов 1785а: л. 34об.]; *рыжлы* ‘хрящ’, ср. *рыжла* «хрящъ» [Попов 1785а: л. 39об.]; *шоймөм* ‘бледность’, ср. *шоймемь* «блѣдность» [Попов 1785а: л. 50]; *ышкөтчыны* ‘хвастаться’, ср. *ышкетця ышкетцины* «хвалюся» [Попов 1785а: л. 52].

¹⁰ Так у Н. А. Рогова. Должно быть: «собств.», см. список сокращений [Рогов 1869: VI].

[Грейдан 2005]

В конце статьи А. Грейдана — богословского редактора Института перевода Библии (г. Хельсинки, Финляндия) в 1993—2014 гг. — «Краткий обзор духовной переводческой литературы на коми-пермяцком языке» [Грейдан 2005] в списке библиографических ссылок на источники приводятся данные всех трех рукописей А. Попова — даны названия рукописей по нормам современной орфографии (названия фигурируют в измененном виде), указано место их хранения и шифр.

По устному сообщению А. Грейдана, его знакомство с рукописными словарями А. Попова дало возможность коми-пермяцкой переводческой группе из Института перевода Библии (г. Хельсинки, Финляндия) улучшить работу по переводу книг Нового Завета на коми-пермяцкий язык. Особенно это проявилось в разработке коми-пермяцкой библейской терминологии. Рукописные словари А. Попова в этом плане достоверны, поскольку они составлялись в традиционалистское время и в том числе с миссионерскими целями, а «Коми-пермяцко-русский словарь» 1985 года был издан в атеистическую эпоху и поэтому не мог быть основополагающим в этой работе. Так, материал рукописных словарей А. Попова помог подтвердить и ввести в пробные издания библейских текстов на коми-пермяцком языке следующие религиозные термины, которые вызывали проблемы в их установлении: *веськыт* 'правда' [Матьвей съörtи бур юör 2001: 12], ср. *вёскыть* «правда, правый, прямой, справедливый, вёрный, правдивый» [Попов 1785а: л. 7об.], *вёскыть* «справедливый» [Попов 1785б: л. 11об.]; *кёслун* 'пост' [Челядь понда Библия 2003: 222], ср. *кэсь лунь* «постной день» [Попов 1785а: л. 24об.], *кэслунь* «день постный» [Попов 1785б: л. 3]; *куль* 'дьявол' [Лука съörtи бур юör 2005: 14], ср. *күль* «дьяволь так же куль» [Попов 1785а: л. 22], *куль* «дьяволь» [Попов 1785б: л. 2]; *оксу* 'царь' [Лука съörtи бур юör 2005: 1], ср. *ыксу* «государь, государина» [Попов 1785а: л. 52] и др., а также другие важные в библейском переводе слова, например, *вешалун* 'праздник' [Лука съörtи бур юör 2005: 83], ср. *вёжа лунь* «праздник» [Попов 1785а: л. 6об.; 1785б: л. 5об.]; *эмбур* 'богатство' [Библия висьттэз 2002: 18], ср. *эмбурь* «имённе» [Попов 1785а: л. 53]; *яндзим* 'стыд' [Библия висьттэз 2002: 12], ср. *яндзимь* «стыдь» [Попов 1785а: л. 54об.; 1785б: л. 9] и др.

[Öньö Лав 2009; 2018]

В статье Öньö Лава «Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка» 1785 год, которым подписаны коми-пермяцкие труды А. Попова, трактуется как время зарождения рукописного периода внутренней (собственно-пермяцкой) традиции в истории становления коми-пермяцкого литературного языка [Öньö Лав 2009: 262, 265]. Согласно Öньö Лаву, особенностью коми-пермяцких словарей, составленных в период с 1785 года по 1850 год, является наличие в них большого количества абстрактной лексики искусственного происхождения, в первую очередь, слов и словосочетаний из области христианского богослужения [Öньö Лав 2009: 265]. В статье, однако, это теоретическое утверждение не подтверждается примерами и пока должно считаться гипотезой.

В статье «Коми гижöд 1920' воясöдз» (Коми письменность до 1920-х годов), составленной Öньö Лавом и размещенной на сайте «FU-LAB», дается библиографический список памятников письменности до 1920-х годов двух коми языков (коми-зырянского и коми-пермяцкого) [Öньö Лав 2018]. Здесь указаны все известные к настоящему времени работы Антония Попова. Названия рукописей представлены полностью и с соблюдением орфографии оригинала, на коми-пермяцком языке указано место их хранения, шифр, объем, а при тематическом словаре отмечены данные относительно его объема (1324 статьи) и диалектной принадлежности со ссылкой на работы Р. М. Баталовой 1966 г. (должно быть [Баталова 1965]) и А. С. Гантман 2006 г. (очевидно, [Кривошекова-Гантман 2006]). Редакция тематического словаря А. Попова в собрании Ф. П. Аделунга (см. выше: РНБ, Ф. 7 (Ф. П. Аделунг), № 123. 17 л.) доступна для просмотра и скачивания.

Другие исследования XXI в.

Имя протоиерея Антония Попова упоминается в 9-ой главе книги «Коми-Пермяцкий округ: век XX» в части «О некоторых этапах развития коми-пермяцкой письменности» за авторством А. С. Лобановой [Лобанова 2001]. Здесь имя А. Попова стоит в одном ряду с именами ученых-путешественников XVIII в. (Г. Ф. Мюллера, И. Фишера, П. С. Палласа и И. И. Лепехина), в трудах которых впервые были зафиксированы отдельные слова и выражения коми-пермяцкого языка [Лобанова 2001: 176].

В том же контексте имя Антония Попова упоминается в статье Т. Н. Меркушевой [Меркушева 2012: 38].

В посмертном издании А. П. Феоктистова под одной обложкой объединены монографии «Истоки мордовской письменности» [Феоктистов 1968] и «Очерки по истории формирования мордовских пись-

менно-литературных языков (ранний период)» [Феоктистов 1976], поэтому там без изменений повторяется информация из [Феоктистов 1968: 53—55] (см. выше) [Феоктистов 2008: 83, 84—85].

В монографии Е. Н. Федосеевой «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» в разделе «История изучения диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка» дана небольшая информация об алфавитном словаре А. Попова [Федосеева 2015: 4], цитируемая из монографии Р. М. Баталовой [Баталова 1975: 7].

Вместо заключения

По нашим сведениям, первым упоминанием в научной литературе коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова можно считать [Лыткин 1962]. Эта публикация послужила тому, что рукописи стали привлекать внимание исследователей и использоваться в научных целях. Позже материалы рукописей А. Попова использовались В. И. Лыткиным при разработке исторического вокализма пермских языков [Лыткин 1964], этимологизации коми лексики [Лыткин, Гуляев 1970], описании истории коми-пермяцкой письменности [Тепляшина, Лыткин 1976: 116] и рассмотрении русских заимствований в коми языках [Тепляшина, Лыткин 1976: 223—224].

Чаще остальных к исследованию рукописей А. Попова обращалась Р. М. Баталова. В той или иной степени к его рукописям она обращалась как минимум в четырех работах [Баталова 1962: 4; 1965: 110—114; 1967: 70—73; 1975: 7]. Небольшой фрагмент (около 4 страниц) одной из ее статей [Баталова 1965: 110—114] остается единственным специальным и в то же время самым объемным исследованием маленькой части большого коми-пермяцкого наследия А. Попова. В этом фрагменте статьи описаны некоторые графико-орфографические, фонетические и лексические особенности алфавитного словаря. К сожалению, примеры даны в соответствии с принципами современной орфографии, диакритические символы, которыми изобилуют рукописи, опущены — и специально это нигде не оговорено, а при цитировании материала допущен ряд неточностей¹¹. При этом для некоторых авторов, так или иначе касающихся темы рукописей А. Попова, но не работавших с ними лично, данная статья Р. М. Баталовой, вероятно, явилась единственным источником сведений об этих рукописях.

Хотя первое краткое упоминание о говоре, отраженном в тематическом словаре А. Попова, встречается у В. И. Лыткина — «...представлен говор косинско-камского типа» [Лыткин 1962: 148], в дальнейшем именно Р. М. Баталовой на основе конкретных языковых данных представлен опыт идентификации пермяцкого идиома в рукописях А. Попова — диалект, имеющий значительное сходство с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка [Баталова 1965; 1975] — и очерчена примерная территория его распространения, ср. «на юго-западе от Чердыни и Оней» [Баталова 1975: 7] ~ «к юго-востоку от города Кудымкара» [Баталова 1965: 114] ~ на востоке от Перми между Губахой и Кунгуром [Баталова 1962: 4, карта]. В ее же работах повторяется условное название этого идиома — «припермский диалект» [Баталова 1962: 4; 1965: 114; 1967: 70, 72; 1975: 7].

Скорее всего, название пермяцкому диалекту рукописей А. Попова — припермский — дано Р. М. Баталовой по городу Перми, что фигурирует во всех трех названиях рукописей протоиерея Антония Попова.

На наш взгляд, высказывания Р. М. Баталовой в отношении определения пермяцкого диалекта рукописей А. Попова на основе языковых особенностей и установления территории распространения этого диалекта являются недостаточно убедительными по нескольким причинам:

— некоторые выделенные автором особенности пермяцкого языка работ А. Попова не находят подтверждения в рукописях А. Попова либо определены не совсем точно;

— территория распространения этого диалекта определена Р. М. Баталовой противоречиво, даже в рамках одной статьи, см. [Баталова 1962];

— согласно Р. М. Баталовой, диалект, отраженный в рукописях А. Попова, был расположен за пределами Коми-Пермяцкого округа, и сегодня является вымершим. Безусловно, такая версия возможна, ибо общеизвестно, что коми-пермяки раньше занимали обширную территорию Прикамья [Кривошекова-Гантман 1983: 4—5; Баталова 1975: 13]. Однако для идентификации вымершего диалекта и точного обозначения территории его распространения нужно, по крайней мере, иметь три сильные основы: 1) всестороннее рассмотрение всех особенностей пермяцкого языка рукописей А. Попова; 2) детальные исследования ныне функционирующих коми-пермяцких диалектов и 3) исследования памятников пись-

¹¹ Как было показано выше, среди имен прочих исследователей, обращавшихся к рукописям и оставивших об этом отметку в листах использования рукописей, нет имени Р. М. Баталовой, поэтому осмелимся предположить, что она работала не непосредственно с рукописями, а с их фотокопиями, сделанными по заказу Института языкознания АН СССР.

менности по коми-пермяцкому языку, которыми довольно богат коми-пермяцкий язык. Тем более, что, судя по предварительным данным ученых [Баталова 1965: 110; 1967; Аксёнова 2000], ныне исчезнувшие коми-пермяцкие диалекты, функционировавшие за пределами Коми-Пермяцкого округа, отражают не только рассматриваемые нами рукописи А. Попова, но и другие работы. К сожалению, из коми-пермяцких письменных памятников сегодня изучены лишь единицы, многие из них до сих пор остаются неизданными. Коми-пермяцкие диалекты же исследованы неравномерно. Нердвинский диалект, с которым, по мнению Р. М. Баталовой [1965: 114; 1975: 7], язык рукописей А. Попова имеет значительные сходства, на сегодняшний день является слабоизученным. Языковые особенности рукописей А. Попова находятся на начальном этапе изучения.

Исходя из сказанного, идентификация коми-пермяцкого диалекта, легшего в основу рукописей Антония Попова, представляет собой непростую задачу. На основе тех немногочисленных исследований пермяцкого языка рукописей А. Попова, рассмотренных нами выше, а также с учетом наших наработок [Гайдамашко, Пономарева 2018а: 34—43; Пономарева 2018: 77—79], в отношении идентификации пермяцкого диалекта рукописей А. Попова можно отметить следующее:

1) По такому важному признаку классификации всех коми диалектов, как употребление в них велерного звука *л* в первичном виде или же в измененном ($л \rightarrow в \rightarrow \emptyset$; $л \sim в$), пермяцкий язык работ А. Попова относится к эловым диалектам, в нем употребляется твердый звук *л* без изменений во всех позициях слова. По этому признаку диалект рукописей А. Попова сходен со всеми севернопермяцкими диалектами, нердвинским и оньковским¹² диалектами южнопермяцкого наречия, а также наречиями — коми-язьвинским и верхнекамским, — функционирующими за пределами Коми-Пермяцкого округа;

2) Другие выявленные нами особенности языка рукописей А. Попова встречаются сегодня в разных коми-пермяцких диалектах: в северных диалектах, в верхнекамском наречии, в оньковском диалекте, а также в некоторых кудымкарско-иньвенских и нижнеиньвенских говорах. К примеру: а) наличие в некоторых исконных словах звука *ы* на месте коми-пермяцкого литературного *у*, см. *гóжымь* «лѣто» [Попов 1785б: л. 4об.] // кп. лит. *гожум* — зафиксировано в северных диалектах и в верхнекамском наречии; б) употребление гласного звука *õ* на месте коми-пермяцкого литературного *о* в русских заимствованиях, см. *звѣнь*¹³ «звонъ» [Попов 1785а: л. 16] // кп. лит. *звон* — наблюдается в севернопермяцких диалектах, в верхнекамском наречии и в некоторых кудымкарско-иньвенских говорах; в) ассимиляция звука *й* предшествующим твердым согласным *л*, см. *но́лла но́ллыны* «ношу» [Попов 1785а: л. 30об.] // кп. лит. *новья, новйыны* — встречается в северных диалектах и в оньковском диалекте южного наречия [Гайдамашко, Пономарева 2018а]. Большинство же выявленных нами языковых особенностей рукописей А. Попова зафиксировано сегодня в севернопермяцких диалектах [Гайдамашко, Пономарева 2018а: 34—43; Пономарева 2018: 77—79]. Вполне возможно, что обнаруженные нами особенности пермяцкого языка трудов протоиерея А. Попова наблюдаются и в других коми-пермяцких говорах. Однако в силу их недостаточной изученности, эти явления пока в них не зафиксированы;

3) На сегодняшний день мы исследовали лишь некоторые особенности пермяцкого языка работ А. Попова. Дальнейшее детальное рассмотрение всех языковых особенностей, встречающихся в рукописных работах А. Попова, с привлечением данных по всем коми-пермяцким диалектам, расположенным сегодня на территории Коми-Пермяцкого округа и за его пределами, а также результаты исследований других коми-пермяцких памятников письменности, дадут возможность либо подтвердить выдвинутые ранее версии в отношении определения диалекта рукописей А. Попова и установления территории его распространения, либо утвердить новую версию по этому поводу.

Наряду с Р. М. Баталовой, больше других исследователей про рукописи А. Попова написал, что довольно неожиданно, А. П. Феоктистов в контексте изучения мордовских памятников письменности [Феоктистов 1968: 53—55]. То же в [Феоктистов 2008: 83, 84—85]. Заметки А. П. Феоктистова отличаются большей точностью в цитировании материала (названия рукописей не сокращены, коми-пермяцкие примеры даны в полном соответствии с графикой и орфографией оригинала и др.), но при этом пермитами они, насколько нам известно, во внимание не принимались.

Несмотря на то, что А. С. Кривошекова-Гантман не занималась исследованием рукописей XVIII—XIX вв., в ее статье высказана мысль о том, что зарождение коми-пермяцкой лексикографии связано с созданием коми-пермяцких рукописных словарей конца XVIII — начала XIX вв., в числе которых упомянут и один из словарей А. Попова [Кривошекова-Гантман 1977: 24].

¹² Р. М. Баталова оньковский диалект называет безвэовым — в нём этимологический звук *в* вытесняется согласным *л* [Баталова 1975: 46].

¹³ А. Попов в своих рукописях коми-пермяцкий неогубленный звук *õ* в большинстве случаев передает с помощью буквы *е*.

Некоторые суждения относительно коми-пермяцких рукописных словарей указанного периода сделаны Ёньё Лавом при попытке периодизации истории коми-пермяцкого языка. 1785 год, которым датированы рукописи А. Попова, трактуется Ёньё Лавом как время зарождения собственно-пермяцкой традиции в истории становления коми-пермяцкого литературного языка [Ёньё Лав 2009: 262, 265].

В иных исследованиях рукописи А. Попова, как правило, просто упоминались в ряду других письменных памятников коми-пермяцкого языка, но их материал не подвергался специальному анализу и не привлекался для сопоставления с другими источниками. При этом материал рукописей А. Попова нашел практическое применение при составлении «Коми-пермяцко-русского словаря» [КПРС 1985] (материалы включены выборочно и с неточностями) и при переводах библейских текстов [Матьвей съёрти бур юёр 2001; Библия висьттэз 2002; Челядь понда Библия 2003; Лука съёрти бур юёр 2005].

В целом приходится констатировать тот факт, что коми-пермяцкое рукописное наследие протоиерея Антония Попова широкому кругу языковедов известно в недостаточной степени и при сравнительно-исторических исследованиях к анализу не привлекается.

В наши дни коллективом научных сотрудников из Кудымкара, Перми, Санкт-Петербурга и Хельсинки предпринят проект по введению в научный оборот этих письменных памятников, что предполагает в числе прочего решение следующих задач: текстологический и палеографический анализ рукописей Попова и их редакций; написание научных комментариев; изучение и описание графического, фонетического, морфологического и лексического аспектов коми-пермяцкого и русского языка рукописей; выявление и интерпретация уникальных языковых особенностей памятников и др. К настоящему моменту опубликованы презентация проекта [Пономарева, Гайдамашко 2018], некоторые фонетические и морфологические особенности пермяцкого языка рукописей А. Попова [Гайдамашко, Пономарева 2018а; Пономарева 2018], наблюдения над русскими заимствованиями в коми-пермяцком языке рукописей А. Попова [Гайдамашко, Пономарева 2018б].

Сокращения

диал. — диалектное
кп. — коми-пермяцкое
л. — лист

лит. — литературное
об. — оборот (листа)
собст. — собственно (сокращение Н. А. Рогова)

Литература

Аксёнова 2000 — Аксёнова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII — начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов / Сост. и отв. ред. Кельмаков В. К. Ижевск, 2000. С. 15—19. {*Aksyonova O. P. On the Manuscript 18th — early 19th-century Materials on Extinct Dialects of Komi-Permyak // Permistics 6: Problems of Synchrony and Diachrony of Permian Languages and their Dialects / Comp. and ed. Kelmakov V. K. Izhevsk, 2000. P. 15—19.*}

Баталова 1962 — Баталова Р. (Баталова Р. М.). Новые памятники коми-пермяцкого языка // По ленинскому пути (Кудымкар). 1962. № 214. 9 сентября. С. 4. {*Batalova R. New Monuments of Komi-Permyak // Following Lenin's Path (Kudymkar). 1962. Vol. 214. September 9th. P. 4.*}

Баталова 1965 — Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII — первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3 / Отв. ред. Майтинская К. Е. М., 1965. С. 110—121. {*Batalova R. M. Manuscript Dictionaries of Komi-Permyak from 1700s — 1850s // Issues in Finno-Ugric Linguistics. Vol. 3 / Ed. Maytinskaya K. E. M., 1965. P. 110—121.*}

Баталова 1967 — Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4 / Отв. ред. Алатырев В. И. Ижевск, 1967. С. 69—75. {*Batalova R. M. Materials on the Komi-Permyak Vocabulary (Excerpts from 18th and Early 19th-century Dictionaries) // Issues in Finno-Ugric Linguistics. Vol. 4. / Ed. Alatyrev V. I. Izhevsk, 1967. P. 69—76.*}

Баталова 1975 — Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {*Batalova R. M. Komi-Permyak Dialectology. M., 1975.*}

Библия висьттэз 2002 — Библия висьттэз. Библейские рассказы на коми-пермяцком языке. Хельсинки—Стокгольм, 2002. {*Biblical Tales in Komi-Permyak / Helsinki-Stockholm, 2002.*}

Гайдамашко 2017 — Гайдамашко Р. В. Еще раз о «Списке русских слов с переводом...» за подписью Никиты Овчинникова: фрагменты палеографического и текстологического анализа // Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference / Ed. Sz. T. Tóth. Narva, 2017. P. 25—26.

{*Gaidamashko R. V.* Once again on the “List of Russian Words with Translations” Signed as Nikita Ovchinnikov: Fragments of Paleographic and Textological Analyses // *Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples II. Abstracts of the 5th day of Agricola conference / Ed. Sz. T. Tóth.* Narva, 2017. P. 25—26.}

Гайдамашко, Пономарева 2018а — *Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г.* Коми-пермяцкое рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748—1788): диалектные особенности в области фонетики // *Вопросы диалектологии.* 2018, 1—2. С. 34—43. {*Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G.* Komi-Permyak manuscript heritage of archpriest Antony Popov (1748—1788): dialect features in phonetics // *Problems of Dialectology.* 2018. Vol. 1-2. P. 34—43.}

Гайдамашко, Пономарева 2018б — *Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г.* Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова 1785 года // *Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21—24 мая 2018 г.) / Сост. и отв. ред. Иванова А. М., Фомин Э. В.* Чебоксары, 2018. С. 108—112. {*Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G.* Russian Loans in Komi-Permyak in Manuscripts by Archpriest Antony Popov of 1785 // *Language Contacts of Volga and Ural Peoples: Collection of Articles from the 11th International Symposium (Cheboksary, May 21st—24th 2018) / Comp. and ed. Ivanova A. M., Fomin E. V.* Cheboksary, 2018. P. 108—112.}

Грейдан 2005 — *Грейдан А.* Краткий обзор духовной переводческой литературы на коми-пермяцком языке // *Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета. Материалы Международной научно-практической конференции (20—21 октября 2005 г., Пермь) / Отв. ред. Лобанова А. С.* Пермь, 2005. С. 167—169. {*Greydan A.* Short Survey of Spiritual Translated Literature in Komi-Permyak // *National Languages of Russia: Regional Aspect. For the 50th Anniversary of the Komi-Permyak-Russian Department at the Philological Faculty of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Materials of the International Scientific and Practical Conference (October 20th—21st 2005, Perm) / Ed. Lobanova A. S.* Perm, 2005.}

КПРС 1985 — *Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. М., 1985.* {*Komi-Permyak-Russian Dictionary / Comp. Batalova R. M., Krivoshchyokova-Gantman A. S. M., 1985.*}

Кривошекова 2008 — *Кривошекова Л. В.* Термины родства в печатных памятниках XVIII века // *Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / Гл. ред. Лобанова А. С.* Пермь, 2008. С. 80—84. {*Krivoshchyokova L. V.* Kinship Terms in Printed Monuments of the 18th Century // *Manuscript Monuments as Basis for Creating National Writing: Materials of the Interregional Scientific Conference in Honor of the 170th Anniversary of Manuscript Grammar of Permyak (Modern Komi-Permyak) / Ed. Lobanova A. S.* Perm, 2008. P. 80—84.}

Кривошекова-Гантман 1977 — *Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкое языкознание за 50 лет // *Лингвистическое краеведение Прикамья / Отв. за вып. Кременцова Л. И.* Пермь, 1977. С. 20—32. {*Krivoshchyokova-Gantman A. S.* Komi-Permyak Linguistics for 50 Years // *Linguistic Studies of Kama Region / Ed. Krementsova L. I.* Perm, 1977. P. 20—32.}

Кривошекова-Гантман 1983 — *Кривошекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь, 1983. {*Krivoshchyokova-Gantman A. S.* Geographic Names of the Upper Kama Region. Containing a Concise Toponymic Dictionary. Perm, 1983.}

Кривошекова-Гантман 2006 — *Кривошекова-Гантман А. С.* Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка / Сост. Ёньё Лав; отв. ред. Лобанова А. С. Пермь, 2006. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. III). {*Krivoshchyokova-Gantman A. S.* Collected Works in Two Volumes. Vol. 1. Grammar, Dialectology, Vocabulary and Phraseology, Problems of Language Development / Comp. Ёньё Лав; Ed. Lobanova A. S. Perm, 2006.}

Кузнецова 1958 — *Кузнецова З. И.* Обзор памятников коми письменности XVIII века // *Историко-филологический сборник. Вып. 4 / Ред. Жеребцов Л. Н.* Сыктывкар, 1958. С. 213—240. {*Kuznetsova Z. I.* Review of 18th-century Komi Written Monuments // *Historical and Philological Digest. Vol. 4 / Ed. Zherebtsov L. N.* Syktyvkar, 1958. P. 213—240.}

Куклин 1983 — *Куклин А. Н.* Фонетика красноуфимского говора марийского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1983. {*Kuklin A. N.* Phonetics of the Krasnoufim Dialect of Mari: Ph. D. thesis. Tartu, 1983.}

Лепехин 1780 — Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина (<...> по разным провинциям Российского Государства в 1771 году. (Третья часть дневных записок путешествия Ивана Лепехина). СПб., 1780. {*Continuation of Daily Notes of Ivan Lepekhin's Travel (<...> of Various Provinces of the Russian State in 1771.* SPb., 1780.}

Летописец 2007 — *Летописец: Сборник памяти Сергея Федоровича Николаева (1912—2002) / Сост. и ред. Быстрых Т. И.* Пермь, 2007. {*The Annalist: Digest in Memoriam of Sergey Nikolaev (1912—2002) / Comp. and ed. Bystrykh T. I.* Perm, 2007.}

- Лобанова 2001 — *Лобанова А. С.* О некоторых этапах развития коми-пермяцкой письменности // Коми-Пермяцкий округ: век XX. Сост. *Зубов Ю. П.* Пермь, 2001. С. 176—180. {*Lobanova A. S.* On Some Stages of Komi-Permyak Writing Development // Komi-Permyak Okrug: the 20th Century. Comp. *Zubov Yu. P.* Perm, 2001.}
- Лука съörtи бур юör 2005 — Лука съörtи бур юör. Евангелие от Луки на коми-пермяцком языке. Хельсинки—Стокгольм, 2005. {*Gospel of Luke in Komi-Permyak.* Helsinki-Stockholm, 2005.}
- Лыткин 1962 — *Баталова Р. М., Ботева Е. В., Гантман А. С., Гуляев Е. С., Лыткин В. И., Нечаев Г. А., Серебренников Б. А.* Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений / Ред. *Лыткин В. И.* Кудымкар, 1962. {*Batalova R. M., Boteva E. V., Gantman A. S., Gulyaev E. S., Lytkin V. I., Nechaev G. A., Serebrennikov B. A.* Komi-Permyak. Introduction, Phonetics, Vocabulary and Morphology: A Textbook for Higher Education / Ed. *Lytkin V. I.* Kudymkar, 1962.}
- Лыткин 1964 — *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964. {*Lytkin V. I.* Historical Vocalism of Permic Languages. M., 1964.}
- Лыткин, Гуляев 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gulyaev E. S.* Concise Etymological Dictionary of the Komi Language. M., 1970.}
- Любимов 2007 — Краткія грамматицескія правила принадлежасія къ знанію пермятскаго языка составленныя города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Ѳеодоромъ Любимовымъ 1838 года февраля 8-го дня. Пермь, 2007. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V). {*Concise Grammatical Rules Pertaining to the Knowledge of the Permyak Language Compiled by the Archpriest of Solikamsk St. Trinity Cathedral, Theodor Lyubimov, on the 8th Day of February 1838.* Perm, 2007. (Works of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People. Vol. 5.).}
- Матвеей съörtи бур юör 2001 — Матвеей съörtи бур юör. Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке. Хельсинки—Стокгольм, 2001. {*Gospel of Matthew in Komi-Permyak.* Helsinki-Stockholm, 2001.}
- Меркушева 2012 — *Меркушева Т. Н.* История изучения коми-пермяцких диалектов // Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Международный симпозиум, 18—19 мая 2012 г., г. Кудымкар. Сборник научных статей / Редкол.: *Кельмаков В. К.* и др. Пермь, 2012. С. 38—43. {*Merkusheva T. N.* History of the Komi-Permyak Dialect Research // Permistics XIV: Dialects and History of Permic Languages in their Co-operation with Other Languages. International Symposium, May 18th-19th, 2012, Kudymkar. Collection of Scientific Articles / Ed.: *Kelmakov V. K. et al.* Perm, 2012. P. 38—43.}
- Мосин, Цыганкин 2005 — *Мосин М. В., Цыганкин Д. В.* Александр Феоктистов 27 августа 1928 — 6 сентября 2004 // *Linguistica Uralica.* 2005. XLI. № 2. С. 155—158. {*Mosin M. V., Tsygankin D. V.* Alexandr Theoktistov 27th of August 1928 — 6th of September 2004 // *Linguistica Uralica.* 2005. XLI. Vol. 2. P. 155—158.}
- Николаев 1968 — *Николаев С. Ф.* Географические названия Пермской области. Указатель литературы // Географические названия Прикамья / Отв. ред. *Николаев С. Ф.* Пермь, 1968. С. 132—146. (Уч. зап. Перм. ун-та. № 177). {*Nikolaev S. F.* Geographical Names of the Perm Oblast. Literature Index // *Geographical Names of the Kama Region* / Ed. *Nikolaev S. F.* Perm, 1968.}
- Овчинников 1784—1785 — Список русских слов с переводом на черемисский и вотский (Красноуфимский окр.) и пермяцкий (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова // СПФ АРАН. Ф. 94. Оп. 2. № 113. 6 л. {*List of Russian Words with Translation into Cheremis and Wott (Krasnoufimsk Okrug) and Permyak (Cherdynsk Okrug) Signed by Nikita Ovchinnikov* // ARAS SPB. S. 94. Series 2. № 113. 6 p.}
- Оньö Лав 2009 — *Степанов В. А. (Оньö Лав).* Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3: Гуманитарные науки. С. 262—267. {*Stepanov V. A.* An Attempt to periodize the pre-national era in the history of Komi-Permyak // *Vestnik Chuvashskogo Universiteta.* 2009, Vol. 3: Humanities. P. 262—267.}
- Оньö Лав 2018 — *Оньö Лав.* Коми гижöд 1920' воясöдз // http://wiki.komikyv.org/index.php/Коми_гижöд_1920'_воясöдз, 2018.
- Паллас 1787 — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая / Сост. *Паллас П. С.* СПб., 1787. {*Comparative Dictionaries of Every Language and Dialect, Compiled by the Right Hand of the Highest Person. Volume One, Containing European and Asian Languages. Part One.* / Comp. *Pallas P. S.* SPb., 1787.}
- Понарядов 2014 — *Понарядов В. В.* Историческое развитие порядка слов в коми языке // Пути развития пермских языков: история и современность / Отв. ред. *Цыпанов Е. А.* Сыктывкар, 2014. С. 249—273. (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 73). {*Ponaryadov V. V.* Historical Development of Word Order in the Komi Language // *Ways of Permic Languages Development: History and Modernity* / Ed. *Tsypanov E. A.* Syktyvkar, 2014. P. 249-273. (Works of the Institute of Language, Literature and History of Komi of the UrD RAS Scientific Centre. Vol. 73).}
- Пономарева 2016 — *Пономарева Л. Г.* Речь северных коми-пермяков. Монография. М., 2016. {*Ponomaryova L. G.* Speech of Northern Komi-Permyaks. Monography. M., 2016.}

Пономарева 2018 — *Пономарева Л. Г.* Грамматические особенности коми-пермяцкого языка рукописей 1785 года протоиерея Антония Попова // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург 6—8 декабря 2018 г. / Ред. *Головко Е. В.* и др. СПб., 2018. С. 77—79. {*Ponomaryova L. G.* Grammatical Specifics of the Komi-Permyak Language of the Manuscripts by Archpriest Antony Popov // The First Conference on Uralic, Altaic and Paleoasian Languages. In Memoriam of A. Volodin. Theses of the Reports of the International Scientific Conference, Saint-Petersburg, December 6th—8th 2018. / Ed. *Golovko E. V. et al.* SPb, 2018. P. 77—79.}

Пономарева, Гайдамашко 2018 — *Пономарева Л., Гайдамашко Р.* Публикация рукописных работ Антония Попова как важный шаг в развитии коми-пермяцкого языка // Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples III. Abstracts of the 6th day of Agricola conference / Ed. by Sz. T. Tóth. Narva: University of Tartu Narva College, 2018. P. 37—38. {*Ponomaryova L., Gaidamashko R.* Printing of the Manuscript Works of Antony Popov as an Important Step in the Komi-Permyak Language Development // Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples III. Abstracts of the 6th day of Agricola conference / Ed. by Sz. T. Tóth. Narva: University of Tartu Narva College, 2018. P. 37—38.}

Попов 1785a — Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 206. {Concise Permyak Dictionary with Russian Translation, Compiled and Alphabetically Sorted by Archpriest Antony Popov, from 1785. // RNL. MD. Herm. 206.}

Попов 1785b — Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 207. {Concise Permyak Dictionary with Russian Translation, Compiled and Sorted According to Various Themes by the Archpriest of Perm Peter and Paul Cathedral, Antony Popov, from 1785. // RNL. MD. Herm. 207.}

Попов 1785в — Примечания, принадлежащие к грамматике пермского языка сочиненные города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 208. {Notes, Pertaining to the Permyak Language Grammar, Thought Up by the Archpriest of Perm Peter and Paul Cathedral, Antony Popov, With Help from Some Permyaks Who Know the Russian Language, from 1785 // RNL. MD. Herm. 208.}

Попова 2010 — *Попова О. А.* Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII). {*Popova O. A.* Komi-Permyak Phraseological Dictionary. Perm, 2010. (Works of the Institute of Language, History and Traditional Culture of the Komi-Permyak People. Vol. 7).}

Пунегова 2014 — *Пунегова Г. В.* Из истории коми графики // Пути развития пермских языков: история и современность / Отв. ред. *Цыпанов Е. А.* Сыктывкар, 2014. С. 68—85. (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Вып. 73). {*Punegova G. V.* From the History of the Komi Graphics // Ways of Permian Languages Development: History and Modernity / Ed. *Tsypanov E. A.* Syktyvkar, 2014. P. 68—85. (Works of the Institute of Language, Literature and History of Komi of the UrD RAS Scientific Centre. Vol. 73).}

Рогов 1869 — *Рогов Н. А.* Пермско-русский и русско-пермский словарь. СПб., 1869. {*Rogov N. A.* Permyak-Russian and Russian-Permyak Dictionary. SPb., 1969.}

Светлаков 1967 — *Светлаков В.* Коми-пермяцкӧй письменностьлӧн зоралӧм (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. Пермь, 1967. С. 86—94. {*Svetlakov V.* Коми-пермяцкӧй письменностьлӧн зоралӧм (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. Perm, 1967. P. 86—94.}

Сергеев 1992 — *Сергеев О. А.* Из истории изучения рукописных словарей марийского языка // Fenno-Ugristica. 18. Tartu, 1992. С. 92—105. (Tartu Ülikooli Toimetised. V. 938). {*Sergeev O. A.* From the History of Studying Manuscript Dictionaries of the Mari Language // Fenno-Ugristica. 18. Tartu, 1992. P. 92—105. (Tartu Ülikooli Toimetised. V. 938).}

Сергеев 2002 — *Сергеев О. А.* Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII—XIX веков. Йошкар-Ола, 2002. {*Sergeev O. A.* Origins of the Mari Writing: A Historical-Linguistic Analysis of 18th and 19th-century Manuscript Mari Language Monuments. Yoshkar-Ola, 2002.}

Сл. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 4-х томах. СПб., 1847. Т. 1: [А—Ж]. {Dictionary of Old Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Volumes. SPb., 1847. Vol. 1: [A—Ж].}

СРП 1848 — Словарь русско-пермский. Усолье, 1848 г. {Russian-Permyak Dictionary. Usolye, 1848.}

Тепляшина, Лыткин 1976 — *Тепляшина Т. И., Лыткин В. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / Отв. ред. *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей Карой. М., 1976. С. 97—228. {Teplyashina T. I., Lytkin V. I.* Permian Languages // Outlines of Finno-Ugric Linguistics (Mari, Permian and Ugric languages) / Ed. *Lytkin V. I., Maytinskaya K. E., Redei K. M., 1976. P. 97—228.}*

Туркин 1993 — *Туркин А. И.* Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 / Hrsg. von U.-M. Kulonen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1993. С. 277—281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215). {*Turkin A. I.* On One Little-Known Monument of the Old Permian Writing

- // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 / Hrsg. von U.-M. Kulonen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1993. P. 277—281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215).}
- Туркин 1998 — Туркин А. И. Вйтсен Николас // Коми язык: Энциклопедия / Отв. ред. Федунева Г. В. М., 1998. С. 56—57. {Turkin A. I. Witsen, Nicolaes // The Komi Language: An Encyclopedia / Ed. Feduneva G. V. M., 1998.}
- Утева 2013 — Утева Л. В. К истории изучения терминологии родства в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3 (23). С. 53—59. {Uteva L. V. To the History of Kinship Terminology Study in the Komi-Permyak Language // Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2013. Vol. 23. P. 53—59.}
- Федосеева 2015 — Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар, 2015. {Fedoseeva E. N. Vocabulary of the Northern Dialect of Komi-Permyak. Syktyvkar, 2015.}
- Феоктистов 1968 — Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности / Отв. ред. Лыткин В. И. М., 1968. {Feoktistov A. P. Origins of the Mordvinic Writing / Ed. Lytkin V. I. M., 1968.}
- Феоктистов 1976 — Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период) / Отв. ред. Майтинская К. Е. М., 1976. {Feoktistov A. P. Notes on the History of Formation of Mordvinic Written and Literary Languages (Early Stage) / Ed. Maytinskaya K. E. M., 1976.}
- Феоктистов 2008 — Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. {Feoktistov A. P. Notes on the History of Formation of Mordvinic Written and Literary Languages. Saransk, 2008.}
- Цыпанов 2008 — Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар, 2008. {Tsypanov E. A. Comparative Survey of Finno-Ugric Languages. Syktyvkar, 2008.}
- Челядь понда Библия 2003 — Челядь понда Библия. Детская библия на коми-пермяцком языке. Хельсинки—М., 2003. {Children's Bible in Komi-Permyak. Helsinki-M., 2003.}
- Чечулин 1823 — Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником Иереем Георгием Чечулиным (подаренный А. М. Шёгрёну Львом Ослоновским, в с. Ильинском, 18 ноября 1823 года) // СПФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. № 219. {Lexicon of the Permyak Language, Concisely Selected and Alphabetically Sorted by the Former Minister of Kudymkar Village, Priest Georgiy Chechulin (Presented to A. Shyogren by Lev Oslonovsky in Ilyinskoe Village, November 18th, 1823) // ARAS SPB. S. 94. Series 1. № 219.}
- Adelung 1815 — Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg: Friedrich Drechsler, 1815.
- Fischer 1768 — Fischer J. E. Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die eroberung dieses Lands durch die Russische waffen. Band 1. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1768.
- Müller 1758 — Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Band 3. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1758.
- Rédei 1968 — Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968.
- Witsen 1692 — Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte, Bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest (...). Deel 1—2. Amsterdam: [s. n.], 1692.
- Witsen 1705 — Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest (...). Deel 1—2. 2de druk. Amsterdam: François Halma, 1705.

РЕЗЮМЕ

В статье приведены материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1784—1788) в трудах отечественных языковедов с 1962 по 2018 гг. с перечислением неточностей, пропусков и ошибок, отмеченных в исследованиях. Наши предварительные наблюдения показали, что коми-пермяцкое рукописное наследие протоиерея Антония Попова широкому кругу языковедов известно в недостаточной степени и при сравнительно-исторических исследованиях к анализу не привлекается.

SUMMARY

The article cites materials on the history of studies that Russian linguists have conducted from 1962 to 2018 of the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1784—1788), and lists inaccuracies, omissions and errors noted in the researches. Our preliminary observations have found that the Komi-Permyak manuscript heritage of Archpriest Antony Popov is little-known to a wide range of linguists and is not involved in the analysis during comparative historical studies.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, памятники письменности, рукописи XVIII в., история коми-пермяцкого языкознания

Keywords: Komi-Permyak language, monuments of writing, manuscripts of the 18th century, history of Komi-Permyak linguistic studies

Гайдамашко Роман Валентинович, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); gaidamashko@gmail.com

Roman V. Gaidamashko, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); gaidamashko@gmail.com

Пономарева Лариса Геннадьевна, Хельсинкский университет—Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования (Хельсинки—Кудымкар); dojegpl@gmail.com

Larisa G. Ponomareva, University of Helsinki—Komi-Permyak Institution of Advanced education employees (Helsinki—Kudymkar); dojegpl@gmail.com

Экспериментально-фонетическое исследование вокализма первого слога в ваховском диалекте хантыйского языка¹

Введение

Традиция обработки аудиозаписей речи малочисленных коренных народов Сибири и Дальнего Востока с помощью экспериментальных фонетических методов ([Верте 1988; Андреева 1988; Куркина 2000; Селютин 2008; Селютин и др. 2013]) насчитывает уже много лет. Проводились экспериментально-фонетические исследования и для восточных диалектов хантыйского языка: для сургутского диалекта хантыйского языка [Тимкин 2017; Уртегешев, Кошкарёва 2017; Уртегешев, Кошкарёва 2018].

Соседство хантыйского языка с эвенкийским, ненецким, селькупским, мансийским, сибирско-татарским, а также обширный ареал распространения и обособленное проживание на территориях отдаленных поселений и родовых охотничьих угодий привело к большой диалектной раздробленности хантыйского языка вплоть до исчезновения взаимопонятности. Самое основное и крупное диалектное членение предполагает разделение хантыйских диалектов на группы 1) западные: казымский, шурышкарский, обдорский; 2) восточные: сургутский, вах-васюганский, салымский, вартовский. Более мелкое и подробное членение рассматривает представленные диалекты как группы наречий, так как внутри каждого из диалектов можно выделить дополнительные подгруппы говоров [Соловар 2016: 10]. Количество носителей хантыйского языка составляет 9 584 человека, тогда как общая численность хантов — 30 943 человека [ВПН 2010], процент хантов, владеющих хантыйским языком как родным, — около 31%, причем основное число говорящих владеет западными диалектами хантыйского языка, тогда как количество носителей восточных хантыйских диалектов, по данным А. Ю. Фильченко [Filchenko 2007: 16], еще меньше — всего около 1000 (3% от хантов). Угроза исчезновения для хантыйского языка подтверждается также данными SIL International [Ethnologue 2019]: хантыйский язык представлен с пометой “6b (threatened)” — «язык используется в бытовой коммуникации представителями разных поколений, но теряет носителей» (здесь и далее перевод наш).

В настоящее время количество носителей, свободно владеющих ваховским диалектом, катастрофически уменьшается. Во время экспедиции в село Корлики нам удалось обнаружить носителей ваховского диалекта, использующих его в бытовом общении.

1. Фонетика ваховского диалекта хантыйского языка в работах предшественников

Одним из наиболее авторитетных источников по восточно-хантыйским диалектам является словарь “Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache” [Steinitz 1966], который содержит лексику всех доступных хантыйских диалектов из письменных источников. Для хантыйского языка В. Штейницем была разработана крайне детализированная транскрипция, не позволяющая, однако, четко и последовательно определить систему аллофонов и фонем [Steinitz 1966].

Обширные сведения по фонетике ваховского диалекта хантыйского языка содержатся в книге “Phonematik und Phonotaktik des Vach-Ostjakischen” [Schiefer 1975]. Материалом для книги послужили записи К. Ф. Карьялайнена и труды В. Штейница. Для Л. Шифер основная цель “Phonematik und Phonotaktik des Vach-Ostjakischen” состояла в описании фонотактических закономерностей ваховского диалекта хантыйского языка по записанным материалам В. Штейница и К. Карьялайнена [Schiefer 1975: 3—17].

Вокализм первого слога в [Schiefer 1975] описывается как состоящий из 15 фонем.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов Правительства РФ № 14.Y26.31.0014, проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (сбор материала, создание онлайн словаря) и по РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (анализ данных).

Таблица 1. Фонологическая система гласных Л. Шифер [Schiefer 1975: 114]

	Огуб.	Неогуб.	Огуб.	Неогуб.	
Нижний подъем	ɔ	a	ɔ̃	ä	Полного образования
Средний подъем	o	—	ö	e	
Верхний подъем	u	j	ü	i	
	õ	ə	õ̃	ə	Редуцированные

Система транскрипции Л. Шифер различает гласные звуки переднего и заднего ряда, трех степеней подъема: нижнего, среднего, верхнего, сохраняется противопоставление по огубленности/неогубленности, редуцированных и полных гласных.

Ваховский диалект наиболее систематично был описан Н. И. Терешкиным [Терешкин 1958; 1960; 1961; 1967]. Ваховский диалект относится к группе восточно-хантыйских диалектов. Точки зрения на дальнейшее дробление ваховского диалекта различаются: Н. Терешкин выделял внутри ваховского диалекта две группы говоров, «две слабо различающиеся диалектные разновидности»: 1) говор собственно ваховских хантов; 2) говор приобских ваховских хантов. Говоры различаются в «отдельных явлениях лексики», кроме того в «различных фонетических отклонениях» [Терешкин 1961: 1—2]. В [Соловар 2016: 10] ваховский диалект подразделяется на говоры: 1) верхневаховский; 2) каргасокский; 3) усть-ваховский. Говор, распространенный в с. Корлики, относится к говору собственно ваховских ханты [Терешкин 1961: 1—2] (говор собственно ваховских ханты распространен на территории верхнего и среднего течения реки Вах). В [Соловар 2016], по-видимому, говор с. Корлики относится к верхневаховскому говору. В районах с. Ларьяк, с. Большой Ларьяк, с. Корлики и с. Лабаз-Еган (все районы распространения говора собственно ваховских ханты) Н. И. Терешкин в 1954 году собирал полевой материал для «Очерка хантыйского языка. Ваховский диалект» [Терешкин 1961: 2].

Отдельно для ваховского диалекта хантыйского языка были составлены словари «Очерки хантыйского языка. Ваховский диалект» (словарь в конце книги) [Терешкин 1961: 126—202], «Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Ваховский диалект» [Терешкин 1997], ваховская лексика также содержится в «Словаре восточно-хантыйских диалектов» [Терешкин 1981]. Фонологическая система, составленная Н. И. Терешкиным, насчитывает 13 фонем, противопоставленных по ряду, подъему, огубленности/неогубленности, также описывается противопоставление гласных полного образования и редуцированных.

Таблица 2. Фонологическая система гласных Н. И. Терешкина [Терешкин 1961: 6]

	Передние	Задние
Полные	и	ы
	э	—
	ä	a
	ÿ	y
	ö	o
Редуцированные	ä̃	ə
	ö̃	ə̃

В системе выделяется два ряда: передний и задний, три степени подъема: нижний, средний, верхний. У редуцированных и / или огубленных гласных признаки подъема размываются, описываются две степени подъема: верхний и неверхний. Для подтверждения выявленных фонологических противопоставлений Н. И. Терешкин использует метод минимальных пар [Терешкин 1961: 5—9].

У Л. Шифер выделяется на две гласных полного образования больше, чем у Н. И. Терешкина: это /ɔ/ и /ɔ̃/. Примеры:

oʊər [Schiefer 1975: 395] / oʊər [Терешкин 1997: 196] ‘высокий’
 öʊəl- [Schiefer 1975: 397] / öʊəl- [Терешкин 1997: 189] ‘верить, надеяться’
 əʊrj [Schiefer 1975: 393] / oʊny [Терешкин 1997: 202] ‘дверь’
 kɔʊəl [Schiefer 1975: 416] / kɔʊəl [Терешкин 1997: 45] ‘ковш, чашка’

Таким образом, в системе транскрипции Н. И. Терешкина /o/ соответствует /o/ и /ɔ/, /ö/ соответствует /ö/ и /ɔ̃/ в системе Л. Шифер.

При анализе этих словарей и соотнесении их с материалами, собранными в экспедиции, мы также столкнулись с ситуацией, когда одна фонема по Н. И. Терешкину [Терешкин 1961] соответствует разным фонемам в наших материалах, ср.:

syj (F1 347, F2 1497) ‘голос’ в словаре Н. И. Терешкина: *sěj* ‘звук, шум’ [Терешкин 1997: 148];
toyɫej (F1 292, F2 895) ‘какой’ в словаре Н. И. Терешкина: *möy-äləŋ* [Терешкин 1997: 220].

Следовательно, основные вопросы данной статьи касаются регулярности расхождений между существующими описаниями и современными полевыми материалами, состава фонетического и фонологического инвентаря ваховского диалекта хантыйского языка.

2. Сбор материала

Аудиоматериал по ваховскому диалекту собирался в полевой экспедиции в июле 2017 года в с. Ларьяк, с. Чехломей, с. Корлики Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. В статье представлен аудиоматериал, собранный в с. Корлики, где сложилась наиболее благоприятная для ваховского диалекта (из посещенных сел)² социолингвистическая ситуация. В с. Корлики проживает около 687 человек, 68,7% из которых составляют ханты, которые используют хантыйский язык при повседневном общении. Хантыйский язык передается из поколения в поколение. Многие информанты рассказывали о проведенном на стойбище детстве и вспоминали родственников, живущих на территории собственных угодий. В местной школе проводятся уроки родного языка. Проведение полевых исследований в с. Корлики чрезвычайно актуально, фиксация аудиоматериала на данном языке и его последующий экспериментальный анализ, составление словарей, аудиословарей и корпусов — это важные этапы в сохранении исчезающего языка.

Аудиоматериал собирался в экспедиции к носителям языка из с. Корлики с помощью словарной анкеты, составленной на основе словаря «Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Ваховский диалект» [Терешкин 1997], дополненной предложениями и парадигматическими формами для каждого слова. Всего в составлении словаря было задействовано шесть информантов из с. Корлики. Был создан онлайн словарь с полями: «фонетическая транскрипция», «фонологическая транскрипция», «перевод», «ударение», «этимология», «праформа», «значение праформы» и так далее³.

3. Качественные характеристики гласных первого слога

Главное теоретическое основание нашей работы состоит в том, что ассоциация между абстракциями (фонемами) и речевыми сигналами возникает не из predetermined выбора из конечного списка фонетических универсалий, но развивается случайным образом во время обучения генерализациям на материале порождаемой и воспринимаемой речи. Следовательно, анализ фонетических корпусов — один из способов понять, каким образом абстракции разного уровня (фонемы и просодические единицы) проявляются в речи [Harrington 2010: 14—15].

Работа по транскрибированию слов в словаре и описанию вокализма первого слога идиома с. Корлики проходила следующим образом:

- 1) была проведена сегментация в программе Praat с присвоением сегментам максимально подробных фонетических характеристик;
- 2) для получившихся сегментов, представляющих собой гласные первого слога, были определены значения частот первой, второй, третьей форманты (F1, F2, F3 в Гц);

² Село Ларьяк — центр сельского поселения Ларьяк Нижневартовского района с численностью населения около 924 человек. Процент хантыйского населения здесь невысок (31,93%), еще меньше процент свободно говорящих на хантыйском языке: многие ханты отмечают, что им не с кем поговорить на родном языке, поэтому он со временем забывается. Представители старшего поколения не учат хантыйскому языку своих детей и внуков, так как русский язык охватывает большее количество социальных сфер (работа, торговля, медицина, образование, управление, бытовая сфера), чем хантыйский (бытовая сфера общения). Несмотря на описанную проблему, в Ларьякской школе проводятся уроки родного языка. Деревня Чехломей расположена вверх на 30 км от Ларьяка по течению реки Вах, численность населения деревни составляет 191 человек. Процент хантыйского населения здесь выше, чем в Ларьяке — 58,25% от численности всего населения Чехломея. Только здесь нам встретились респонденты, прекрасно владеющие хантыйским языком и плохо — русским, в остальных населенных пунктах респонденты владели русским языком очень хорошо.

³ Словарь «Ваховский диалект хантыйского языка (с. Корлики)» можно посмотреть по этой ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1230/570/perspective/1230/571/view>.

3) в программе Lingvodoc было построено пространство значений частот первой, второй, третьей форманты для сегментов: «Обычно гласные могут быть хорошо описаны с помощью частот первой и второй форманты, но для гласных верхнего подъема и переднего ряда, а также *p*-окрашенных гласных необходимо измерять и частоту третьей форманты» [Ladefoged 2003: 105]. Для более унифицированного описания мы приводим в исследовании значения частот первой и второй форманты;

3) сегменты были атрибутированы по информантам, классифицированы по позициям, проанализированы по составу получившихся формантных облаков;

4) фонетическим сегментам были присвоены названия в соответствии с МФА.

Выяснилось, что у разных информантов (с точки зрения значения формантных частот) фонетические системы значительно различаются.

Далее с помощью описанного экспериментально-акустических методов была получена система вокализма первого слога в ваховском диалекте хантыйского языка:

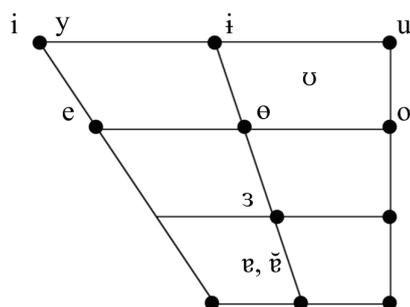

Рис 1. Общий инвентарь гласных фонем первого слога

Аллофоны каждой из фонем также были представлены в виде схемы. Фонема /ɛ̃/, соответствующая /ə/ у Н. И. Терешкина, реализуется в нескольких аллофонах, значительно различающихся на слух и по значениям F1 и F2: [ɛ̃], [ɔ̃], [ɛ̃], [ɜ̃]:

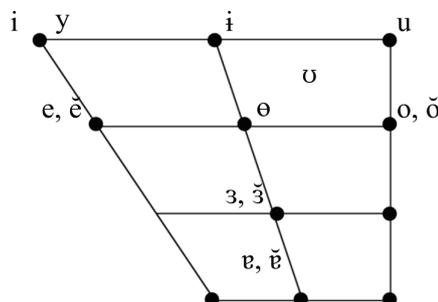

Рис 2. Общий фонетический инвентарь гласных первого слога

Далее представлены примеры реализации фонем в соответствующих им аллофонах. В скобках указывается фонема в традиционной записи [Терешкин 1961]. При большом количестве примеров на реализацию в аллофоне приводится 15 примеров. При описании с помощью нашей методики были выявлены случаи сегментов, формантно и на слух не сводимые к выделенным аллофонам, представленные менее чем тремя примерами. Такие сегменты в систему не включались, поэтому их примеры в сноске⁴:

⁴ *qoŋβes* (F1 461, F2 1535) ‘болезнь’
moseŋi (F1 416, F2 1123) ‘кисет’
korintiyeltɛ (F1 397, F2 1189) ‘обуваться’
kærintiyeltɛ (F1 1033, F2 2129) ‘обуться’
mɛtur (F1 777, F2 1209) ‘богатырь’
aylvuyqɛ (F1 909, F2 1292) ‘безголовый’
komɐŋ (F1 349, F2 762) ‘наполненный’
piɕqɔtoræq (F1 276, F2 2450) ‘княженика’
oβlɛytitɛ (F1 516, F2 1467) ‘обнять’
priseltɛ ‘ковырять’ — ноль звука, в традиционной записи *pərysəltɛ*
lɔx (F1 884, F2 1254) ‘берег’

Таблица 3. Фонема /v/ (a)
Основной аллофон фонемы — v (F1 416—917, F2 1034—2012)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>lɛmɛc</i>	949	1475	‘блесна’	1
<i>vlɨisʲ</i>	1009	1491	‘выводок’	1
<i>lɛskøvl</i>	1025	1609	‘блюдец’	1
<i>vcøypʲi</i>	946	1622	‘ограждение’	1
<i>lɛr</i>	1050	1663	‘завод’	1
<i>mɛjɛlta</i>	900	1771	‘дарить’	1
<i>mɛjtiq</i>	463	1591	‘мыло’	4
<i>pɛl</i>	474	1252	‘копье’	4
<i>pɛm</i>	479	1252	‘камыш’	4
<i>mɛsti</i>	480	1216	‘нужный’	5
<i>pɛnɛ</i>	495	1875	‘некоторые’	5
<i>mɛs</i>	496	1137	‘все’	5
<i>qɛɲcɛ</i>	510	1976	‘недомогать’	5
<i>βɛqɪltɛ</i>	531	1100	‘обтесывать’	5
<i>sɛrmoɲjɛtɛ</i>	536	1400	‘обмелеть’	5
<i>jɛɲ</i>	542	1733	‘народ’	5
<i>rɛqɪtɛ</i>	542	1314	‘обвалиться’	5
<i>nɛɲzɛr</i>	546	1454	‘кедровая шишка’	5
<i>nɛɲilt</i>	548	1493	‘низкий’	5

Пояснение к таблице: у Информанта 1 в реализациях более высокие значения F1 за счет эффектов более высокого голоса (выделено полужирным начертанием).

Таблица 4. Фонема /z/ (ä)
Основной аллофон — z (F1 279—1003, F2 1258—2496)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>βzɛ</i>	1003	2115	‘близко’	1
<i>tzɛrɛmk</i>	931	1822	‘бойкий’	1
<i>kztkɛn</i>	957	1996	‘два’	1
<i>kzszɛtqɛn</i>	907	1794	‘двести’	1
<i>lʲzntɛlʲɛ</i>	510	1271	‘крупинка’	3
<i>lʲznt</i>	580	1566	‘крупа’	3
<i>pzmʲɔlʲtʲz</i>	397	1604	‘показывать’	3
<i>lʲzntɛm</i>	573	1728	‘крупинка’	3
<i>nʲzrɛɲlimɛltɛqʲi</i>	602	1823	‘нагой’	3
<i>lʲzβɛtɛtɛ</i>	642	1854	‘кормить’	3
<i>nʲzn</i>	457	1441	‘хлеб’	4
<i>lʲzɲkiβsi</i>	649	1833	‘кладбище’	4
<i>kzstɛ</i>	493	1848	‘найти’	4
<i>βzɛlɛɲk</i>	401	1275	‘неряшливый’	5
<i>βzɛlɛ</i>	375	1285	‘неряха’	5
<i>zntɛ</i>	412	1692	‘нет’	5
<i>kztlɛ</i>	503	1791	‘ловить’	5
<i>ɛjkɔlʲ</i>	482	1807	‘новость’	5
<i>pʲzjɛɲsʲtʲz</i>	511	1864	‘молиться’	5
<i>βzt</i>	765	1734	‘крепление’	6

Пояснение к таблице: у Информанта 1 в реализациях более высокие значения F1 за счет эффектов более высокого голоса (выделено полужирным начертанием).

Таблица 5. Фонема /i/ (u)
i (F1 266—474, F2 2084—2986)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>litottur</i>	350	2084	‘глотка’	2
<i>liβəyβeltə</i>	358	2103	‘голодать’	2
<i>miŋyelʹteti</i>	409	2736	‘нагибаться’	3
<i>liβʹteti</i>	387	2186	‘нагружать’	3
<i>kiβʹ</i>	395	2482	‘набирка’	3
<i>jirniβʹ</i>	402	2101	‘набок’	3
<i>siyetz</i>	358	2121	‘крутиться’	3
<i>niŋloy</i>	394	2308	‘кобыла’	4
<i>siʹleŋliem</i>	329	2332	‘наклонный’	4
<i>jireŋ</i>	311	2105	‘нервный’	5
<i>kiʹtilʹkʹet</i>	312	2604	‘ножницы’	5
<i>liʹkər</i>	309	2173	‘нарта’	5
<i>kite</i>	266	2189	‘оба’	5
<i>kireteyeltə</i>	320	2269	‘обуть’	5
<i>nim</i>	292	2295	‘нижний’	5

Таблица 6. Фонема /o/ (o, ø)
o (F1 348—627, F2 681—1465)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>oʷornə</i>	564	955	‘высоко’	1
<i>qoʷenəq</i>	539	1043	‘давно’	1
<i>torəm</i>	469	1118	‘Бог’	1
<i>porqifβət</i>	492	1031	‘вьюга’	1
<i>βoŋqə</i>	472	939	‘берлога’	1
<i>sox</i>	348	1174	‘кожа’	2
<i>qoʷət</i>	511	786	‘вдоль’	2
<i>qoliq</i>	425	1146	‘кисы’	2
<i>poŋβlə</i>	478	877	‘набок’	3
<i>roŋqintðβ</i>	503	1158	‘звонок’	4
<i>toβət</i>	422	715	‘наледь’	4
<i>morixem</i>	355	781	‘намокший’	4
<i>poŋqiriŋ</i>	357	862	‘карман’	4
<i>loŋ</i>	443	843	‘лето’	5
<i>loy</i>	627	1144	‘кость’	6

ø (F1 605—827, F2 982—1250) — вариант реализации только в речи Информанта 1 и Информанта 2 с повышенным значением F1 и пересекающимся с основным аллофоном значением F2. Аллофон [ø] и основной аллофон [o] находятся в свободном распределении в речи Информанта 1, так как в ее речи также присутствуют основные реализации [o]. Для Информанта 2 правила выведено не было.

Таблица 7. Реализация /o/ (o, ø) у Информантов 1 и 2

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>qəs</i>	697	1037	‘двадцать’	1
<i>əʷpəʒi</i>	813	1190	‘дверь’	1
<i>rəq</i>	770	1250	‘воротник’	1
<i>qəliβ</i>	827	1291	‘выдра’	1
<i>əʷ</i>	628	983	‘голова’	2
<i>qət</i>	624	1005	‘где’	2
<i>qəq im</i>	716	1029	‘где-то’	2
<i>jəʷinnomit</i>	605	1100	‘верховье реки’	2
<i>məʷloβsi</i>	779	1210	‘верхняя малица мехом наружу’	2

Таблица 8. Фонема /ə/ (ə, o, y)
ə (F1 219—585, F2 1156—2647)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>əʎləyk</i>	422	1802	‘бессильный’	1
<i>təyutem</i>	464	1817	‘вошь’	1
<i>kərkəy</i>	483	1278	‘кирпич’	2
<i>jəyɣul</i>	390	1156	‘комель’	2
<i>kəʎepəntə</i>	479	1721	‘наговаривать’	3
<i>səckəryk</i>	383	1804	‘курица’	3
<i>səŋ</i>	463	1958	‘нагар’	3
<i>səysʲ</i>	312	1970	‘корма’	4
<i>kəy</i>	288	1408	‘камень’	4
<i>kəsər</i>	385	1488	‘карта (игральная)’	4
<i>ɲəβisəβ</i>	529	2013	‘зимний колонок’	4
<i>kəʎsɨx</i>	400	1303	‘нож’	5
<i>βəjzti</i>	338	2332	‘насилвно’	5
<i>qʲəjtə</i>	319	1901	‘нереститься’	5
<i>səx</i>	470	1664	‘коса (на голове)’	6

Таблица 9. Фонема /u/ (y)
u (F1 205—507, F2 548—987)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>qujʎyk</i>	308	763	‘глухарь’	2
<i>nux ɲəʎeqteta</i>	321	789	‘глотнуть’	2
<i>tulɣul</i>	327	904	‘глупый’	2
<i>quti</i>	400	924	‘копоть’	2
<i>quʎiŋqə</i>	293	645	‘грязный’	2
<i>cuci</i>	205	605	‘грудь (женская)’	2
<i>pul</i>	395	869	‘кусок’	3
<i>ɲuɣpə</i>	426	967	‘наверх’	3
<i>luj βiɣ</i>	463	887	‘кольцо’	4
<i>luj βix</i>	352	935	‘наперсток’	4
<i>ɲuɣə</i>	374	972	‘карась’	4
<i>ɲur</i>	247	878	‘кожа (выделанная)’	4
<i>tultə</i>	330	874	‘нести’	5
<i>luləy</i>	319	890	‘немой’	5
<i>suɣ</i>	344	983	‘нитка’	5
<i>suɣtəβ</i>	443	820	‘лекарство’	6
<i>tuset</i>	370	751	‘борода’	7

Таблица 10. Фонема /y/ (j, ə)
y (F1 270—462, F2 1345—2335)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>ʎəyɣ</i>	447	2078	‘болото (маленькое)’	1
<i>kyj</i>	462	1561	‘болото (большое)’	1
<i>sʎj</i>	347	1497	‘голос’	2
<i>lyj</i>	352	1595	‘гной’	2
<i>sʎjɣɣk</i>	320	1925	‘громкий’	2
<i>lyjta</i>	335	2130	‘гнить’	2
<i>lykteti</i>	431	1625	‘набрасываться’	3
<i>tyukət</i>	270	1345	‘колчан’	4
<i>ɲyʎək</i>	360	2167	‘наискосок’	4
<i>sʎj</i>	284	2335	‘копоть’	4
<i>sʎʎtə</i>	296	1911	‘резать’	5
<i>tyʎkə</i>	358	2021	‘носок’	5
<i>sʎjɣɣjetə</i>	296	2124	‘обуглиться’	5
<i>sux</i>	377	1869	‘красота’	6

Таблица 11. Фонема /i/ (ы)
i (F1 278—474, F2 985—1868)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>ilt</i>	474	1297	‘вязь’	1
<i>niləx</i>	372	1413	‘восемь’	1
<i>liləx</i>	466	1519	‘втайне’	1
<i>qinən</i>	278	1469	‘горький’	2
<i>βijənq</i>	342	1502	‘гневный’	2
<i>ilsəp</i>	467	1355	‘вниз’	3
<i>liyil</i>	355	1298	‘кедр’	4
<i>miŋqil</i>	326	1139	‘нарост (на дереве)’	5
<i>miŋtə</i>	384	1274	‘обещать’	5
<i>lisqiltə</i>	373	1321	‘насмешить’	5
<i>ʃsimil</i>	294	1420	‘немного’	5
<i>lintə</i>	355	1493	‘обшивать’	5
<i>ʃsimləli</i>	303	1518	‘немножечко’	5
<i>pin</i>	354	1080	‘бородавка’	7

Таблица 12. Фонема /e/ (э)
e (F1 325—523, F2 1466—2692)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>neml'øyki</i>	430	2255	‘безымянный’	1
<i>s'emj</i>	433	2291	‘глаз’	2
<i>sejimtə</i>	392	2412	‘головокружение’	2
<i>pentzti</i>	467	2459	‘крыть’	3
<i>serəntəti</i>	503	2577	‘крепнуть’	3
<i>nemtətə</i>	338	2075	‘назвать’	4
<i>eməl'tə</i>	406	2318	‘накормить’	4
<i>mətʃsəytətə</i>	365	1910	‘облокотиться’	5
<i>elə</i>	351	2152	‘ненадолго’	5
<i>nemən</i>	384	2195	‘настоящий’	5
<i>jetərke</i>	457	1865	‘косач’	6
<i>cel'ə</i>	367	2446	‘колокольчик’	8
<i>ejimtə</i>	363	2451	‘клеить’	8
<i>m'esj</i>	352	2465	‘корова’	8
<i>βejŋ kəyl'</i>	365	2692	‘ковш’	8

Таблица 13. Фонема /ë/ (ə)
ë (F1 323—837, F2 848—1682) — основная реализация фонемы,
встречается у всех информантов, наиболее частотная реализация

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>m'ëləqotəl</i>	529	1278	‘вчера’	1
<i>t'ëytəŋul</i>	471	1194	‘голубика’	2
<i>s'ëyz</i>	581	1249	‘глина’	2
<i>q'ëyər</i>	378	1255	‘горсть’	2
<i>p'ëli</i>	487	1556	‘гармошка’	2
<i>ŋ'ëŋqəmtə</i>	402	996	‘надоедать’	3
<i>β'ëlə</i>	589	1227	‘кровать’	3
<i>β'ëy p'zyltə qu</i>	555	1249	‘кузнец’	3
<i>p'ëqi</i>	554	1267	‘кукла’	3
<i>l'ëq</i>	594	1321	‘мусор’	3
<i>n'ësləytitə</i>	465	1356	‘надеяться’	3
<i>ësməqiriŋ</i>	508	1537	‘наволочка’	3
<i>q'ëlintə</i>	398	1374	‘копать’	4
<i>ŋ'ëletə</i>	384	968	‘лизать’	5
<i>q'ëŋ[ɣ]ntə</i>	558	1523	‘написать’	6

Фонема /ě/ может реализоваться в более упрежденном и более приподнятом звуке:

ě (F1 299—714, F2 1286—2388) — также частотная реализация. Совпадает с [e] /e/ по значениям формант, отличается по длительности. Согласно нашему анализу значений формант, является также реализацией /ä/ по Н. И. Терешкину.

Таблица 14. Реализация [ě] фонемы /ě/ (ə)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>pěmlěm</i>	673	1589	‘горячий’	2
<i>měli</i>	577	1802	‘глубокий’	2
<i>pěyi peliek</i>	366	1426	‘налево’	4
<i>sěy</i>	385	1966	‘налим’	4
<i>βějnet</i>	405	2249	‘нарочно’	5
<i>jěrxen</i>	438	1668	‘ненец’	5
<i>liěmeytel'te</i>	402	2133	‘обливаться’	5
<i>pěstəy</i>	378	2236	‘быстро’	5
<i>pělexjětə</i>	415	1596	‘оглохнуть’	5
<i>rěkimtə</i>	406	1637	‘обронить’	5
<i>β'ělěytə</i>	406	2103	‘обрубать’	5
<i>jěyirtipə</i>	395	1920	‘наливать’	6
<i>jěmsi peliek</i>	422	1286	‘направо’	6
<i>βerte</i>	591	1616	‘красный’	6
<i>měli</i>	715	1951	‘который’	6

Может приобретать более передний оттенок:

ž (F1 511—786, F2 1641—1993) — данная реализация в основном у Информанта 3 и по одному разу — у Информанта 4, Информанта 1, Информанта 6. Правил появления [ž] вместо реализации [ě] не удалось обнаружить. По значениям формант совпадает с основной реализацией [э] /z/ (F1 279—865, F2 1258—2496), отличается по длительности.

Таблица 15. Реализация [ž] фонемы /ě/ (ə)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>pžlęin</i>	786	1641	‘крылатый’	3
<i>sžrз</i>	605	1699	‘место, где солили рыбу’	3
<i>jžyz</i>	669	1766	‘коряга’	6
<i>cžyep</i>	527	1811	‘кулак’	3
<i>tžv</i>	736	1865	‘ненадежный’	1
<i>pžlęy</i>	511	1993	‘крыло’	3

Реализация более огубленного, приподнятого, более заднего произнесения [ǰ]:

ǰ (F1 617—695, F2 1104—1447) — аллофон непоследовательно встречается только в речи Информанта 1 и Информанта 2. Совпадает по значениям формант с основным аллофоном [o] /o/, отличается от него по длительности.

Таблица 16. Реализация [ǰ] фонемы /ě/ (ə)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>lǰβęnci</i>	626	1163	‘бабочка’	1
<i>qǰm</i>	658	1447	‘да’	1
<i>tǰytęy</i>	617	1228	‘гагара’	2
<i>βǰy jęnq</i>	622	1009	‘гвоздь’	2
<i>ǰyѕl'</i>	695	1104	‘гриб’	2

Таблица 17. Фонема *o* (ө, о)
o (F1 279—571, F2 895—1834)

Транскрипция	Значение F1 (Гц)	Значение F2 (Гц)	Перевод	Информант
<i>soym'ist</i>	442	1295	‘береза’	1
<i>tontex</i>	461	1304	‘береста’	1
<i>ʃsoyseŋ</i>	302	1113	‘горе’	2
<i>korsem</i>	341	1135	‘голень’	2
<i>kol'i</i>	361	1191	‘густой’	2
<i>kontʃeβ</i>	279	1289	‘гребень’	2
<i>ʃsoŋʃløy</i>	372	1385	‘горбатый’	2
<i>portə</i>	464	1466	‘кусать’	3
<i>corəsqi</i>	548	1844	‘купец’	3
<i>moyleŋ</i>	292	895	‘какой’	4
<i>toj</i>	484	1324	‘конец’	4
<i>lonq</i>	309	1329	‘клин’	4
<i>toyit</i>	375	1139	‘огонь’	5
<i>kor</i>	397	1277	‘нога’	5
<i>noł</i>	425	1310	‘нос’	5

4. Квантитативные характеристики гласных первого слога

Описания квантитативных характеристик вокализма первого слога ваховского диалекта хантыйского языка отличаются друг от друга в работах разных исследователей: в работах Н. И. Терешкина, И. Футаки, Л. Шифер. В работе И. Футаки [Futaki 1967: 141—146] приведены гласные фонемы по [Gulya 1966] с данными по длительностям. Во второй колонке для сравнения приведем наши данные, где это возможно:

Таблица 18. Квантитативные характеристики гласных полного образования у И. Футаки [Futaki 1967: 141—146]

Данные И. Футаки (мс)	Данные нашего исследования (мс)	Перевод	Данные нашего исследования по средним длительностям гласного первого слога (мс)
<i>köt</i> 22,08	<i>kət</i> 12, 60	‘рука’	/ø/ 13,64
<i>kat</i> 15,28	<i>kət</i> 10,82	‘дом’	/v/ 14,49
<i>kjč</i> 11,21		‘роса’	/i/ 14,39
<i>kür</i> 21,69		‘топор’	/y/ 15,68
<i>sem</i> 23,09	<i>sem</i> 15,19	‘глаз’	/e/ 13,82
<i>ku</i> 24,03	<i>ku</i> 24,57	‘мужчина’	/u/ 13,18
<i>ni</i> 24,89	<i>ni</i> 12,11	‘женщина’	/i/ 13,39
<i>äpjm</i> 7,21	<i>vpm</i> 11,55	‘мой отец’	/v/ 14,49
<i>käsı</i> 10,47	<i>kvsı</i> 4,70	‘человек’	/ë/ 8,16

Таблица 19. Квантитативные характеристики редуцированных гласных у И. Футаки [Futaki 1967: 141—146]

Данные И. Футаки (мс)	Данные нашего исследования (мс)	Перевод	Данные исследования по средним длительностям гласного первого слога (мс)
<i>köt</i> 8,18		‘расстояние’	
<i>käč</i> 7,92		‘мох’	
<i>kər</i> 8,05		‘ступка’	
<i>səm</i> 14,12	<i>sëm</i> 5,15	‘сердце’	/ë/ 8,16
<i>kām</i> 8,11	<i>këm</i> 8,18	‘да’	/ë/ 8,16

И. Футаки выделяет фонему /ä/ наряду с /ə/ и приводит примеры, доказывающие, что реализации /ä/ могут быть более краткими, чем реализации /ə/. С помощью метода определения формантных значений звуковых сегментов мы выделили одну фонему, близкую к /ə/ в работах других исследователей: /ë/ с основной реализацией в [ë].

Таблица 20. Квантитативные характеристики гласных первого слога по результатам экспериментально-фонетического исследования

Фонема и запись Н. И. Терешкина	Аллофон фонемы	Средняя относительная длительность (%)	Средняя абсолютная длительность (мс)
/a/ (a)	ɐ	124%	14,94
/ɜ/ (ä)	ɜ	115%	13,40
/i/ (u)	i	110%	13,39
/o/ (o, ɵ)	o	119%	13,67
/ɵ/ (ɵ, o, y)	ɵ	116%	13,64
/u/ (y)	u	111%	13,18
/y/ (ÿ, ö)	y	113%	15,68
/i/ (ɨ)	i	108%	14,39
/e/ (э)	e	112%	13,82
/ë/ (ə, ä) редуцированная по Н. И. Терешкину	ë	72%	8,16
	ž	88%	11,03
	ě	68%	7,38
	ǒ	88%	8,60
/ʊ/ (ɵ, ö) редуцированная по Н. И. Терешкину	ʊ	71%	7,69

Мы можем выделить две степени долготы гласных первого слога в ваховском диалекте хантыйского языка: краткую (/ʊ/, /ë/ с аллофонами [ë], [ě], [ǒ], причем реализации /ë/ совпадают по значениям F1 и F2 с гласными обычной долготы) и нейтральные. Для кратких гласных отмечается нечеткость произношения и общая сложность представления в виде формантного облака, таким образом, краткие гласные можно интерпретировать как редуцированные вслед за Н. И. Терешкиным и Л. Шифер и также выделить гласные полного образования.

Реализации редуцированной /ɵ/ у Н. И. Терешкина в наших материалах представлены как реализации /o/ полного образования и как реализации /ʊ/ редуцированной. Реализации /ö/ представлены в реализациях /y/ полного образования и /ʊ/ редуцированной.

5. Результаты экспериментально-фонетического исследования

Количество выделенных фонем составило 11. На основе анализа значений формант не были выделены реализации, однозначно соответствующие фонемам /ë/, /ä/ у Н. И. Терешкина [Терешкин 1961]⁵. Качество выделенных фонем также отличается: для описания фонем был выделен дополнительный ряд (средний). Характеристики гласных по огубленности / неогубленности, подъему, полному образованию / редуцированности в целом сохраняются.

Наши экспериментальные данные по длительностям гласных отличаются от данных И. Футаки: мы не видим оснований отдельно выделять /ä/, как и Л. Шифер [Schiefer 1975: 91—93].

Сравнение с существующими описаниями и использование экспериментально-акустических методов на собранном нами аудиоматериале показывает сходство наших результатов с системой вокализма ваховского диалекта хантыйского языка, выделенной Н. И. Терешкиным.

Неясными остались некоторые правила возникновения реализаций с иными значениями F1 и F2 в речи определенных информантов. Вне данного исследования оказалось подробное рассмотрение разнообразных эффектов влияния согласных и позиции в слоге на качество гласных первого слога. При особом внимании к экспериментально-акустическим методам не так широко использовались традиционные фонологические методы. В стороне осталась артикуляционная сторона аудиоматериала по ваховскому диалекту хантыйского языка и сравнение с аудиоматериалами других диалектов хантыйского языка. По всем этим направлениям исследование может быть продолжено в будущем.

Получившаяся система является треугольной, со скоплением фонем в районе среднего ряда и среднего подъема, практически незаполненными остается задний и передний ряд. Данные ряды заполняются в районе верхнего подъема. Сопоставление формантных рисунков, разработанных в ходе эксперимен-

⁵ Следует отметить, что графически /ä/ не всегда выделяется у Н. И. Терешкина: она присутствует в [Терешкин 1961] и [Терешкин 1967], но не обозначается в «Словаре восточно-хантыйских диалектов» [Терешкин 1981], например: *кэчэ* 'боль' [Терешкин 1997: 186] и *кэсэ* 'боль' (с пометой *вах.*) [Терешкин 1981: 135].

тальных фонетических исследований, в том числе на материале ваховского диалекта хантыйского языка, открывает новые возможности для разработки проблем фонетической и фонологической типологии языков Сибири и Дальнего Востока.

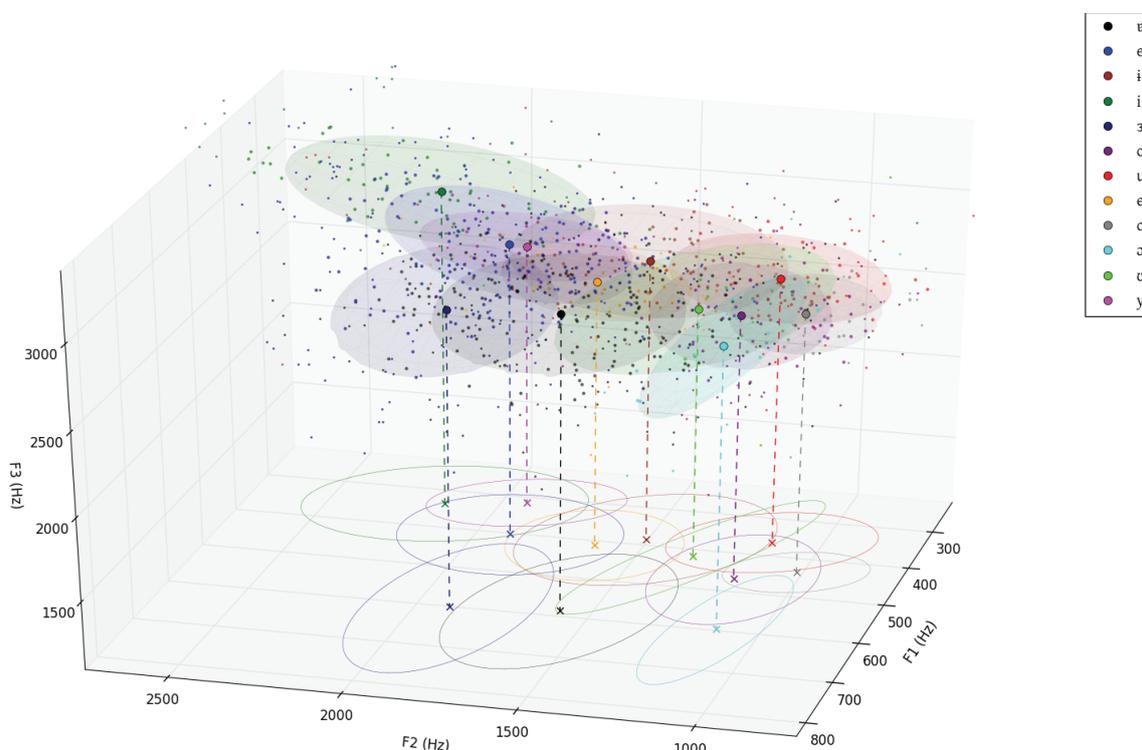

Рис 3. Рисунок формантных облаков для ваховского диалекта хантыйского языка (с. Корлики ХМАО)

Литература

Андреева 1988 — Андреева Т. А. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка (Экспериментально-фонетическое исследование). Новосибирск, 1988. {*Andreeva T. A. Phonetic Composition of the Tommot Dialect of Evenki (A Study in Experimental Phonetics)*. Novosibirsk, 1988.}

Верте 1988 — Верте Л. А. Спектральные характеристики казымско-хантыйских носовых // Фонетика и грамматика языков Сибири. Новосибирск, 1988. С. 85—88. {*Verte L. A. Spectral Qualities of Kazym-Khanty Nasals // Phonetics and Grammar of Siberian Languages*. Novosibirsk, 1988. P. 85—88.}

ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, 2010—2013. {Russian Census of 2010 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, 2010—2013.}

Куркина 2000 — Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. {*Kurkina G. G. Vocalism of the Khanty language (Experimental Study)*. Novosibirsk, 2000.}

Селютина 2008 — Селютина И. Я. Звуковые системы языков народов Сибири: Учебное пособие. Новосибирск, 2008. {*Selyutina I. Ya. Phonetic Systems of the Siberian Languages: A Study Guide*. Novosibirsk, 2008.}

Селютина и др. 2013 — Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири: Монография. Новосибирск, 2013. {*Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Esenbaeva G. A., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. Atlas of Consonant Articulations in Siberian Turkic Languages: A Monography*. Novosibirsk, 2013.}

Соловар 2016 — Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shyanova A. A. Dialects of the Khanty Language*. Khanty-Mansiysk, 2016.}

Терешкин 1958 — Терешкин Н. И. О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка // В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 8. М.—Л., 1958. С. 319—330. {*Tereshkin N. I. On Some Specifics of Vakh, Surgut and Kazym Dialects of the Khanty Language // Far North Schools' Teacher's Helper*. Vol. 8. M., L., 1958. P. 319—330.}

- Терешкин 1960 — *Терешкин Н. И.* Методические указания к букварю на языке ваховских ханты. Л., 1960. {*Tereshkin N. I.* Methodological Notes to the Primer of the Vakh Khanty Language. L., 1960.}
- Терешкин 1961 — *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект. Л., 1961. {*Tereshkin N. I.* Surveys of the Khanty Dialects. Part One. The Vakh Dialect. L., 1961.}
- Терешкин 1967 — *Терешкин Н. И.* Ваховский диалект хантыйского языка (Фонетика и морфология). Л., 1967. {*Tereshkin N. I.* The Vakh Dialect of the Khanty Language (Phonetics and Morphology). L., 1967.}
- Терешкин 1981 — *Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981. {*Tereshkin N. I.* Dictionary of Eastern Khanty Dialects. L., 1981.}
- Терешкин 1997 — *Терешкин Н. И., Сподина В. И.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (Ваховский диалект). Нижневартовск, 1997. {*Tereshkin N. I., Spodina V. I.* Khanty-Russian and Russian-Khanty Dictionary (Vakh Dialect). Nizhnevartovsk, 1997.}
- Тимкин 2017 — *Тимкин Т. В.* Спектры гласных первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // *Universum humanitarium*. Вып. 1. Новосибирск, 2017. С. 45—59. {*Timkin T. V.* Specters of the First-Syllable Vowels in the Surgut Dialect of Khanty // *Universum humanitarium*. 2017. Vol. 1. P. 45—59.}
- Уртегешев, Кошкарева 2017 — *Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б.* Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // *Вестник угроведения*. № 3, 30. Ханты-Мансийск, 2017. С. 74—97. {*Urteshev N. S., Koshkaryova N. B.* System of vowels of the first syllable in the Surgut dialect of the Khanty language // *Bulletin of Ugric Studies*. 2017. Vol. 30. P. 74—97.}
- Уртегешев, Кошкарева 2018 — *Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б.* Инвентарь прерывистых гласных фонем в сургутском диалекте хантыйского языка // *Сибирский филологический журнал*. №1. Новосибирск, 2018. С. 180—207. {*Urteshev N. S., Koshkaryova N. B.* An inventory of intermittent vowel phonemes in the Surgut dialect of the Khanty language // *Siberian Journal of Philology*. 2018. Vol. 1. P. 180—207.}
- Ethnologue 2019 — Ethnologue. Languages of the World // <https://www.ethnologue.com/>, 2019.
- Filchenko 2007 — *Filchenko A. Y.* A Grammar of Eastern Khanty. Houston, 2007.
- Futaki 1967 — *Futaki I.* Zum Vokalismus des Vach-Ostjakischen. UAJb 39. 1967. S. 141—146.
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. UAS 51. Bloomington – The Hague, 1966.
- Harrington 2010 — *Harrington J.* The Phonetic Analysis of Speech Corpora. Chicester, 2010.
- Ladefoged 2003 — *Ladefoged P.* Phonetic Data Analysis: An Introduction to Instrumental Phonetic Fieldwork. Oxford, 2003.
- Schiefer 1975 — *Schiefer L.* Phonematik und Phonotaktik des Vach-Ostjakischen // *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars*. Serie B. Band 1. München: Universität München, 1975.
- Steinitz 1966 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etimologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.

РЕЗЮМЕ

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования гласных первого слога ваховского диалекта хантыйского языка. Исследование проводилось на полевом материале автора, записанном в селе Корлики (Ханты-Мансийский автономный округ— Югра). Собранный материал обрабатывался в программе для анализа речи Праат. Приведены данные по качественным и количественным характеристикам гласных первого слога.

SUMMARY

This article presents the results of the experimental phonetic research of the vowels in the first syllable in the Vakh dialect of Khanty. The research was based on the field materials collected by the author in the village of Korliki (Khanty-Mansi Autonomous Okrug— Yugra). This material was then processed using the Praat speech analysis software. Qualitative and quantitative features of the processed vowel are cited.

Ключевые слова: ваховский диалект хантыйского языка, гласные первого слога, качество гласных, длительность гласных, формантный анализ

Keywords: Vakh dialect of Khanty, vowels in the first syllable, vowel quality, vowel quantity, formant analysis

Ли Полина Игоревна, Лаборатория лингвистической антропологии (Томск), Институт филологии СО РАН (Новосибирск), Новосибирский государственный университет (Новосибирск); polina.li.14@mail.ru

Polina I. Li, Laboratory of Linguistic Anthropology (Tomsk), Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), Novosibirsk State University; polina.li.14@mail.ru

Кто стоял у истоков создания крымско-татарского литературного языка?¹

В научной литературе общепринятой является точка зрения о том, что диалектная основа современного литературного языка, начало создания которого было положено в 1928 году, существенно отличается от первых словарей, подготовленных в XIX веке под руководством Исмаила-бей Гаспринского. В частности, в [БСЭ] написано:

Крымско-татарский язык разделяется на степной, средний и южный диалекты, представляющие соответственно кыпчакско-ногайский, кыпчакско-половецкий и огузский типы тюрк. языков.... Первые опыты создания лит. к.-т. я. (на основе юж. диалекта) относятся к кон. 19 в.; важную роль в этом сыграл Исмаил-бей Гаспринский. Состоявшаяся в 1928 в Крыму лингвистич. конференция приняла решение о создании (на базе среднего диалекта) нового лит. к.-т. я., который используется ныне.

Обратимся к информации, какие фонетические признаки различают огузские и кыпчакские языки, которые, как традиционно считается, легли в основу южного vs. среднего и северного диалектов крымско-татарского языка.

Таблица 1. Основные отличия ногайского (кыпчакского) и гагаузского (огузского) языков по очерку «Тюркские языки», составленному А. В. Дыбо в [EDAL 2003]

ПТю	Ногайский	Гагаузский
*b-	b-	b-
*-b-	b/w/j/0	v/0
*t-	t-	t-/d-
*d-	t, (d-)	d, t
*g-	k-	g-
*č	š	č, ž
*j	s	š

Итак, обратимся к реальным примерам из крымско-татарских диалектов и проверим, насколько они соответствуют традиционной точке зрения о присутствии в них как огузских, так и кыпчакских черт. В [Севортян 1966] дается информация о фонетических различиях диалектов. Он пишет:

Диалекты различаются по следующим фонетическим признакам:

1) начальный *й* ~ *дж*:

южн. *ёл* 'дорога', *ель* 'ветер', *йй-* 'распространять(ся)', *яян* 'пеший', *йыгы-* 'собирать', *ер* 'место', *ёх* 'нет';
vs. средн. *ёл* 'ель', *джай-*, *джаяв*, *джый-* (но *йыгыын* 'куча'), *ер*, *ёк*;
vs. сев. *джол*, *джель*, *джай-*, *джаяв*, *джый-*, *джер*, *джок* — но почти во всех северных говорах: *йипек* 'шелк', *яз-* 'писать', *якшы* 'хороший', *йылдырым* 'молния';

2) начальными *т* ~ *д*:

южн. *дагъ* 'гора, лес', *далгъа* 'волна', *дат* 'вкус', *дюш-* 'падать', *диш* 'зуб', *дол-* 'наполняться', *дур-* 'стоять, стать';
vs. средн. *дагъ*, *далгъа*, *дат*, *тюш-*, *тиш*, *тол-*, *тур-*, но *дурул-* 'отстаиваться';
vs. сев. *тав*, *толкъун*, *тат*, *тюш-*, *тур-*, но *де-* 'говорить, сказать', *денъиз* 'море', *деръя-денъиз*;

3) губной ассимиляцией:

южн. *тузлук* 'солонка', *чюрюклюк* 'гниль', *хурулуш* 'строительство', *ольдюрюль-* 'быть убитым', *тютюн-джюлюк* 'табаководство', *койлю* 'крестьянин', *курксюзь* 'без меха', *гумюш/күмүйш* 'серебро', *олду* 'он стал';
vs. средн. *тузлукъ*, *чюрюклик*, *кчурулуш*, *ольдюриль*, *тютюнджилик*, *койлю*, *курксюз*, *кумюш*, *олды* // *олду*;
vs. сев. *тузлыкъ* // *туздукъ*, *чюриклик*, *кчурулуш* // *кчурулуш*, *ольдюриль-* // *ольдириль-*, *оттиргль-*, *койли*, *күмүйш*, *олды*».

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков».

На основании анализа этих примеров можно предположить, что южные диалекты — чисто огузские, средние имеют смешанный характер, в северных — больше кыпчакских черт, но огузские формы также присутствуют в виде дублетов.

Таким образом, становится ясно, что для понимания существенно ли отличается диалектная основа современного литературного крымско-татарского языка от словарей первых книг важно проанализировать статистику диагностических фонетических черт из Таблицы 1 в словарях этих языков. Для этого мы совместно с проф. Л. С. Селендили, носительницей литературного крымско-татарского языка, и А. Исуповой создали электронный сводный словарь² литературного языка и первых крымско-татарских словарей [Боданинский 1873; Татарско-русский словарь 1902; Русско-татарский словарь 1906].

Словарь [Боданинский 1873] был создан Али Боданинским, учителем, этнографом, переводчиком, родившимся в 1865, в д. Бадана (ныне Перово), Симферопольского уезда, в крымскотатарской семье. [Татарско-русский словарь 1902] был подготовлен коллективом авторов под руководством Исмаила бек Гаспаринского, который родился в Ялтинском уезде Таврической губернии (ныне Бахчисарайский район Крыма). [Русско-татарский 1906] был составлен Османом Затовым, который проходил обучение с 1882 года в симферопольской татарской школе.

Таким образом, действительно, все известные нам первые кириллические словари крымско-татарского языка были составлены носителями южного диалекта. И если следовать традиционной точке зрения они должны были бы по перечисленным в Таблице 1 диагностическим фонетическим признакам отличаться от современного литературного крымско-татарского языка. Посмотрим, так ли это, на самом деле?

Насколько нам известно, ранее первые словари крымско-татарского языка не систематически описаны. Это, вероятно, связано с господствующим в научной среде мнением о многочисленных ошибках в первых кириллических книгах, изданных на языках России до революции 1917 г. Но, как показывают наши исследования других памятников этого периода переводы, изданные в этот период, были подготовлены на высоком научном уровне и их системные отличия от современных литературных языков связаны, в первую очередь, с тем, что они были написаны на диалектах соответствующих языков, ср. описания графофонетических и морфологических систем ряда памятников на кириллице на чувашском [Савельев 2016], татарском [Нуриева 2015; 2017; Норманская, Нуриева, в печати], башкирском [Норманская, Каримова, Эжба 2017], казахском [Дыбо, Норманская 2016], бурятском [Дамбуева, Норманская 2018], саамском [Бакула 2016, Норманская 2016], марийском языке [Ключева, Норманская 2015; Ключева 2017; Норманская 2017], удмуртском [Безенова 2016а, б; Норманская, Безенова 2018], мансийском [Норманская 2015а, Норманская, Кошелюк 2017], хантыйском [Normanskaja 2014; Moldanova, Normanskaja 2018] селькупском [Норманская 2015б] языках. В настоящей статье мы планируем показать, что и первые кириллические книги на крымско-татарском языке были выполнены на высоком научном уровне, их анализ дает новые сведения для хронологизации изменений крымско-татарского вокализма.

В таблицах ниже приводятся примеры диагностических лексем для рассматриваемых фонетических соответствий из первых словарей и литературного крымско-татарского языка, из ПТю языка по реконструкции [EDAL 2003] и из ногайского и гагаузского языков, представителей кыпчакской и огузской групп, территориально наиболее близких крымско-татарскому языку.

Таблица 2. Ногайск. *b-* vs. гаг. *b-, p-* < ПТю **b-* [EDAL 2003] в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
<i>бишурубъ мекъ</i>	<i>пшермекъ</i>	<i>пишрмекъ</i>	<i>пиширмек</i>	‘варить’	<i>*biľc</i>		<i>piš-</i>
<i>бармакъ</i>	<i>бишпармахъ</i>	<i>пармак</i>	<i>пармакъ</i>	‘палец’	<i>*biarŋak</i>	<i>parmaq</i>	<i>parmaq</i>
<i>вар</i>	<i>вар</i>	<i>вар</i>	<i>бар</i>	‘есть’	<i>*bār</i>	<i>bar</i>	<i>var</i>
<i>вермекъ</i>	<i>вермек бермек</i>		<i>бермек</i>	‘дать’	<i>*bēr-</i>	<i>ber-</i>	<i>ver-</i>

Анализ встречаемости этой фонетической особенности показывает, что в литературном языке *p-* на месте ПТю **b-* встречается с той же частотой, как и в первом словаре [Боданинский 1873], поэтому она не может быть свидетельством разнодиалектного характера первых словарей и литературного языка.

Таблица 3. Ногайск. *b/w/j/0* vs. гаг. *v/0* в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
	<i>деве</i>	<i>деве</i>	<i>деве</i>	‘верблюд’	<i>*debe</i>	<i>tije</i>	<i>deva</i>

² <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/719/12652/perspective/719/12653/view>

Примеров на рефлексацию ПТю *-b- в первых словарях мы больше не обнаружили, а найденная лексема не показывает различий между первыми словарями и литературным языком.

Таблица 4. Ногайск. t- vs. гаг. t-, d- в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
дюнь	дунь		туне-вин	вчера	*tün	tün	dün

В первых словарях найден один пример слова, который дает в гагаузском озвончение *t- в нем представлено озвончение и в первых словарях в отличие от литературного языка.

Таблица 5. Ногайск. t- vs. гаг. t-, d- в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
	далыа	далгъа		‘волна’	*dalga		
	деве	деве	деве	‘верблюды’	*debe	tüje	deva
диш-лемекъ	тишлемек	тыш-лемекъ	тиш-лемек	‘кусать’	*dīl	tis	diš
	тыбъ		тюбю	‘дно’	*dūp	tüp	dip
	толу	долу	толу	‘полный’	*döl-	dolu	tolı
дири	тиры	дири	тири	‘живой’	*dīri-	tiri	diri
дурмакъ	турмакъ	турмак	турмакъ	‘стоять’	*dur-	tur-	dur-

По этому признаку можно выделить первый словарь [Боданинский 1873], в котором представлены только огузские рефлексии. Но при этом в словаре [Татарско-русский словарь 1902] и в литературном языке представлено сравнимое количество по соотношению огузских и ногайских рефлексий, поэтому на основании этого признака нельзя говорить о разной диалектной принадлежности первых словарей и литературного языка.

Таблица 6. Ногайск. k- vs. гаг. g- в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
козь	гэзь	козь	коз	‘глаз’	*gör	köz	göz
куни	гунь/кунь	кунь	гунь	‘день’	*gün(eł)/ *guñal	kün	gün
гонь				‘кожа’	*gön		
	кедже	гедже	гедже	‘ночь’	*gēč(-e)	keš	gežä

По этому признаку в литературном языке представлено даже больше или равное количество огузских рефлексий по сравнению с литературным языком.

Таблица 7. Ногайск. š vs. гаг. č, ž в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
чичекъ	чичекъ	чичеклер	чичек	‘цветок’	*čeček	šešek	čiček
чапчокъ	чапчак		чапчакъ	‘бочка’	*čap-	šapšaq	čarčaq
чэль	чоль		чэль	‘степь’	*čöl	šöl	čöl
аджи				‘горький’	*iāčī-	aši	aži
кедже	гедже		гедже	‘ночь’	*gēč(-e)	keš	gežä

Таблица 8. Ногайск. s vs. гаг. š в первых словарях и литературном языке

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
дишле мекъ	тышле мекъ	тишлемек	тишлемек	‘кусать’	*dīl	tis	diš
	эшитмекъ	ишитмек	эшитмек	‘слышать’	*ēlit-	esit-	išit
	ташъ	таш	таш	‘камень’	*diāl	tas	taš
	кедже	гедже	гедже	‘ночь’	*gēč(-e)	keš	gežä

По признакам, представленным в Таблицах 7, 8, как первые крымско-татарские словари, так и литературный язык представляют только огузские рефлексии.

Итак, видно, что по признакам, отличающим огузские vs. кыпчакские фонетические рефлексии, которые в настоящей статье были рассмотрены на примере ногайского и гагаузского языков, словари первых книг и литературного языка, существенно не различаются между собой.

Рассмотрим также два признака, указанных Э. В. Севортяном в качестве классифицирующих для различения и среднего крымско-татарских диалектов, и не разобранными нами выше. Это рефлексия в крымско-татарских диалектах ПТю *j-, который по данным Э. В. Севортяна в ряде средних и северных диалектов переходит в дж-, не характерное для территориально близкого ногайского языка, но свойственное, например, казахскому языку. Как можно видеть из таблицы 9, в первых словарях и в литературном языке зафиксированы практически исключительно «южные» рефлексии, единственным исключением является слово *джель* – ‘ветер’ в словаре [Татарско-русский словарь 1902]. Приведем здесь лишь несколько примеров, полную выборку которых можно найти в онлайн словаре³.

Таблица 9. Рефлексии ПТю *j-

1873	1902	1906	Лит. язык	Перевод	ПТю	Ногайск.	Гагауз.
<i>якъын</i>	<i>якынъ</i>		<i>якунъ</i>	‘близко’	*jAk-	<i>jaqin</i>	<i>jaqin</i>
	<i>юкары</i>	<i>юкары</i>	<i>юкъары</i>	‘вверх’	*jüg-		<i>jukari</i>
	<i>юзюмъ</i>	<i>юзум</i>	<i>юзюм</i>	‘виноград’	*jürüm	<i>jüzim</i>	<i>jüzüm</i>
	<i>джель</i>		<i>ель</i>	‘ветер’	*jel		
	<i>iekmeъ</i>	<i>ekmek</i>	<i>ekmek</i>	‘запрягать’	*jĕk-	<i>jek-</i>	

Второй признак — это наличие сингармонизма по огубленности, который по Э. В. Севортяну отличает северный диалект, в котором сингармонизм может не соблюдаться, от южного и среднего, нерелевантен и для различения диалектной основы первых книг и литературного языка, поскольку во всех источниках губной сингармонизм регулярно соблюдается.

Итак, оказывается, что не удается выявить признаки, надежно различающие диалект первых словарей и современного крымско-татарского языка. Между ними существует полная языковая преемственность, поэтому можно считать, что литературный язык создавался не в 1928 году после лингвистической конференции, а в XIX веке крымско-татарскими просветителями.

Возникают также и сомнения в том, что, как считается традиционно, крымско-татарские диалекты сформировались на базе разных языковых тюркских языков: огузских и кыпчакских, поскольку в настоящее время кыпчакские черты в исследуемых диалектах выявлены только в виде спорадических включений, которые могли возникнуть в результате заимствования слов из территориально близкого ногайского языка. А основной массив лексики имеет фонетические признаки, характерные для огузских языков. В дальнейших публикациях мы планируем представить полный статистический анализ кыпчакских и огузских фонетических черт в самых ранних материалах по северному диалекту собранных В. В. Радловым [Радлов 1896], которые ранее считались кыпчакскими. Это поможет ответить на вопрос, являются ли признаки северных диалектов, выявленные Э. В. Севортяном его исконными чертами, или они спорадически возникали в результате контактирования с носителями кыпчакских языков.

Сокращения

Гагауз. — гагаузский язык	сев. — северные диалект
Лит. — литературный язык	средн. — средние диалекты
Ногайск. — ногайский язык	южн. — южные диалекты
ПТю — пратюркский язык	

Литература

Бакула 2016 — Бакула В. Б. Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 13—33. {*Bakula V. B. Vocalism of the first syllable in the Kildin Sami dialect (case study of Matthew 1878) // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 3. P. 13—33.*}

³ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/719/12652/perspective/719/12653/view>

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1. С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891 («Ӝеч кыльӛс. Святой Тихонлэн ӝечлы дышетэм кыльӛсыз»): graphic and vocalic features // Ural-Altai Studies. 2016. Vol. 1. P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891 («Ӝеч кыльӛс. Святой Тихонлэн ӝечлы дышетэм кыльӛсыз»): consonant features. Ural-Altai Studies. 2016. Vol. 3. P. 46—63.}

Боданинский 1873 — *Боданинский А.* Русско-татарский букварь для чтения в первоначальных народных школах Таврической губернии. Одесса, 1873. {*Bogdaninsky A.* Russian-Tatar Primer for Reading in Primary Popular Schools of the Taurida Governorate. Odessa, 1873.}

БСЭ — Большая советская энциклопедия, 3-е издание, М., 1969—1978. {Great Soviet Encyclopedia, 3rd edition. M., 1969—1978.}

Дамбуева, Норманская 2018 — *Дамбуева П. П., Норманская Ю. В.* Анализ гласных первого слога в двух кириллических памятниках письменности на бурятском языке // Урало-алтайские исследования. 2018, 2. С. 30—44. {*Dambueva P. P., Normanskaya Ju. V.* Analysis of the vowels of the first syllable in two Cyrillic-script Buryat written monuments // Ural-Altai Studies. 2018. Vol. 2. P. 30—44.}

Дыбо, Норманская 2016 — *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения диалектов // Урало-алтайские исследования. 2016, 4. С. 139—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Ju. V.* The first Cyrillic books in Kazakh as a base for studying the history of dialects and creating a literary standard // Ural-Altai Studies. 2016. Vol. 4. P. 139—153.}

Ключева 2017 — *Ключева М. А.* Первые мариийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2017, 4. С. 113—138. {*Klyucheva M. A.* The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism // Ural-Altai Studies. 2017. Vol. 4. P. 113—138.}

Ключева, Норманская 2015 — *Ключева М. А., Норманская Ю. В.* Первые луговомариийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Часть I. Введение. Гласные звуки и буквы для них // Урало-алтайские исследования. 2015, 3. С. 18—63. {*Klyucheva M. A., Normanskaya Ju. V.* The first Meadow Mari alphabet books (1870s): a linguistic review. Part I. Introduction. Vowels and letters for them // Ural-Altai Studies. 2015. Vol. 3. P. 18—63.}

Норманская 2015а — *Норманская Ю. В.* Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015, 4. С. 63—78. {*Normanskaya Ju. V.* New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system // Ural-Altai Studies. 2015. Vol. 4. P. 63—78.}

Норманская 2015б — *Норманская Ю. В.* Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н. П. Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015, 4. С. 9—17. {*Normanskaya Ju. V.* Accent in the First Selkup Books, Created by N. P. Grigorovsky in the 19th Century // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Vol. 4. P. 9—17.}

Норманская 2016 — *Норманская Ю. В.* Евангелие от Матфея 1878 как памятник точной фиксации архаического состояния кильдинского диалекта // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 34—45. {*Normanskaya Ju. V.* Matthew 1878 as a monument of exact reflection of the archaic stage of Kildin Sami // Ural-Altai Studies. 2016. Vol. 3. P. 34—45.}

Норманская 2017 — *Норманская Ю. В.* Дискуссионная заметка к статье М. А. Ключевой «Первые мариийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма» // Урало-алтайские исследования. 2017, 4. С. 138—144. {*Normanskaya Ju. V.* A polemic note to the article “The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism” by Maria Klyucheva // Ural-Altai Studies. 2017. Vol. 4. P. 138—144.}

Норманская, Безенова 2018 — О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова. «О двойных огласовках удмуртских суффиксов» // Урало-алтайские исследования 2018, 1. С. 78 — 89. {*Normanskaya Ju. V., Bezenova M. P.* On the importance of the first missionary books for studies of the Udmurt language history. A discussion article on V. V. Ponaryadov’s paper “On alternate suffix vowels in Udmurt” // Ural-Altai Studies. 2018. Vol. 1. P. 78—89.}

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В.* Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017, 2. С. 46—53. {*Normanskaya Ju. V., Karimova R. N., Ekba Z.* Is V. V. Katarinski the author of the first Cyrillic Bashkir-language book? // Ural-Altai Studies. 2017. Vol. 2. P. 46—53.}

Норманская, Кошелюк 2017 — *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017, 3. С. 151—161. {*Normanskaya Ju. V., Kosheliuk N. A.* Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin

Slotstov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi // *Ural-Altai Studies*. 2017. Vol. 3. P. 151—161.}

Норманская, Нуриева, в печати — *Норманская Ю. В., Нуриева Ф. Ш.* Диалектные особенности первых кириллических книг на татарском языке // *Российская тюркология*. В печати. {*Normanskaya Ju. V., Nurieva F. Sh.* Dialectal Specifics of the First Cyrillic Books in Tatar // *Russian Turkology*. In print.}

Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // *Урало-алтайские исследования*. 2015, 2. С. 67—74. {*Nurieva F. Sh.* The dialectal base of the books written in “christened Tatar” in the latter half of the 19th century // *Ural-Altai Studies*. 2015. Vol. 2. P. 67—74.}

Нуриева 2017 — *Нуриева Ф. Ш.* Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // *Урало-алтайские исследования*. 2017, 3. С. 161—174. {*Nurieva F. Sh.* A linguistic monument of the Sergach Mishars’ dialect: a confession text from the 19th century // *Ural-Altai Studies*. 2017. Vol. 3. P. 161—174.}

Радлов 1896 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских [турецких] племен. Часть VII. Наречия Крымского полуострова. СПб, 1896. {*Radlov V. V.* Examples of Folk Literature of the Northern Turkic [Turkish] Tribes. Part 7. Dialects of the Crimean Peninsula. SPB, 1896.}

Русско-татарский словарь 1906 — *Полный русско-татарский словарь: крымско-татарского наречия / Сост. Заатов О.* Симферополь, 1906. {*Full Russian-Tatar Dictionary: of the Crimean Tatar Dialect / Comp. Zaatov O.* Simferopol, 1906.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // *Урало-алтайские исследования*. 2016, 1. С. 68—105. {*Savelyev A. V.* The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century // *Ural-Altai Studies*. 2016. Vol. 1. P. 68—105.}

Севортян 1966 — *Севортян Э. В.* Крымскотатарский язык // *Языки народов СССР*. М., 1966. {*Sevortyan E. V.* Crimean Tatar Language // *Languages of the Peoples of the USSR*. М., 1966.}

Татарско-русский словарь 1902 — *Краткий русско-татарский словарь: крымское наречие / сост. Танатар С. М. и др.; ред. Гаспринский И.* Одесса, 1902. {*Concise Russian-Tatar Dictionary: The Crimean Dialect / comp. Tanatar S. M. et al.; ed. Gasprinsky I.* Odessa, 1902.}

EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological dictionary of Altaic language. Leiden, 2003.

Moldanova, Normanskaja 2018 — *Moldanova I., Normanskaja Ju.* The graphical features of the first texts in the Khanty language // *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018*, Austria, 2018.

Normanskaja 2014 — *Normanskaja Ju.* The system of accent in the Nizjam and South dialects of Khanty // *Lingistica Uralica*. 2014, 4. P. 283—302.

РЕЗЮМЕ

В научной литературе общепринятой является точка зрения о том, что диалектная основа современного литературного языка, начало создания которого было положено в 1928 году — кыпчакская, существенно отличается от первых словарей, подготовленных в XIX веке под руководством Исмаила-бей Гаспринского на основе огузских диалектов. В статье на основании анализа электронного сводного словаря⁴ литературного крымско-татарского языка и первых крымско-татарских словарей [Боданинский 1873, Татарско-русский словарь 1902, Русско-татарский (крымско-татарский) 1906] по признакам, различающих кыпчакские и огузские языки, было выявлено, что не удастся выявить признаки, надежно различающие диалект первых словарей и современного крымско-татарского языка. Между ними существует полная языковая преемственность, поэтому можно считать, что литературный язык создавался не в 1928 году после лингвистической конференции, а в XIX веке крымско-татарскими просветителями.

SUMMARY

In the scientific literature, the generally accepted view is that the dialect basis of the modern literary language, which was created in 1928, was Kipchak dialect, differs significantly from the first dictionaries, prepared in the 19th century under the leadership of Ismail Bey Gasprinsky on the basis of Oguz dialects. In article, on the basis of the analysis of the electronic summary dictionary⁵ of the literary Crimean Tatar language and the first Crimean Tatar dictionaries [Bodaninsky 1873, Tatar-Russian dictionary 1902, Russian-Tatar (Crimean Tatar) 1906] on the signs distinguishing Kipchak and Oguz languages, it was revealed that it is not

⁴ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/719/12652/perspective/719/12653/view>

⁵ Same link as in footnote 4.

possible to identify the signs that reliably distinguish the dialect of the first dictionaries and the modern Crimean Tatar language. Between them there is a complete linguistic continuity, so we can assume that the literary language was not created in 1928 after the linguistic conference, but instead in the 19th century, by the Crimean Tatar educators.

Ключевые слова: крымско-татарский язык, кыпчакские языки, огузские языки, первые кириллические словари

Keywords: Crimean Tatar language, the Kypchak languages of the Oguz languages, the first Cyrillic dictionaries

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка¹

0. Введение

Уже несколько лет при поддержке различных фондов² ведется работа над проектом создания и разработки корпусов миноритарных тюркских языков России. В рамках этого проекта создаются параллельные корпуса (все тексты обеспечены русским переводом) с морфологической разметкой. В наиболее близком к рабочему состоянию сейчас находится корпус хакасского языка³.

В корпус хакасского языка сейчас введены хакаские литературно-художественные тексты; эпические тексты; газетные тексты; переводы на хакасский язык [Новый Завет 2011, Алиса в стране чудес 2017]. Переводы на русский язык, при отсутствии печатных версий таковых, делались участниками проекта — носителями хакасского языка. В распоряжении составителей корпуса есть оцифрованная версия Большого хакасско-русского словаря на 22 тыс. слов под ред. О. В. Субраковой [БХРС 2006]. Правка распознанного материала произведена участниками проекта, после чего текстовый файл преобразован в базу данных Starling, и словарная база дорабатывается участниками в этой системе. В качестве эталонного текстового материала мы используем также иллюстративный материал к словарю и оцифрованные текстовые примеры из [ГХЯ 1975].

Кроме того, постепенно создается диалектный подкорпус хакасского языка. Диалектный подкорпус содержит тексты звучащей речи на всех традиционно выделяемых и сохранившихся к настоящему времени хакасских диалектах; фонетическую транскрипцию — для некоторых текстов; запись в орфографии, приближенную к хакасской литературной норме; расчлененную морфонологическую запись, морфологическую разметку и русский перевод. К настоящему времени в рамках проекта обработаны полевые материалы по трем хакасским диалектам (качинский, сагайский и бельтырский). По сагайскому диалекту (с. Казановка) обработаны тексты, собранные экспедициями РГГУ (2001, 2002 гг.), РГГУ и ИЯз РАН (2007 г.), около 2,5 часов звучания, 12 тыс. словоформ (расшифровка, перевод, глоссирование, привязка к звуку). По бельтырскому диалекту (сс. Чиланы, Карагай, Бутрахты) полностью обработаны тексты, собранные экспедицией ИЯз РАН 2011 г., 9,5 часов звучания, 43 тыс. словоформ (расшифровка, перевод, глоссирование, привязка к звуку), планируется дополнить материалами, собранными в 2018 г. По качинскому диалекту (экспедиция ИЯз РАН 2015 г., сс. Трошкино, Черное озеро расшифровано и переведено около 5 часов записи текстов (около 30 тыс. словоформ), идет подготовка к разметке. Также собрано значительное количество текстов на шорском диалекте (сёла Таштыпского р-на, экспедиции ИЯз РАН и ТГУ 2016—2017 гг.), несколько часов из них расшифрованы. Звуковые файлы и расшифровка текстов, размеченная по времени, вывешены в Интернете⁴, по окончании глоссирования предполагается размещение глоссированных файлов в формате ELAN также в Интернете, в частности, на платформе LingvoDoc⁵. Кроме текстов, в диалектном подкорпусе вывешиваются различные анкеты-опросники, звуковые файлы в сопровождении расшифровки (100-словники, 200-словники, основанные на историческом принципе большие фонетические опросники (см. [Дыбо, Мудрак 2009]), морфологические и синтаксические опросники).

¹ Работа выполнена при поддержке грантов Правительства РФ № 14.Y26.31.0014, проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (сбор и обработка материала); РНФ № 18-18-00501, проект «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (написание статьи); проект Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», направление «Развитие корпусов миноритарных тюркских языков России» (программное обеспечение анализа).

² См. список khakas.altaiica.ru/texts/

³ khakas.altaiica.ru/corpus/

⁴ <https://dialects.altaiica.ru/>

⁵ <http://lingvodoc.ispras.ru>

Мы уже писали об особенностях идеологии и структуры автоматического морфологического анализатора, работающего на сайте корпуса ([Мальцева 2004; Дыбо, Шеймович 2014])⁶. Упомянем здесь кратко основные отличия от модели хакасской грамматики, принятой в существующих описаниях [ГХЯ 1975; Дыренкова 1948; Баскаков 1953; Карпов 2007].

А) Мы выделяем в хакасском языке три грамматических класса — имя, глагол и неизменяемое (неизменяемые делятся на два подкласса, один из которых может присоединять частицы, другой не может) — на основании чисто грамматических критериев: наборов словоизменяемых грамматических категорий (следуя в этом за [Зализняк 1967]). Те части речи, которые выделяются в хакасских грамматиках помимо этого набора грамматических классов (местоимения, числительные; прилагательные; отчасти наречия), мы считаем семантическими подклассами имени, особые синтаксические свойства которых могут проявляться как повышенная частотность каких-то типов употреблений, а не как системные запреты и разрешения, и потому должны выявляться в результате корпусного исследования, а не встраиваться в парсер, на основании работы которого впоследствии будут проводиться корпусные исследования. Имя отличается от глагола урезанным количеством словоизменяемых грамматических категорий.

Б) Мы принципиально считаем бессмысленным построение словоизменяемой грамматики тюркского языка как набора парадигм; эти агглютинативные языки, по-видимому, следует считать непарадигматическими (ср., например, [Алпатов 2018: 35—43]). Как для целей автоматического анализа, так и для целей описания морфологии тюркских языков мы полагаем наиболее адекватной грамматику порядка с циклами. Циклы в области глагольного набора категорий исторически объясняются как следствие синтезирования ранее аналитических форм. Циклы в области именных категорий появляются вследствие возможности продвижения словоформы, маркированной по падежу/числу/посессивности, в вершину именной группы (при помощи аффиксов транспозиции или при помощи безаффиксной конверсии).

В) Свойство обязательности выражения не характерно для грамматических категорий тюркских языков, каждый грамматический слот может быть заполнен или не заполнен, и морфологические нули в общем случае не вводятся в описание⁷.

В настоящей статье мы остановимся на сегментных преобразованиях в грамматике синтеза хакасской словоформы, обращение которых используется в программе автоматического анализа. Мы излагаем правила по уровням, в том порядке, в котором они следуют в грамматике синтеза словоформы, поскольку анализ осуществляется «через синтез», т. е. путем многократных прямых и обратных проходов с проверкой гипотез. Инвентарь словоизменяемых аффиксов, к которым применяются описываемые правила, см. в Приложении, табл. 1. Стрелкой → обозначаются одношаговые морфонологические преобразования, знаком «больше» > обозначаются преобразования, состоящие из нескольких одношаговых преобразований. По умолчанию аффикс выписывается в морфонологической форме, поэтому при его изолированном приведении фигурные скобки {} могут опускаться (но они выписываются вокруг набора морфов, составляющих словоформу, если он рассматривается на морфонологическом уровне).

1. Морфонологическая запись

Инвентарь сегментов (букв) для записи означающих хакасских словоформ.

1.0. Вокализм⁸

Хакасские гласные различаются по долготе/краткости, по ряду: передний/задний, по подъёму: широкие (нижнего и среднего подъёма) / узкие (верхнего подъёма).

⁶ Ср. также модель сегментных преобразований тувинской словоформы, подготовленную для аналогично устроенного тувинского парсера, в [Dybo, Sheimovich 2017].

⁷ Более частные отличия данного описания от традиционных грамматик изложены в статье [Шеймович 2017].

⁸ Речь идет не о фонетических характеристиках описываемых звуковых сегментов, а о признаках, характеризующих абстрактные сегментные единицы морфонологического уровня языка — морфемы. В набор признаков попадают такие, от которых зависят действия правил сегментных преобразований. Морфема в нашем понимании — это единица инвентаря символов, с помощью которого записываются означающие морфем в словаре морфем и в лексиконе. Соответственно, инвентарь устроен так, чтобы по возможности одна морфема имела в словаре одну и только одну запись (но омонимичные морфемы бывают). Для облегчения использования человеком электронного грамматического словаря хакасского языка мы выписываем в морфонологической транскрипции, т. е. с использованием условных букв, только звуковую оболочку аффиксов, а не корней (морфонологическая транскрипция словообразовательных аффиксов дается внутри расчлененной морфонологической записи основы в поле

1.0.0. Сочетания согласной *й* с гласными могут альтернативно записываться в орфографии с помощью русских йотированных букв. Соответственно, *я=йа; ю=йу*. Употребление гласных букв *е, э* в хакасских заимствованных словах подчиняется правилу распределения: в абсолютном начале встречаются только *э, ээ*, не в абсолютном начале встречаются только *е, ее*. Буквы *е, ё, ю, я* используются также в заимствованиях из русского языка: *Таня, бюро, ликёр*; сегментные правила воспринимают их как соответствующие нейотированные буквы *е, о, у, а*.

1.0.1. *Краткие гласные:* *а, е, ы, і, и* (в первом слоге исконной основы, в любом слоге заимствований), *о* (в первом слоге исконной основы, в любом слоге заимствований), *ө* (в первом слоге), *у, ү*.

Долгие гласные: все двойные написания кратких гласных, независимо от позиции: *аа, ее, ыы, ии, оо, өө, уу, үү, ээ* (*іі* — запрещенное сочетание); гласные *и, о, ө* в непервом слоге в незаимствованной морфеме (случай типа *парц* ‘уходя’, *пызо* ‘теленка’, *көзө* ‘сучок’). Таким образом, правила выбора алломорфов и правила сегментных преобразований, учитывающие долготу предшествующей гласной, после *и, о, ө* непервого слога работают как после долгой гласной. Так, выпадение согласной после долгой гласной невозможно: *пар-и-ГА(н) > париган* ‘уходил’, *салаа-ГА > салаага* ‘пальцу’, *пызо-ГА > пызога* ‘теленку’ — см. ниже.

1.0.2. Широкие гласные: *а (я), аа (яа), е (э), ее (ээ), о(ё), оо, ө, өө*;

Узкие гласные: *ы, ыы, и, ии, і, у(ю), уу (юу), ү, үү*.

1.0.3. Задние гласные: *а (я), аа (яа), ы, ыы, о, оо, у(ю), уу(юу)*;

Передние гласные: *е (э), ее (ээ), і, ө, өө, ү, үү*.

В литературной норме гласные *и, ии* ведут себя как передние, когда находятся в первом слоге, т. е. в последующих слогах гласные также должны быть передними: *пистер* ‘пятерки’, *тииннер* ‘белки’, *чистек* ‘ягода’. Гласные *и, ии* непервых слогов в литературном языке являются немаркированными по рядности (нейтральными), и выбор варианта аффикса зависит от гласных предыдущих слогов. Как правило, *и* в непервом слоге появляется в составе аффикса, либо на поверхностном уровне в результате стяжения на границе двух морфем, одна из которых заканчивается, а другая начинается на гласный (*{таста-ур-ГА}* ‘бросать-FUT-DAT’ > *тастирга* ‘бросать’, *{төре-ур-ГА}* ‘рождаться-FUT-DAT’ > *төрирге* ‘рождаться’)⁹, а *ии* в результате стяжения с выпадением интервокального согласного (*{сурыг-(з)Ы-ЛАР}* ‘вопрос-3ros-PL’ > *суришлар* ‘его вопросы’, *{пөлік-(з)Ы-ЛАР}* ‘комната-3ros-PL’ > *пөлишер* ‘его комнаты’). Гласная *и* непервого слога в неадаптированных русских заимствованиях (помета *rus* в поле словарной базы ЕТУМ) ведет себя как передняя, и следующие за ней аффиксы выбирают переднерядные варианты: *академигі* ‘академик чего-то’, *магазинзер* ‘в магазин’. В ряде говоров сагайского диалекта гласные *и, ии* также ведут себя в непервом слоге как передние: саг. *париген* ~ лит. *париган* ‘уходил’, саг. *улиге* ~ лит. *улига* ‘старшему’.

1.1. Консонантизм

Согласные хакасского литературного языка:

Глухие: *п, т, к, х, ч, с, ш, ф, ц, ц*.

Звонкие: *б, д, г, з, ж, в*; сонорные: *м, н, ң* (носовые), *л, р* (плавные), *й*.

Сегменты *ф, в, ш, ж, ц, ц* встречаются только в заимствованиях, в основном из русского языка [*ш/ж* — также в диалектных шорских и кызыльских словах, вошедших в литературный язык].

Заднеязычные взрывные согласные *к, г* согласно правилу аккомодации согласных литературного хакасского языка могут встречаться в исконно хакасских корнях и аффиксах только при наличии в той же словоформе переднерядных гласных (*е, и* первого слога, *і, ө, ү*), а увулярные щелевые *з, х* — только при

словарной базы DERIV: *{аал=ЛА=(Ы)с-}* (> *ааллас*) ‘гостить друг у друга’. Это решение является чисто формальным. Отсутствие условной морфонологической записи корней компенсируется информацией из полей словарной базы ALTERNAT, ALTERNATEN и FORM; поскольку соответствующая информация является релевантной для небольшого числа основ, такое решение представляется оправданным. Ниже в тексте статьи мы приводим некоторые примеры основ в условной морфонологической записи.

⁹ Гласная *-и-* в аффиксах исторически восходит к стяжению на границе аффиксов сочетания **(V)jV*, ср. например, древнетюркский показатель отрицательного деепричастия *-тауXн* [Erdal 2004: 324] и хак. *-Пин*; древнетюркский показатель IMP.1SG *-(A)yIn* [Erdal 2004: 324] и хак. *-им*; древнетюркский показатель «аориста» после вокалических основ *-yUr* [Erdal 2004: 240] и хак. *-ур*.

наличии в той же словоформе заднерядных (*a, ы, o, y*). В неадаптированных заимствованиях *к, з* используются независимо от рядности окружающих гласных, в соответствии с русской орфографией: *анестезиолог, автокружок*.

Для сегментных правил при синтезе словоформ релевантно главным образом противопоставление согласных по глухости/звонкости. Звонкие несонантные *б, в, д, ж, з, ч* в позиции конца основы могут встречаться только перед гласной или звонкой согласной (*б, д, з*); либо в русских заимствованиях. При этом морфонологически они тождественны соответствующим глухим (поскольку фонетически были восприняты из начальной формы русского слова в препаузальной позиции, где по правилам русского произношения звонкие согласные оглушаются), а пишутся как звонкие они ради сохранения русской орфографической формы. Поэтому после этих звонких согласных действуют те же правила выбора алломорфов, что и после глухих: {завод} + {ЛАр} PL > заводтар 'заводы', {скандинав} + {ЛАр} PL > скандинавтар 'скандинавы' (ассимиляция: оглушающиеся *д > т, в > ф* требуют после себя алломорфа мн. ч. с глухим). То же самое касается *з* конца слова в неадаптированных русских заимствованиях: ср. *биологтар истезиглери* 'исследования биологов', где после заимствования *биолог* выбирается глухой вариант аффикса ЛАр, а после исконного *истезиг* — звонкий вариант (ср. ниже, распределение вариантов аффиксов в таблице 2). То есть, в морфонологической записи основ в словаре заимствованные основы должны были бы записываться с помощью специальных морфем; на практике выбрано более простое решение: соответствующие правила содержат ссылку на наличие пометы *rus* в поле словарной базы ЕГУМ.

Условная морфонологическая запись аффиксов включает, кроме строчных букв хакасского алфавита (в случае однозначного соответствия поверхностному графическому выражению в словоформах), прописные буквы, соответствующие дополнительным морфемам, которые в поверхностном выражении репрезентируются как фонемы, чередующиеся в зависимости от фонетических позиций (соответственно, в орфографическом выражении им могут соответствовать разные буквы). Аффиксы в морфологической таблице 1 (см. Приложение) записаны с помощью морфем, что позволяет не выписывать в каждом случае весь набор алломорфов того или иного аффикса:

Дополнительные согласные морфемы	Дополнительные гласные морфемы
П: б/п/м	А: е/а
К: з/з/х/к	Ы: и/ы
Г: з/з/х/к/∅	О: о/ö
Т: т/д	
Д: т/д/н	
С: с/з	
Л: л/н/т	
Л: л/н ¹⁰	
Н: н/т	
Ч: ч/ч ¹¹	

О правилах выбора репрезентаций дополнительных морфем в разных контекстах см. пункт 2.2.1 ниже.

2. Правила сегментных преобразований морфов хакасского языка

Необходимо отметить, что здесь мы рассматриваем только те правила, которые проявляются орфографически, т. е. морфологический анализатор работает только с письменными текстами. Для парсинга диалектных текстов мы сначала производим нормализацию текста, приближая его запись к литератур-

¹⁰ В словоизменительной грамматике хакасского эта морфема встречается только в показателе CONT (встраиваемая континуативная частица, позиция 3 в таблице 1). В CONT, в отличие от других словоизменительных показателей, начинающихся с *л-* в интервокальной позиции, отсутствует вариант с *-т-* после глухих (употребляется вариант с *-л-*): *Хайдар-да нимелер тартыпдлачалар, тартыпдлачалар* 'Все что-то возят и возят (без конца, только этим и занимаются)'; *Ўзигі чох пасдлаказың* 'Без конца только и пишешь и пишешь' (см. ниже, табл. 2).

¹¹ В современной литературной орфографической норме показатели PRES *чА*, DUR *чАТ* и PRES₂ *чАдЫ(р)* всегда пишутся с *ч-*, в отличие от НАВ *ЧА(н)* и PROL *ЧА*, которые пишутся с *ч-* или *ч-* в зависимости от позиции. Однако в современной произносительной норме все эти показатели при выборе глухого/звонкого начала ведут себя одинаково, т. е. начальная согласная озвончается после гласных и звонких согласных. Отсюда написания со звонким, которые иногда можно встретить в текстах: *пардаача* 'и он пишет'. Технически мы принимаем для анализа таких случаев (пока редких) вариативный морфемный состав для показателей PRES *чА*, *ЧА*, DUR *чАТ*, *ЧАТ* и PRES₂ *чАдЫ(р)*, *ЧАдЫ(р)*.

ной норме. Впрочем, некоторые частотные диалектные морфемы и дополнительные варианты литературных морфем введены в парсер с пометой *dial*. Словарь также дополнен некоторыми частотными диалектными лексемами, встреченными в текстах. Следует отметить, что литературная нормированность хакасского языка не особенно жесткая, и хакасские писатели — носители диалектов легко вносят в свои произведения привычные для них диалектные формы.

2.0. Сегментные правила выбора алломорфов (поверхностно-морфологические правила выбора одного из алломорфов морфемы, при заданном морфемном составе словоформы)

2.0.1. Выбор из алломорфов, стоящих в одной клетке таблицы 1 через запятую: *A* vs *u*.

Алломорфы, различающиеся первой морфемой *A* или *u* (FUT *A(p)*, *u(p)*; CONV_a *A*, *u*; CONV_{пас} *Абас*, *ибАс*; PROSP *АК*, *иК*; ITER *АдЫр(p)*, *идЫр(p)*), выбираются в зависимости от того, на что кончается предыдущий морф. Если он кончается на гласную, выбирается вариант с *u*, если на согласную — вариант с *A*. После гласной: {узу-*ур*} (> *узур*) ‘он будет спать’, {сөле-*ибАс*} (> *сөлибес*) ‘говоря’, {төзе-*u*} (> *төзи*) ‘расстилая’, {сана-*идЫр*} (> *санидыр*) ‘считает’, {узу-*иК-чА*} (> *узихча*) ‘вот-вот заснет’. После согласной: {ат-*Ар*} (> *адар*) ‘он будет стрелять’, {нар-*АбАс*} (> *парабас*) ‘уходя’, {сал-*А*} (> *сала*) ‘кладя’, {пiл-*АдЫр*} (> *пiледiр*) ‘знает’, {нар-*АК-чА*} (> *парахча*) ‘собирается уходить’.

2.0.2. Выбор из алломорфов, стоящих в одной клетке таблицы 1 через запятую: *(Ы)п* vs *0*.

Показатель NF выбирает алломорф *(Ы)п*, если: 1) он непосредственно следует за основой, которая оканчивается на (выпадающие, см. ниже) *п*, *з*, *э* или *ң*; или 2) он непосредственно следует за основой или аффиксом, оканчивающимися на гласную; или 3) непосредственно за ним следует интраклитика: ASS *ОК* или CONT *ЛА* (хотя в последнем случае может выбираться и алломорф *0* при основах на согласную). В прочих случаях NF выбирает алломорф *0*, если находится в середине словоформы. Непосредственно в конце словоформы для NF возможны оба алломорфа. Перед глаголом, начинающимся с гласной, выбирается обязательно алломорф *(Ы)п*: *алып алча* ‘берет себе’; перед глаголом, начинающимся на согласную, может выбираться алломорф *0*: *ал салган* ‘взял’. Но, так как парсер не анализирует аналитические словоформы, то распределение для него остается свободным)¹².

NF.NEG не опускается: {нар-*0-чА*} ‘идти-NF-PRES’ (> *нарча*) ‘он идет’, {нар-*Пин-чА*} ‘идти-NF.NEG-PRES’ (> *нарбинча*) ‘он не идет’.

2.0.3. Выбор из алломорфов, стоящих в одной клетке таблицы 1 через запятую: *тЫп* vs *Даң*.

Алломорф ABL *тЫп* может стоять только после ALL *САр*: *столзартын* ‘со стороны стола’. Алломорф ABL *Даң* употребляется во всех прочих случаях: *столдаң* ‘со стола’. (О соответствии набора падежных показателей в данном грамматическом описании традиционному см. [Шеймович 2017].)

2.0.4. Показатель DUR₁ *u(p)* перед PAST *ГА(н)* и перед COND *СА* выступает как *u*: {нар-*u(p)-ГАН*} ‘идти-DUR₁-PAST’ → {нар-*u-ГАН*} (> *париган*) ‘уходил’, {нар-*u(p)-СА*} ‘идти-DUR₁-COND’ → {нар-*u-СА*} (> *париза*) ‘когда идет’, перед деепричастием CONV_п — как *ur*: {нар-*u(p)-(Ы)п*} ‘идти-DUR₁-CONV_п’ → {нар-*ur-Ып*} (> *парырып*: *урт парырып* ‘проходя мимо’). Перед Person, PredPL и концом словоформы варианты *u* и *ur* находятся в свободном (точнее, диалектном) варьировании: {нар-*u(p)*} > *пару/парур* ‘он идет’; {нар-*u(p)-ЛАр*} > *парилар/парирлар* ‘они идут’. В литературном языке *p* обычно не опускается. Как и в случае FUT, описанном ниже в 2.0.7, наблюдается тенденция к распределению показателей 1SG: непосредственно перед 1SG.mix показатель принимает форму *u*: {нар-*u(p)-(Ы)м*} → {нар-*u-(Ы)м*} (> *парим* ‘я иду’), перед 1SG.full — форму *ur*: {нар-*u(p)-ПЫп*} → {нар-*ur-ПЫп*} (> *парирбын* ‘я иду’).

2.0.5. Показатель PAST *ГА(н)* принимает форму *ГА* непосредственно перед всеми показателями позиции 19 Person: {нар-*ГА(н)-(Ы)м*} ‘идти-PAST-1SG.mix’ → {нар-*ГА-м*} (> *паргам*) ‘я шел’, {мик-*ГА(н)-САр*} ‘шить-PAST-1SG.mix’ → {мик-*ГА-САр*} (> *миккесер*) ‘вы шили’. В остальных случаях принимается форма *ГАН*.

¹² Таким образом, если у нас имеется форма, заканчивающаяся на *-(Ы)п*, то она имеет два разбора: через CONV_п — в случае свободной конструкции, и через NF — в случае грамматикализованной аналитической словоформы, например, со вспомогательным глаголом *ал-* ‘брать’ (бенефактив). Показатель NF — это единственный грамматический ноль, введенный нами в систему; в принципе его можно было бы отождествить с показателем деепричастия CONV_п, распределив его по двум разным слотам (что соответствует исторической правде и некоторым особенностям постановки отрицания в глагольных формах), они совершенно омонимичны. Главное, чем вызвано принятое решение — омонимия глоссировки формы деепричастия с нулевым показателем и формы императива 2SG при ином решении.

2.0.6. Показатель НАВ $ЧА(н)$ может принимать как форму $ЧА$, так и форму $ЧАн$ непосредственно перед всеми показателями позиции 19 Person. В 1SG, если НАВ принял форму $ЧА$, то выбирается морфема личного аффикса $(Б)М$, а если НАВ принял форму $ЧАн$, выбирается морфема личного аффикса $ПЫн$: $\{ырла-ЧА(н)-ПЫн\}$ ‘петь-НАВ-1SG.full’ $\rightarrow \{ырла-ЧАн-ПЫн\}$ ($>$ *ырлачаңмын*) // $\{ырла-ЧА(н)-(Б)М\}$ ‘петь-НАВ-1SG.mix’ $\rightarrow \{ырла-ЧА-м\}$ ($>$ *ырлачам*) ‘я пел (обычно)’, но: $\{кил-ПА-ЧА(н)-ПЫс\}$ ‘прийти-НАВ-1PL’ $\rightarrow \{кил-ПА-ЧАн-ПЫс\}$ ($>$ *килбечеңміс*) // $\{кил-ПА-ЧА-ПЫс\}$ ($>$ *килбечебіс*) ‘мы не приходили (обычно)’.

2.0.7. Показатель FUT $A(p)$, $u(p)$ в литературном языке может принимать форму A , u непосредственно перед 1SG.mix: $\{нар-А(p)-(Б)М\}$ ‘идти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{нар-А-м\}$ ($>$ *парам*) ‘я пойду’, $\{ада-и(p)-(Б)М\}$ ‘называть-FUT-1SG’ $\rightarrow \{ада-и-м\}$ ($>$ *адим*) ‘я буду называть’, $\{кил-А(p)-(Б)М\}$ ‘прийти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{кил-А-м\}$ ($>$ *килем*) ‘я приду’. Во всех диалектах FUT часто принимает форму A , u непосредственно перед показателем DAT $ГА$: $\{нар-А(p)-ГА\}$ ‘идти-FUT-DAT’ $\rightarrow \{нар-А-ГА\}$ ($>$ *парага*) ‘идти’, перед AFFIRM $ЧЫК$: $\{нар-А(p)-ЧЫК\}$ ‘идти-FUT-AFFIRM’ $\rightarrow \{нар-А-ЧЫК\}$ ($>$ *парачык*) ‘пошёл бы’, а также перед другими личными показателями: $\{нар-А(p)-СЫн\}$ ‘идти-FUT-2SG’ $\rightarrow \{нар-А-СЫн\}$ ($>$ *паразын*) ‘ты пойдешь’, $\{нар-А(p)-ПЫс\}$ ‘идти-FUT-1PL’ $\rightarrow \{нар-А-ПЫс\}$ ($>$ *парабыс*) ‘мы пойдём’. В кызыльском диалекте форма A , u встречается также и в конце словоформы: *чари* ‘ладно’ ($<$ $\{чара-А\}$ ‘быть годным-FUT’), лит. *чарир*. В прочих случаях принимается форма Ap , up . В частности, перед 1SG.full в лит. яз.: $\{нар-А(p)-ПЫн\}$ ‘идти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{нар-Аp-ПЫн\}$ ($>$ *парарбын*) ‘я пойду’, $\{ада-и(p)-ПЫн\}$ ‘называть-FUT-1SG’ $\rightarrow \{ада-иp-ПЫн\}$ ($>$ *адирбын*) ‘я буду называть’, $\{кил-А(p)-ПЫн\}$ ‘прийти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{кил-Аp-ПЫн\}$ ($>$ *килербин*) ‘я приду’ и 1SG.mix в диалектах: $\{нар-А(p)-(Б)М\}$ ‘идти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{нар-Аp-БМ\}$ ($>$ *парарым*) ‘я пойду’, $\{кил-А(p)-(Б)М\}$ ‘прийти-FUT-1SG’ $\rightarrow \{кил-Аp-БМ\}$ ($>$ *килерим*) ‘я приду’.

2.0.8. Показатели ITER $Ады(p)$, $иды(p)$, PRES₂ $чАды(p)$ в литературном языке не опускают p . В качинском и кызыльском диалектах, где эти формы употребляются в устной речи, p часто опускается. Аналогично случаям с показателями DUR₁ и FUT, 1SG.full сочетается только с полной формой аффикса: $\{чурта-Ады(p)-ПЫн\}$ ‘жить-ITER-1SG’ $\rightarrow \{чурта-Адыp-ПЫн\}$ ($>$ *чуртидырбын* ‘живу’), $\{ніл-Ады(p)-(Б)М\}$ ‘знать-ITER-1SG’ $\rightarrow \{ніл-Ады-БМ\}$ ($>$ *ніледім* ‘знаю’), $\{одыр-чАды(p)-(Б)М\}$ ‘сидеть-PRES₂-1SG’ $\rightarrow \{одыр-чАды-БМ\}$ ($>$ *одырчадым* ‘сизу’). В прочих случаях распределение свободное, точнее, диалектное.

2.0.9. Аффиксы посессивного склонения выбираются после посессивных аффиксов множественного числа.

2.0.10. Гласная в скобках, стоящая в начале морфа, обозначает, что если предыдущий морф кончается на согласную, будет выбран вариант данного морфа, начинающийся на эту гласную морфону; а если предыдущий морф кончается на гласную, будет выбран вариант данного морфа, начинающийся на согласную морфону (т. е. гласная в скобках опускается).

Согласная в скобках, стоящая в начале морфа, обозначает, что если предыдущий морф кончается на гласную, будет выбран вариант данного морфа, начинающийся на эту согласную морфону; а если предыдущий морф кончается на согласную, будет выбран вариант данного морфа, начинающийся на следующую после согласной в скобках морфону (т. е. согласная в скобках опускается).

- $-(V)\{Mrphn+1\} \rightarrow -V\{Mrphn+1\}/\{Mrphn\}C_ \{am\}$ ‘имя’ + $\{(Б)М\}$ 1pos.SG $\rightarrow \{am-БМ\}$ ($>$ *адым*)
- $-(V)\{Mrphn+1\} \rightarrow -0\{Mrphn+1\}/\{Mrphn\}V_ \{ada\}$ ‘отец’ + $\{(Б)М\}$ 1pos.SG $\rightarrow \{ada-м\}$ ($>$ *адам*)
- $-(C)\{Mrphn+1\} \rightarrow -C\{Mrphn+1\}/\{Mrphn\}V_ \{ada\}$ ‘отец’ + $\{(з)БЛ\}$ 3pos $\rightarrow \{ada-зБЛ\}$ ($>$ *адазы*)
- $-(C)\{Mrphn+1\} \rightarrow -0\{Mrphn+1\}/\{Mrphn\}C_ \{am\}$ ‘имя’ + $\{(з)БЛ\}$ 3pos $\rightarrow \{am-БЛ\}$ ($>$ *ады*)

2.1. Правила морфонологических чередований, применение которых требует информации из словарей морфем: из грамматического словаря основ (например, сведения о лексико-грамматическом классе основы или словарные данные этой основы) и из таблицы 1 словоизменительных аффиксов (например, граммема данной морфемы)

2.1.1. (Обязательно действующее). Преобразование конечных (стоящих непосредственно перед морфологической словоизменительной границей) n , z , g , $н$ односложных глагольных основ на границе с аффиксами CONV_n и NF на $(Б)н$ в $Г$: $\{тап\}$ ‘находить’ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{таГ-Бн\}$ ($>$ *таан*) ‘найдя’, $\{теп\}$ ‘толкать’ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{теГ-Бн\}$ ($>$ *теен*) ‘толкая’, $\{суз\}$ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{суГ-Бн\}$ ($>$ *суин*) ‘чертя’, $\{чыг\}$ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{чыГ-Бн\}$ ($>$ *чыын*) ‘собирая’, $\{чиң\}$ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{чиГ-Бн\}$ ($>$ *чиин*) ‘побеждая’, $\{тоң\}$ + $\{Бн\}$ $\rightarrow \{тоГ-Бн\}$ ($>$ *тоон*) ‘замерзая’. Информация о наличии и обязательности преобразования извлекается из

характеристики первой морфемы как основы, второй морфемы как аффикса CONV_n или NF и их сегментного состава.

2.1.2. (Факультативное). Преобразование конечных (стоящих непосредственно перед морфологической словоизменительной границей) *з*, *г*, *н* в основах и аффиксах на границе со следующими аффиксами, начинающимися с гласной, в Г¹³. Правило действует факультативно, т. е. преобразование может происходить, а может и не происходить.

Примеры.

Многосложные основы имен

По имеющимся в настоящее время данным *з*, *г* в этом случае в литературном языке выпадают¹⁴ обязательно, но для части диалектов это не так; в нормативном словаре зафиксированы разные варианты, иногда форма принадлежности в грамматической зоне словаря БХРС выписана одним образом, а в примере попадает форма принадлежности от того же имени, образованная иначе; в грамматике этот вопрос подробно не рассматривается. В набор диалектологических анкет для хакасско-шорского ареала мы включили полный список слов с такими финалами.

Примеры на *з* и *г*: {улуз} ‘большой’ + {БЛ} Зрос → {улуГ-БЛ} (> улии) ‘старший’, {марыз} ‘пари’ + {БЛ} Зрос → {марыГ-БЛ} (> мариин) ‘его пари’, {абылаз} ‘нападение’ + {БЛ} Зрос → {абылаГ-БЛ} (> абылаа) ‘его нападение’, {чөгиз} ‘зной’ + {БЛ} Зрос → {чөгизГ-БЛ} (> чөгизи: күн чөгизи ‘дневной зной’), {чөлег} ‘опора’ + {БЛМ} 1рос.SG → {чөлеГ-БЛМ} (> чөлеем) ‘моя опора’, {сүрдег} ‘тревога’ + {БЛ} Зрос → {сүрдеГ-БЛ} (> сүрдее) ‘его тревога’;

НО: {ойыз} ‘пятно’ + {БЛ} Зрос → {ойызГ-БЛ} (> ойи ~ ойыгы) ‘его пятно’, {орыз} ‘место обитания’ + {БЛ} Зрос → {орызГ-БЛ} (> орыгы: пулан орыгы ‘место обитания лосей’; турна орыгы ‘гнездовье журавлей’); {игег} имя действия от игирге ‘пилка’ + {БЛ} Зрос → {игизГ-БЛ} (> игее ~ игеги: одың игеги ‘пилка дров’); {көлиг} ‘запряжка; упряжка’ + {БЛ} Зрос → {көлиГ-БЛ} (> көли ~ көлиги); {төзег} ‘поле (фон чего-л.)’ + {БЛ} Зрос → {төзегГ-БЛ} (> төзее ~ төзегі: сатиннің төзее көк ‘поле у сатина синее’; төзегі хызыл товар ‘ткань с красным фоном’);

Примеры на *н* (все зафиксированные случаи): {пулуң} ‘угол’ + {БЛ} Зрос → {пулуГ-БЛ} (> пулии) ‘его угол’; {чилиң} ‘мозг’ + {БЛ} Зрос → {чилиГ-БЛ} (> чилии) ‘его мозг’; {хордың} ‘солод, закваска’ + {БЛ} Зрос → {хордыГ-БЛ} (> хордли): ас хордии ‘ячменный солод’; айран хордии ‘закваска для айрана’; НО {үрдүң} ‘наковальня’ + {БЛ} Зрос → {үрдүңГ-БЛ}: сапхы үрдүңи ‘наковальня для отбивания литовки’; {чүчүң} ‘древесный сок’ + {БЛ} Зрос → {чүчүңГ-БЛ}: хазың чүчүңи тадылыг ‘берёзовый сок сладкий’; ср. кызыльское диалектное {утхуң} ‘верхний слой сети’ + {БЛ} Зрос → {утхуңГ-БЛ}: сөзірбенің утхуңы ‘верхняя часть невода’.

Хабитуальное причастие НАВ {ЧАң} (при субстантивации) — правило обязательно: {сыда} ‘выносить’ + {ЧАң} НАВ + {БЛ} Зрос → {сыда-ЧАГ-БЛ} (> сыдачаа: сыдачаа чох ‘невыносимый’); {чөр} ‘ходить’ + {ЧАң} НАВ + {БЛ} Зрос → {чөр-ЧАГ-БЛ} (> чөрчее: Тасхар чөрчее чох соох ‘Такой мороз, что на лицу не выйти’).

Односложные основы имен

Правило факультативно, есть частичные распределения по лексемам и дублеты как в диалектных системах, так и в литературном языке.

Примеры на *з* и *г*: {суз} ‘вода’ + {БЛ} Зрос → {суГ-БЛ} (> суу: саңыс суу ‘сок калины’), {нуз} ‘каприз, прихоть’ + {БЛ} Зрос → {нуГ-БЛ} (> нуу) ‘его прихоть’, {таз} ‘гора’ + {БЛ} Зрос → {таГ-БЛ} (> таа) ‘его гора’¹⁵, {саз} ‘сила’ + {БЛ} Зрос → {саГ-БЛ} (> саа) ‘его сила’, {наз} ‘веревка’ + {БЛ} Зрос → {наГ-БЛ}

¹³ Формально такое и предыдущее преобразование, представляющие собой трансформации на морфонологическом уровне, обеспечивают приведение к морфеме, которая на фонологическом уровне имеет реализацию Ø; эта реализация обеспечивается фонологическим правилом, см. ниже. Некоторые соображения по единообразию соответствующих процессов в разных тюркских языках (например, реализация этой морфемы в виде фарингального призвука в тубаларском и, возможно, в некоторых хакасских диалектах) не позволяют нам уже на этом этапе говорить о выпадении согласного.

¹⁴ Выпадение является следствием данного преобразования по следующему ниже правилу 2.3.2.

¹⁵ Так в литературной грамматике, и так же выглядит пример в словаре. Однако ср. в корпусе: *Хара мрамор таста пазыл парган: «Трошкиннер родының тагы»* ‘На чёрном мраморном камне написано: «Гора рода Трошкиных»’. [ЭКХЯ: Воспоминания Н.Ф. Трошкина]. Н. Ф. Трошкин по происхождению — носитель качинского диалекта. Аналогичные формы дают и носители шорского диалекта.

(> *naa*) ‘его веревка’, {*kög*} ‘песня’ + {*Bl*} 3pos → {*köГ-Bl*} (> *köö*) ‘его песня’, {*ciг*} ‘черта’ + {*Bl*} 3pos → {*ciГ-Bl*} (> *сиu*) ‘его черта’;

НО {*хан-ниг*} ‘правитель’ + {*Bl*} 3pos → {*хан-ниг-Bl*} (> *хан-ниги*) ‘его правитель’, {*аг*} ‘сеть’ + {*Bl*} 3pos → {*аг-Bl*} (> *агы: палых агы* ‘рыболовная сеть’), {*сог*} ‘жар’ + {*Bl*} 3pos → *сог-Bl* (> *согы: көс согы* ‘жар углей’), {*чүг*} ‘перо’ + {*Bl*} 3pos → {*чүг-Bl*} (> *чүги*) ‘его перо’.

Примеры на *н*: {*öң*} ‘цвет’ + {*Bl*} 3pos → {*öГ-Bl*} (> *öö: суг öö чох* ‘вода бесцветна’), {*ман*} ‘досуг’ + {*Bl*} 3pos → {*маГ-Bl*} (> *маа*) ‘его досуг’; {*соң*} ‘конец’ + {*Bl*} 3pos → {*соГ/ң-Bl*} (> *соо ~ соңы: ай соо* ‘конец месяца’; *нымах соо* ‘конец сказки’).

НО: {*аң*} ‘зверь’ + {*Bl*} 3pos → {*аң-Bl*} (> *аңы*) ‘его зверь’.

Ср. также наличие в словаре таких двух входов (обе леммы ни разу не встретились в нашем корпусе, и, в частности, мы не можем в данном случае судить о правильности выделения в словаре-источнике начальной формы), как {*нүг*} ‘пух’ + {*Bl*} 3pos → {*нүг-Bl*} (> *нүги: хус нүги* ‘птичий пух’) и {*нүң*} ‘пух’ + {*Bl*} 3pos → {*нүң-Bl*} (> *нүңи: хас нүңи* ‘гусиный пух’).

Однословные основы глаголов (многословных основ глаголов с конечным *г, з, ж* не бывает)

При сочетании с показателем FUT *Ap*, (от которого, в частности, образуется инфинитив — из-за этого у нас много примеров, т. к. инфинитив служит словарным входом) правило факультативно в литературном языке. В диалектах встречаются разные варианты действия (в вопросник диалектологической анкеты мы включили полный список таких основ), но, кажется, преобладают регулярные случаи — либо на всех основах действует, либо на всех не действует.

{*ciг*} ‘чертить’ + {*Ap*} FUT → {*ciГ-Ap*} (> *сиup*) ‘начертит’, {*чыг*} ‘собирать’ + {*Ap*} FUT → {*чыГ-Ap*} (> *чыыр*) ‘соберет’, {*тоң*} ‘мерзнуть’ + {*Ap*} FUT → {*тоГ-Ap*} (> лит. *тоор*)

или:

{*ciг*} + {*Ap*} FUT → {*ciг-Ap*} (> *сигер*) ‘начертит’, {*чыг*} ‘собирать’ + {*Ap*} FUT → {*чыг-Ap*} (> *чыгар*) ‘соберет’, {*тоң*} ‘мерзнуть’ + {*Ap*} FUT → {*тог-Ap*} (> диал. шор. *тогар*) ‘будет мерзнуть’.

Перед прочими показателями, начинающимися с гласной, — CONV_a, ITER и императивными — это преобразование не происходит: {*чыг*} ‘собирать’ + {*A*} CONV_a → {*чыг-А*} (> *чыга*) ‘собирая’, {*чыг*} ‘собирать’ + {*АдBlр*} ITER → {*чыг-АдBlр*} (> *чыгадыр*) ‘обычно собирает’. Для PROSP *AK* нет данных, но более вероятно, что преобразования (и последующего стяжения) нет. Перед показателем DAT посессивного склонения *-А* конечная согласная показателя 2pos.SG *-ң* не переводится в *Г* ({*ат*} ‘лошадь’ + {*Blң*} 2pos.SG + {*A*} DAT → {*ат-Blң-А*} (> *адыңа*) ‘твоей лошади’).

К настоящему времени преобразование 2.1.2. отмечено для некоторых слов в словаре в поле FORM, но опыт работы с корпусом демонстрирует, что оно относится к ненормированным в литературном языке диалектным по происхождению явлениям, так что следует считать его не лексически связанным, а морфонологически факультативным, возможным в принципе для любой основы такой структуры.

2.1.3. Преобразование конечных (стоящих непосредственно перед морфологической словоизменительной границей¹⁶) согласных *-к, -х, -К* неодносложной последовательности морфем на границе с аффиксом, начинающимся на гласную, в *Г*: {*харах*} ‘глаз’ + {*Blм*} 1pos.SG → {*хараГ-Blм*} (> *хараам*) ‘мой глаз’, {*хузух*} ‘орех’ + {*Blм*} 1pos.SG → {*хузуг-Blм*} (> *хузим*) ‘мой орех’; {*изик*} ‘дверь’ + {*Blм*} 1pos.SG → {*изиГ-Blм*} (> *изиим*) ‘моя дверь’, {*пöрик*} ‘шапка’ + {*Blм*} 1pos.SG → {*пöриГ-Blм*} (> *пöриим*) ‘моя шапка’. Ср. указание на дублетность в словаре-источнике: {*көгенек*} ‘рубашка’ + {*Bl*} 3pos > *көгенее, көгенеге* ‘его рубашка’ и нек. др. Правило действует факультативно, по тому же принципу, что правило 2.1.2.

На данный момент нам встретились только случаи действия правила на границе с аффиксом принадлежности. С глагольными основами аналогичной структуры, типа *хорых-* ‘бояться’, в формах причастий FUT *Ap*, императива *им, BlңAp, АңAp*, деепричастий CONV_n (*Bl*)*n* и т. п. такого не происходит. Таким образом, информация о наличии чередования извлекается из сегментного состава морфем, стоящих перед морфологической границей, сегментного состава и имени аффикса принадлежности.

2.1.4. «Беглые» гласные.

В д в у с л о ж н ы х нечленимых основах узкие краткие гласные (*y, j, ы, i*) закрытого конечного слова, находящиеся между согл. *р-н, л-н, й-н*), выпадают при присоединении аффиксов принадлежности, начинающихся на гласную. См. [Баскаков 1953: 373; ГХЯ 1975: 22]. Так сформулировано правило в нормативных грамматиках. Однако, при обращении к материалам БХРС и корпуса оказывается, что од-

¹⁶ В условной морфонологической расчлененной записи граница между словообразовательными и словоизменительными показателями различается (у нас это «⇒» для словообразовательных и «→» для словоизменительных). Формулируемое правило учитывает только «→».

на часть основ не демонстрирует отклонений от него, другая часть основ такой структуры не показывают редукции, а еще одна часть дает дубликаты с редукцией и без редукции.

Основы с выпадением: {алын} ‘перед’ + {БІ} Зрос → {алн-БІ} (> алны ‘передняя часть чего-л.’ — встречено в грамматиках; примерах в БХРС; 663 примера в литературном корпусе); {ирин} ‘губа’ + {БІ} Зрос → {ирн-БІ} (> ирні ‘его губа’; встречено в грамматиках; примерах в БХРС; 2 случая в корпусе); {килин} ‘невестка’ + {БІ} Зрос → {килн-БІ} (> килні ‘ее невестка’; грамматика; примеры в БХРС; 15 случаев в корпусе); {мойын} ‘шея’ + {БІ} Зрос → {мойн-БІ} (> мойны ‘его шея’; грамматика; примеры в БХРС; 47 случаев в корпусе); {пурун} ‘нос’ + {БІ} Зрос → {пурн-БІ} (> пурны ‘его нос’; грамматика; пример в БХРС; 13 случаев в корпусе); {сүрүн} ‘дух, душа; жизненная сила’ + {БІ} Зрос → {сүрн-БІ} (> сүрні ‘его душа’; 3 примера в БХРС); {харын} ‘живот’ + {БІ} Зрос → {харн-БІ} (> харны ‘его живот’ — грамматика; БХРС; 25 случаев в корпусе); {хойын} ‘пазуха; объятия; ложбина на склоне’ + {БІ} Зрос → {хойн-БІ} (> хойны ‘его пазуха’; грамматика; 5 примеров в БХРС; 9 случаев в корпусе) {чилін} ‘грива’ + {БІ} Зрос → {чилн-БІ} (> чилні ‘его грива’; 3 примера в БХРС); {чилін} ‘вымя’ + {БІ} Зрос → {чилн-БІ} (> чилні ‘ее вымя’; пример в БХРС).

Основы без выпадения: {ойын} ‘игра’ + {БІ} Зрос → {ойын-БІ} (> ойыны (грамматика; 5 примеров в БХРС; 1 пример в корпусе: ойынында ЗРос-ЛОС ‘сделались) позорищем’ 1 Кор 4:9); {сайын} ‘скорлупа’ + {БІ} Зрос → {сайын-БІ} (> хузух сайыны ‘скорлупа кедрового орешка’ (пример в БХРС); {сарын} ‘песня’ + {БІ} Зрос → {сарын-БІ} (> сарыны (12 примеров в корпусе); {сүрүн} ‘облик, лицо’ (этимологически тождественно {сүрүн} ‘душа’) + {БІ} Зрос → {сүрүн-БІ} (> сүрүні (1 пример в БХРС); {хулун} ‘жеребёнок-сосунок’ + {БІ} Зрос → {хулун-БІ} (> хулуны: тибе хулуны ‘верблюжонок’ БХРС; 11 примеров в корпусе); {хурун} ‘копоть, сажа в дымоходе’ + {БІ} Зрос → {хурун-БІ} (> хуруны 1 пример в БХРС); {чалын} ‘пламя’ + {БІ} Зрос → {чалын-БІ} (> чалыны (1 пример в БХРС, 3 примера в корпусе).

Дублетные основы: {орын} ‘место’ + {БІ} Зрос > → {орн-БІ} (орны (10 примеров в БХРС, 166 примеров в корпусе; НО также 1 пример *Илханның чир түбі орыны* ‘Подземное царство Илхана’ (ЭКХЯ: Топоев Илья Прокопьевич. Хара торааттың Хароол 1.890); {чалын} ‘подгривный жир, холка’ + {БІ} Зрос > → {чалн-БІ} (> чалны (2 примера в БХРС), → {чалын-БІ} (> чалыны (1 пример в БХРС); {чарын} ‘лопатка’ + {БІ} Зрос → {чарн-БІ} (> чарны (ГХЯ 22; 3 примера в БХРС; 5 примеров в корпусе) и → {чарын-БІ} (> хой чарыны ‘баранья лопатка’, 1 пример в БХРС).

Нет данных о выпадении/невыпадении для слов *пырын* ‘сажа’, *сойын* ‘чугун’, *турун* ‘головня’, *чайын* ‘разлив’, *чүлүн* ‘физиономия человека’.

Относительно происхождения и бытования этого и сходных явлений в тюркских языках ср. [Дубо 2005]. Как можно видеть, в хакасском распределение по классам относительно выпадения/невыпадения узкого гласного не связано прямо с этимологической структурой основы (старые конечные кластеры с *j*, например, в хакасском упростились — см. [Дыбо 2007: 44—46]; а слова с реконструируемым нестянувшимся сочетанием **V-jin* (‘шея’, ‘пазуха’, ‘игра’) попали в разные классы). Нынешняя картина может, как нам кажется, указывать на постепенную утрату чередования, сохраняющегося у наиболее частотных слов. В парсере вид основы с выпавшей гласной представлен в словарной статье словаря в поле ALTERNATEN.

2.1.5. Выбор варианта основы у слов, оканчивающихся на *-ст*, *-ц*. В основах, оканчивающихся на допустимое сочетание согласных *ст* и не имеющих пометы о заимствовании (таких основ в словаре три: *ист-* ‘слушать’, *сист-* ‘развязывать’, *үст-* ‘верх’), вариант со *ст-* выступает перед аффиксом на гласную, вариант с *с-* — в абсолютном конце или при следующем аффиксе, начинающемся на согласную. Формы глагола *ист-* ‘слушать’: *ис!* ‘слушай!’, *иснес* < {*ис-ПА.с*} ‘слушать-NEG.FUT’ ‘непослушный’, *иссең* < {*ис-СА-ң*} ‘слушать-COND-2SG.br’ ‘если ты слышишь’, *истерге* < {*ист-Ар-ГА*} ‘слушать-FUT-DAT’ ‘слушать’; формы глагола *сист-* ‘развязывать’: *сисне* < {*сис-ПА*} ‘развязывать-NEG’ ‘не развязывай’, *систин* < {*сист-Ын*} ‘развязывать-CONV_п’ ‘развязав’, *үст-* ‘верх’: *үстү* < {*үст*} + {БІ} Зрос (это слово в хакасском языке всегда употребляется с аффиксом принадлежности). В словарной базе в поле ALTERNAT в качестве словоизменительной основы выписаны варианты *ис-* и *сис-*.

У именных основ, имеющих варианты, оканчивающиеся на *-ст*, *-ц* (только заимствования), вариант на *-с* (представлен в словарной статье словаря в поле ALTERNATEN) выбирается при следующем аффиксе, начинающемся на гласную, вариант на *-ст* — в абсолютном конце или при следующем аффиксе, начинающемся на согласную. Примеры: *артист* — {*артис*} + {БІ} Зрос (> *артизи*) ‘его артист’, {*артист*} + {ЛАр} PL (> *артисттер*) ‘артисты’, *полководец* — {*полководес*} + {БІ} Зрос (> *полководези*) ‘его полководец’, {*полководец*} + {ДАң} ABL (> *полководецең*) ‘от полководца’.

2.1.6. COND *СА* и RPAST *ТЫ*, непосредственно после которых идет личный аффикс кратко набора 2PL *ңАр*, претерпевают следующие преобразования: конечный гласный первого аффикса (*А* или *Ы* соответственно) и начальный *ң* второго аффикса выпадают. Примеры: {*нас-СА-ңАр*} ‘писать-COND-2PL.br’ → {*нас-С.Ар*} (> *нассар*) ‘если будем писать’, {*нас-ПА-СА-ңАр*} ‘писать-NEG-COND-2PL.br’ → {*нас-ПА-С.Ар*} (> *наспаза*) ‘если не будем писать’, {*нас-ТЫ-ңАр*} ‘писать-RPAST-2PL.br’ → {*нас-Т.Ар*} (> *настар*) ‘вы недавно написали’. Правило действует факультативно, в литературном языке допускаются как стяженный, так и полный (без выпадений) варианты данных форм: {*нас-СА-ңАр*} > *нассаңар*, {*нас-ПА-СА-ңАр*} > *наспазаңар*, {*нас-ТЫ-ңАр*} > *настыңар*.

2.2. Морфонологические правила, применение которых определяется сегментным составом сочетающихся морфем, включающим информацию о морфемных границах

2.2.1. Преобразование согласных после словоизменяющей морфемной границы (см. таблицу 2).

Морфы (аффиксы), начинающиеся с определенной морфемы, преобразуют эту морфему в другую морфему в зависимости от качества конечной морфемы предшествующего морфа (инвентарь словоизменяющих морфем в морфонологической условной записи см. в таблице 1; условная запись прочих морфем извлекается из полей лексической базы ALTERNAT, ALTERNATEN, или DERIV; либо, если эти поля в словарной статье не заполнены, то совпадает с начальной формой слова).

Морфонема *П* выбирает репрезентацию *б* после звонкой носовой согласной, *п* после гласной или глухой согласной, *м* после носовой согласной.

{*нар*} ‘идти’ + {*ПА*} NEG → {*нар-бА*} (> *нарба*) ‘не иди’
 {*сана*} ‘считать’ + {*ПА*} NEG → {*сана-пА*} (> *санаба*) ‘не считай’
 {*нас*} ‘писать’ + {*ПА*} NEG → {*нас-пА*} (> *наспа*) ‘не пиши’
 {*сом*} ‘купаться’ + {*ПА*} NEG → {*сом-мА*} (> *сомма*) ‘не купайся’

Морфонема *Т* выбирает репрезентацию *д* после звонкой согласной, *т* после гласной или глухой согласной.

{*им*} ‘лекарство’ + {*ТА*} LOC → {*им-дА*} (> *имде*) ‘в лекарстве’
 {*халас*} ‘хлеб’ + {*ТА*} LOC → {*халас-тА*} (> *халаста*) ‘в хлебе’
 {*ада-ТА*} → {*ада-тА*} (> *адада*) ‘у отца’

Морфонема *Д* выбирает репрезентацию *д* после звонкой носовой согласной, *н* после носовой согласной, *т* после гласной или глухой согласной.

{*аал*} ‘деревня’ + {*ДАң*} ABL → {*аал-дАң*} (> *аалдаң*) ‘из деревни’
 {*кем*} ‘кто’ + {*ДАң*} ABL → {*кем-нАң*} (> *кемнең*) ‘от кого’
 {*агас*} ‘дерево’ + {*ДАң*} ABL → {*агас-тАң*} (> *агастаң*) ‘из дерева’
 {*тура*} ‘дом’ + {*ДАң*} ABL → {*тура-тАң*} (> *турадаң*) ‘из дома’

Морфонема *С* выбирает репрезентацию *з* после звонкой согласной, *с* после глухой согласной или гласной.

{*сом*} ‘купаться’ + {*СА*} COND → {*сом-зА*} (> *сомза*) ‘если купается’
 {*кис*} ‘надевать’ + {*СА*} COND → {*кис-сА*} (> *киссе*) ‘если надевает’
 {*сана*} ‘считать’ + {*СА*} COND → {*сана-сА*} (> *саназа*) ‘если считает’

Морфонема *Л* выбирает репрезентацию *л* после гласной или звонкой носовой согласной, *т* после глухой, *н* после носовой.

{*күске*} ‘мышь’ + {*ЛАр*} PL → {*күске-лар*} (> *күскелер*) ‘мыши’
 {*адай*} ‘собака’ + {*ЛАр*} PL → {*адай-лар*} (> *адайлар*) ‘собаки’
 {*хас*} ‘гусь’ + {*ЛАр*} PL → {*хас-тар*} (> *хастар*) ‘гуси’
 {*хозан*} ‘заяц’ + {*ЛАр*} PL → {*хозан-нар*} (> *хозаннар*) ‘зайцы’

Морфонема *Н* выбирает репрезентацию *н* после звонкой согласной или гласной, *т* после глухой согласной.

{*суз*} ‘вода’ + {*НЫ*} → {*суз-ны*} (> *сузны*) ‘воду’
 {*хоосха*} ‘кошка’ + {*НЫ*} → {*хоосха-ны*} (> *хоосханы*) ‘кошку’
 {*сеек*} ‘муха’ + {*НЫ*} → {*сеек-ты*} (> *сеекти*) ‘муху’

Морфонема *Ч* выбирает репрезентацию *ч* после звонкой согласной или гласной, *ч* после глухой согласной.

{*чол*} ‘дорога’ + {*ЧА*} PROL → {*чол-ЧА*} (> *чолча*) ‘по дороге’
 {*сом*} ‘купаться’ + {*ЧАң*} НАВ → {*сом-ЧАң*} (> *сомчаң*) ‘он обычно купался’
 {*тура*} ‘дом’ + {*ЧА*} PROL → {*тура-ЧА*} (> *турача*) ‘по дому’
 {*пас*} ‘писать’ + {*ЧАң*} НАВ → {*пас-ЧАң*} (> *пасчаң*) ‘он обычно писал’

Морфонема *L* выбирает репрезентацию *л* после глухой или звонкой неносовой согласной, *н* после носовой¹⁷.

{*пас*} ‘писать’ + {0} NF + {*ЛА*} CONT + {*ЧА*} PRES → {*пас-ла-ЧА*} (> *паслача*) ‘постоянно пишет’
 {*пар*} ‘идти’ + {0} NF + {*ЛА*} CONT + {*ЧА*} PRES → {*пар-ла-ЧА*} (> *парлача*) ‘все идет и идет’
 {*тын*} ‘дышать’ + {0} NF + {*ЛА*} CONT + {*ЧА*} PRES → {*тын-на-ЧА*} (> *тыннача*) ‘все время дышит’
 {*сана*} ‘считать’ + {*н*} NF + {*ЛА*} CONT + {*ЧА*} PRES → {*сана-н-ла-ЧА*} (> *саналача*) ‘все время считает’

Морфонема *K* выбирает репрезентацию *К* после гласной и глухой согласной, *Г* после звонкой, в том числе носовой согласной¹⁸.

{*ырах=КЫ*} ‘далеко=АТТР’ → {*ырах=КЫ*} (> *ыраххы*) ‘дальний’
 {*ам=КЫ*} ‘сейчас=АТТР’ → {*ам=ГЫ*} (> *амгы*) ‘теперешний’
 {*иур=КЫ*} ‘вечер=АТТР’ → {*иур=ГЫ*} (> *иурги*) ‘вечерний’
 {*иб-ТА-КЫ*} ‘дом-ЛОС-АТТР’ → {*иб-да-КЫ*} (> *ибдеги*) ‘тот, что в доме’

Морфонема *Г* выбирает репрезентацию *К* после глухой согласной, *Г* в прочих случаях.

{*хыс*} ‘девушка’ + {*ГА*} → {*хыс-КА*} (> *хысха*) ‘девушке’
 {*пала*} ‘ребенок’ + {*ГА*} → {*пала-ГА*} (> *палаа*) ‘ребенку’
 {*адай*} ‘собака’ + {*ГА*} → {*адай-ГА*} (> *адайга*) ‘собаке’
 {*кем*} ‘кто’ + {*ГА*} → {*кем-ГА*} (> *кемге*) ‘кому’

Исключение: после показателя FUT *A* морфонема *Г* трансформируется в *К* (в диалектах, см. выше): {*пар-А-ГА*} → {*пар-А-КА*} (> *парага*) ‘идти’. (Это, разумеется, связано с историческим наличием на конце этого аффикса согласной {*p*}. Ср. также диалектное *поган* < *полган* {*пол-ГАН*} ‘был’ и др. аналогичные основы на *p*, *л*: здесь также наличие глубинного сонанта препятствует обычному развитию в поверхностно интервокальной позиции).

¹⁷ В словоизменении эта морфонема представлена только в аффиксе континуатива и не встречается после гласных (по правилу оформления NF 2.0.2). В словообразовании, по-видимому, можно считать содержащим эту морфону аффикс глаголообразования от звукоподражаний (в отличие от стандартного аффикса глаголообразования от имен ЛА), ср.: *майтлат-* ‘шлепать по воде’ {*майт=ЛА=(Ы)Т-*} ‘звукоподражание звуку шлепания=OPER=CAUS’; *мыхлас-* ‘пищать вместе’ {*мых=ЛА=(Ы)С-*} ‘звукоподражание писку=OPER=REC-’ (так после глухих на всем объеме БХРС); *марлас* ‘рѣва’ {*мар=ЛА=ГАС-*} ‘звукоподражание реву=OPER=ADJ’; *соолат-* ‘вызывать рокот’ {*соо=ЛА=(Ы)Т-*} ‘звукоподражание рокоту=OPER=CAUS-’.

¹⁸ Внутри основы (в словообразовательных аффиксах) после сонорных морфонема *К* может принимать и глухой вариант: *андархы* ‘тамошний’, *үстүңзархы* ‘южный/верхний’. Проблема нуждается в дальнейшем изучении. По БХРС: А) глухой вариант выступает в подавляющем большинстве случаев после *p*, единично после *н* [16 отыменных производных: *аархы* ‘дальний’, *алтынзархы* ‘северный’, *андархы* ‘находящийся в тех краях’, *іскеркі* ‘восточный’, *кидеркі* ‘западный’, *мындархы* ‘местный’, *озархы* (тот+сторона=АТТР) ‘находящийся на той стороне’, *оңархы* (правый=DIR=АТТР) ‘правый’, *өөркі* (вверх=АТТР) ‘верхний’, *пееркі* (сюда=АТТР) ‘ближайший’, *тасхархы* (наружная сторона=DIR=АТТР) ‘наружный’, *тогырхы* (поперек=АТТР) ‘поперечный’, *төрзеркі* (почетное место в юрте=ALL=АТТР) ‘передний (о месте в комнате)’, *үстүңзархы* (верх+сторона=АТТР) ‘южный/верхний’, *хайдархы* (какой=LOC=DIR=АТТР) ‘находящийся в какой-л. стороне’, *чогархы* (вверх=АТТР) ‘верхний’; *төбінкі* ‘нижний’; 2 отглагольных: *ибіркі* (кружить=АТТР) ‘близлежащий’, *индіркі* (спускаться под гору=CAUS=АТТР) ‘нижний’]; Б) звонкий вариант выступает редко после *p* [4 случая, из них 1 отглагольный: *иургі* ‘вечерний’, *иргі* (старый=АТТР) ‘старый (о вещах)’, *пылтыргы* ‘прошлогодный’, *нүдіргі* (возникать=CAUS=АТТР) ‘творительный (падеж)’, обычно после других сонорных [14 случаев: *амгы* ‘теперешний’, *иртенгі* ‘утренний’, *орынгы* ‘местный падеж’, *пурунгы* (раньше=АТТР) ‘прежний’, *нүүлгі* (< *пу=ЧЫл=КЫ* этот+год=АТТР) ‘нынешний’, *нүүңгі* (< *пу=күн=КЫ* этот+день=АТТР) ‘сегодняшний’, *сагамгы* (время+сейчас=АТТР) ‘теперешний’, *хачангы* (когда=АТТР) ‘когдашний’, *чагынгы* ‘ближний’; отглагольные: *адалгы* (называть=Pass=АТТР) ‘основной (падеж)’, *көрімгі* (смотреть=Quant=АТТР) ‘винительный (падеж)’, *пирілгі* (давать=Pass=АТТР) ‘дательный (падеж)’, *тартылгы* (тянуть=Pass=АТТР) ‘притяжательный’, *ызылгы* (отправлять=Pass=АТТР) ‘направительный (падеж)’. Ср. также звонкий после *й* в названии времени года: *чайгы* ‘лето’ (в литературном хакасском оно, как и остальные, утратило производящую основу: *хысхы* ‘зима’, *часхы* ‘весна’, *күскү* ‘осень’).

Таблица 2. Реализации согласных морфем после морфемной границы

Начальная морфонема → последующего морфа										
	П	Т	Д	С	Л	Л	Н	Ч	К	Г
Конечная морфонема предшествующего морфа ↓										
C _v	б	д	д	з	л	л	н	ч	Г	Г
C _n	м	д	н	з	н	н	н	ч	Г	Г
C _u	п	т	т	с	т	л	т	ч	К	К
V	п	т	т	с	л	л	н	ч	К	Г

2.2.2. Сингармонизм.

Правило преобразования вокалической морфемы аффикса в зависимости от предшествующей охарактеризованной по ряду гласной в последовательности морфем. Вокалические морфемы аффикса выбирают реализацию того ряда, который характеризует ближайшую из предшествующих аффиксу гласных, охарактеризованную по ряду. Напомним, что гласная *и* (в литературной норме) переднерядная, если это первая гласная в словоформе (гласная первого слога), и неохарактеризована по ряду в прочих случаях.

{*кис-чАт-Ар-ГА*} ‘резать-DUR-FUT-DAT’ → {*кис-чет-ер-Ге*} (> *кисчедерге*) ‘резать некоторое время’

{*нар-ПА-ЧАң-ПЫс*} ‘идти-NEG-НАВ-1PL’ → {*нар-ба-чаң-мыс*} (> *нарбачаңмыс*) ‘мы обычно не уходили’

{*кис-Пин-чАт-ТЫр*} ‘резать-NF.NEG-DUR-INDIR’ → {*кис-пин-чет-тір*} (> *киспинчеттір*) ‘он, оказывается, не режет’

{*нар-Пин-ча-СЫң*} ‘идти-NF.NEG-PRES-2SG’ → {*нар-бин-ча-сың*} (> *нарбинчазың*) ‘ты не уходишь’

NB: Для неадаптированных русских заимствований (они имеют в словаре помету *rus* в поле ЕГУМ) выбор огласовки первого после основы аффикса происходит в соответствии с последней гласной основы; если это *и*, то выбирается переднерядный вариант: *гастрит* (-ды) ‘гастрит’ — *гастриттең ирееленерге* ‘страдать гастритом’. Похожее правило (переднерядные аффиксы после *и* в любом слоге предшествующей последовательности морфов) действует в сагайском и бельтырском диалектах для всех слов: *париген* < {*нар-и-ГАН*} ‘он шел’ в м. лит. *париган*. Только это примечание о поведении заимствований не позволяет переформулировать для литературного языка правило о рядном сингармонизме на фонологическом уровне, как учитывающее счет слогов и не учитывающее морфемных границ (как в таблице 3).

Морфонема *А* выбирает репрезентацию *a* после заднерядной гласной; *e* после переднерядной гласной.

Морфонема *Ы* выбирает репрезентацию *ы* после заднерядной гласной; *i* после переднерядной гласной.

Морфонема *О* выбирает репрезентацию *o* после заднерядной гласной; *ö* после переднерядной гласной.

Гласные *у*, *ү* не встречаются в аффиксах в литературном языке.

Таблица 3. Реализации гласных морфем

V _{n-1}	V _n		
	А	Ы	О
V _{back}	<i>a</i>	<i>ы</i>	<i>o</i>
V _{front}	<i>e</i>	<i>i</i>	<i>ö</i>

2.3. Фонологические правила, включающие исключительно фонологические условия (не зависящие от морфологического членения словоформы). Это фактически правила перехода с морфемного на фонемный уровень записи, при котором осуществляется пересчет «морфем» предыдущего уровня в «фонемы». Для парсера, работающего с текстом в орфографической форме, это пересчет с записи, содержащей условные буквы, в просто буквенную запись.

2.3.0. Все границы морфем ликвидируются.

2.3.1. Если с обеих сторон от морфемной границы стояли гласные (уже без скобок — скобки были убраны на этапах 2.0.1—2.0.5), то эти гласные стягиваются по следующим правилам: первая гласная всегда поглощается второй, а вторая становится долгой. NB: Как было отмечено выше, гласные первого слога *и*, *о*, *ö* автоматически долгие. Соответственно, если вторая гласная сочетания — *и* или *о*, *ö*, то первая гласная устраняется и остается только *и* или *о*, *ö*:

ырла ‘петь’ + *им* IMP.1SG > *ырлим* ‘пусть я спою’; *сине* ‘мерять’ + *им* IMP.1SG > *синим* ‘пусть я измерю’; *ырла* ‘петь’ + *-ибыс* IMP.1PL > *ырлибыс* ‘давайте споём’; *сине-* ‘мерять’ + *ибыс* IMP.1PL > *синибыс* ‘давайте измерим’; *ойна* ‘играть’ + *ир* FUT > *ойнир* ‘будет играть’, *узу* ‘спать’ + *ир* FUT > *узир* ‘он будет спать’, *сана* ‘считать’ + *ибас* CONV_{нас} > *санибас* ‘считаю’, *сөле* ‘говорить’ + *ибес* CONV_{нас} > *сөлибес* ‘говоря’, *сана* ‘считать’ + *и* CONV_а > *сани* ‘считаю’, *төзе* ‘расстилать’ + *и* CONV_а > *төзи* ‘расстилая’, *сана* ‘считать’ + *идыр* ITER > *санидыр* ‘считает’, *төзе* ‘расстилать’ + *идир* ITER > *төзидир* ‘расстиляет’, *узу* ‘спать’ + *иК* PROSP+ *ча* PRES → *узиКча* (> *узихча*) ‘вот-вот заснет’; *чи* ‘есть’ + *им* IMP.1SG > *чим/чим* ‘поем-ка я’; *тура* ‘дом’ + *оК* ASS → *туроК* (> *турох*) ‘дом же’; *анда* ‘там’ + *оК* ASS → *андоК* (> *андох*) ‘там же’¹⁹.

Если вторая гласная сочетания — *А* (здесь уже реализованная как *а* или *е*), то образуется долгая *aa/ee*: *узу* ‘спать’ + *аң* IMP.1.INCL > *узааң* ‘давай спать’, *сине* ‘мерять’ + *еңер/елер* IMP.1.INCL.PL > *синееңер/синеелер* ‘давайте измерять’. Для первого слога так же: *чи* ‘есть’ + *ең* IMP.1.INCL > *чеең* ‘давай поедим’.

Все исключения касаются сочетаний с частицей *ОК* (что, разумеется, связано с тем, что это клитика, формы с ней не до конца синтезированы):

1) если первая гласная сочетания *ы* или *і*, вторая *о* или *ө* — в таком сочетании обе гласные могут сохраняться. Подавляющее большинство таких случаев — сочетание ассертивной частицы *ОК* с показателем *Зрос* (в корпусе больше 20 примеров, все без усечения), но не только:

чахсы ‘хороший’ + *оК* ASS → *чахсыоК* (> *чахсыох*): *чахсаа чахсыох урунча* ‘будешь сам добрым — и к тебе будут относиться с добром’ (букв. ‘хорошему хорошее встречается’; пословица); *аны* ‘он.ACC’ + *ох* ASS → *аныоК* (> *аныох*) ‘и его/ее’.

пирсі ‘один из множества’ + *өК* ASS → *пирсіөК* (> *пирсіөк*): *Аның оң холы, пирсіөк осхас, хазах пол парган*. ‘И правая рука его, как другая, стала здорова.’ (Лк. 6:10)

хыс ‘дочь’ + *ы* *Зрос* + *оК* ASS → *хызыоК* (> *хызыох*) ‘его/ее дочь же’.

(В корпусе правило об усечении первой гласной вообще часто нарушается, обнаруживая и другие частичные морфологические распределения. Так, среди более чем 90 форм локатива на *-ТА* с частицей *ОК* нет ни одного случая без усечения, а среди более чем 200 форм датива на *-ГА* с частицей *ОК* нет ни одного случая с усечением; с пролативом *ЧА* в корпусе встретилось 3 формы, все с усечением. Вероятно, тут вмешиваются диалектные системы правил; ср. бельтырский говор, где может усекается, наоборот, гласная частицы: *чаа-га* ‘война-DAT’ + *ОК* > *чаагах* ‘на войну же’);

2) если первая гласная сочетания является гласной первого слога словоформы, а вторая — *о* или *ө*, то первая гласная никогда не устраняется, остается сочетание гласных: *пу* ‘этот’ + *оК* ASS → *пуоК* (> *пуох*) ‘этот же’;

3) если первая гласная сочетания является долгой, она никогда не устраняется, остается сочетание гласных: *магаа* ‘я.DAT’ + *оК* ASS → *магааоК* (> *магааох*) ‘мне же’.

2.3.2. Все *Г*, имеющиеся в условной записи словоформы до сих пор и оказавшиеся в интервокальной позиции, выпадают, а окружающие их гласные стягиваются в одну долгую: в какую именно, зависит от позиции слога и состава гласных, см. таблицу 4.

Исключение: если предшествующая или следующая за *Г* гласная долгая (т. е. двойная или *и*, *о*, *ө* первого слога исконного слова), выпадения и стяжения не происходит:

салаа ‘палец’ + *Га* DAT > *салаага* ‘пальцу’, *көзө* ‘сучок’ + *Ге* DAT > *көзөгө* ‘сучку’, *пызо* + *Га* DAT ‘теленки’ > *пызога* ‘теленку’, *пар* ‘идти’ + *и* DUR + *Ган* PAST > *париган* ‘уходил’.

*улуГ*²⁰ ‘большой’ + *оК* ASS → *улугоК* (> *улугох*) ‘тоже большой’, *чөлеГ* ‘опора’ + *өК* ASS → *чөлегөК* (> *чөлег-өк*) ‘тоже опора’, *саГ* ‘дойти’ + *им* IMP.1SG > *сагим* ‘пусть я подою’.

Но: *государство* + *Га* DAT > *государстваа/государствога* ‘государству’.

¹⁹ Здесь описано поведение частицы *-ОК* так, как следует из изложения и примеров в [ГХЯ 1975: 249]. Так, по-видимому, устроена разговорная норма литературного хакасского языка (информанты оценивают как правильные формы: *кiзi* + *ОК* > *кiзöк* ‘человек же’, *түлгү* + *өк* > *түлгөк* ‘лиса же’, *школа-да-гы* ‘школа-LOC-ATTR’ + *ОК* > *школадагах* ‘школьный же’, *паба-зы* ‘отец-Зрос’ + *ох* > *пабазох* ‘его отец же’, *пар-ды* ‘уйти-RPAST’ + *ОК* > *пардох* ‘он ушел же’, *пар-гла* ‘уйти-DISTR’ + *ОК* > *парглох* ‘расходитесь же!’, *чол-ча* ‘путь-PROL’ + *ОК* > *чолчох* ‘по дороге же’. По-видимому, такое правило действует в качинском диалекте, ср. примеры из с. Трошкино (экспедиция 2016 г.) *тогын-а-га* ‘работать-FUT-DAT’ + *ОК* > *тогынагах* ‘работать же’, *чаа-га* ‘война-DAT’ + *ОК* > *чаагах* ‘на войну же’. Реально в парсере принято факультативное опущение не-двойной гласной перед частицей *-ОК*, что соответствует ситуации в корпусе, см. ниже.

²⁰ Напомним, конечное *г* основы было преобразовано в *Г* по правилу 2.1.2, а в случае с *саГ-* — по правилу 2.1.1.

Таблица 4. Правила стяжения гласных при выпадении интервокальной согласной.

	<i>А</i>	<i>Ы</i>	<i>У</i>	<i>О</i>	<i>Е</i>	<i>И</i>	<i>І</i>	<i>Ӗ</i>	<i>ӱ</i>
1 слог + <i>А</i>	<i>аГа</i> > <i>аа</i> <i>саг+ар</i> > <i>саар</i> 'будет до- ить'	<i>ыГа</i> > <i>ыы</i> <i>чыг+ар</i> > <i>чыыр</i> 'будет собирать'	<i>уГа</i> > <i>уу</i> <i>нуг+ар</i> > <i>нуур</i> 'будет жмурить'	<i>оГа</i> > <i>оо</i> <i>сог+ар</i> > <i>соор</i> 'будет остывать'	<i>еГе</i> > <i>ее</i> <i>эг+ер</i> > <i>ээр</i> 'будет гнуть'	<i>иГе</i> > <i>ии</i> <i>сиг+ер</i> > <i>сиир</i> 'будет чертить'	<i>іГе</i> > <i>ее</i> <i>ти+ген</i> > <i>теен</i> 'он сказал'	<i>ӓГе</i> <i>сӓг+ер</i> > <i>сӓӓр</i> 'будет вы- тягивать'	<i>ӱГе</i> > <i>ӱӱ</i> <i>ӱг+ер</i> > <i>ӱӱр</i> 'будет окучивать'
1 слог + <i>Ы</i>	<i>аГы</i> > <i>аа</i> <i>саг+ып</i> > <i>саап</i> 'доя'	<i>ыГы</i> > <i>ыы</i> <i>чыг+ып</i> > <i>чыып</i> 'собирая'	<i>уГы</i> > <i>уу</i> <i>суг+ы</i> > <i>суу</i> 'его вода'	<i>оГы</i> > <i>оо</i> ²¹ <i>пог+ып</i> > <i>пооп</i> 'душив'	<i>еГі</i> > <i>ее</i> <i>тег+ип</i> > <i>тееп</i> 'касясь'	<i>иГі</i> > <i>ии</i> <i>сиг+ип</i> > <i>сиип</i> 'чертя'	нет примеров	<i>ӓГі</i> > <i>ӓӓ</i> <i>кӓг+і</i> > <i>кӓӓ</i> 'мелодия'	<i>ӱгі</i> > <i>ӱӱ</i> <i>ӱг+ип</i> > <i>ӱӱп</i> 'окучивая'
Непервый слог + <i>А</i>	<i>аГа</i> > <i>аа</i> <i>тура+га</i> > <i>тураа</i> 'дому' <i>сана + ган</i> 'РАСТ' > <i>санаан</i> 'он считал'	<i>ыГа</i> > <i>аа</i> <i>казы+га</i> > <i>казаа</i> 'полю' <i>таны+ган</i> > <i>танаан</i> 'он узнал'	<i>уГа</i> > <i>аа</i> <i>уйгу+га</i> > <i>уйгаа</i> 'сну'; <i>узу + гай</i> 'ОРГ' > <i>узаай</i> 'пусть спит'	не стяги- вается из-за долготы	<i>еГе</i> > <i>ее</i> <i>киме+ге</i> > <i>кимее</i> 'лодке'	не стяги- вается из-за долготы	<i>іГе</i> > <i>ее</i> <i>ізі + гелек</i> 'CUNC' > <i>ізеелек</i> 'еще не согрелся'	не стяги- вается из-за долготы	<i>ӱГе</i> > <i>ее</i> <i>тӱлӱг+ге</i> > <i>тӱлӱгее</i> 'лисе'
Непервый слог + <i>Ы</i>	<i>аГы</i> > <i>аа</i> <i>чайлаг+ы</i> > <i>чайлаа</i> 'его летняя стоянка'	<i>ыГы</i> > <i>ии</i> <i>чылыг+ы</i> > <i>чылии</i> 'тепло'	<i>уГы</i> > <i>ии</i> <i>улуг+ы</i> > <i>улии</i> '(его) старший'	не стяги- вается из-за долготы	<i>еГі</i> > <i>ее</i> <i>чӓлег+і</i> > <i>чӓлее</i> 'его опора'	не стяги- вается из-за долготы	<i>іГі</i> > <i>ии</i> <i>сіліг+і</i> > <i>сілии</i> '(ее) кра- сота'	не стяги- вается из-за долготы	<i>ӱГі</i> > <i>ии</i> <i>чӱзӱг+і</i> > <i>чӱзӱии</i> 'его чехол для топора'

2.3.3. После правила о выпадении в интервокальной позиции действует правило озвончения в интервокальной позиции для согласных *n, m, c, k, x, K*: $VnV \rightarrow VbV$, $VmV \rightarrow VdV$, $VcV \rightarrow VzV$, $VkV \rightarrow VzV$, $VxV \rightarrow VzV$, $VKV \rightarrow VTV$.

Глухой вариант, соответственно, остается перед следующей согласной или концом слова.

$n \rightarrow n$: {*сан*}# \rightarrow *сан* 'рукоятка', {*сана*} + {*n*} CONV_n + {*чА*} PRES \rightarrow {*сана-н-ча*} \rightarrow *санапча* 'он считает'

$n \rightarrow b$: {*сан*} + {*Ы*} Зрос \rightarrow {*саб-ы*} > *сабы* 'его рукоятка', {*сана*} + {*n*} CONV_n + {*ОК*} ASS + {*чА*} PRES {*сана-п-оК-ча*} \rightarrow *санабоКча* (> *санабохча*) 'он тоже считает',

$c \rightarrow c$: {*тус*}# \rightarrow *тус* 'время',

$c \rightarrow z$: {*тус*} + {*Ы*} Зрос \rightarrow {*тус-ы*} > *тузы* 'его время', {*сана*} + {*ПAc*} CONV_{нас} + {*ОК*} ASS > {*сана-нас-оК*} \rightarrow *санабазоК* (> *санабазох*) 'он тоже не посчитает';

$m \rightarrow m$: {*тут*}# \rightarrow *тут* 'держи', {*кис*} 'резать' + {*чАТ*} DUR + {*ГAn*} PAST \rightarrow {*кис-чет-Кен*} > *кис-четКен* (\rightarrow *кисчеткен*) 'он порой резал',

$m \rightarrow d$: {*тут*} + {*Ар*} FUT \rightarrow {*тут-ар*} > *тудар* 'будет держать', {*кис*} 'резать' + {*чАТ*} DUR + {*Ар*} FUT + {*ГА*} DAT \rightarrow {*кис-чет-ер-Ге*} > *кисчедерГе* (\rightarrow *кисчедерге*) 'резать время от времени', {*тура*} 'дом' + {*ДАң*} AVL \rightarrow {*тура-таң*} > *турадаң* 'из дома'.

Исключение: в нескольких корневых морфемах, исключительно, если *m* следует за первой гласной от начала словоформы, оно может сохраняться в любой позиции ({*ат-Ар-ГА*} > *атарга* /ат-/ I 'стрелять'; II 'рассветать'; {*пат-Ар-ГА*} > *патарга* /пат-/ 'вязнуть'; {*хат-Ар-ГА*} > *хатарга* /хат-/ I 'засыхать'; II 'свивать'; {*ут-Ар-ГА*} > *утарга* /ут-/ 'выигрывать'; {*хат-Ы*} > *хаты* 'его баба/жена'). Эта словарная информация отмечена в поле ALTERNAT словарной базы²².

²¹ Единственное односложное существительное на *-ог*, как будто, не демонстрирует стяжения: *кӓс согы* 'жар углей'.

²² Возможным решением было бы ввести морфемему «неозвончающееся *m*» для обозначения сегмента на конце этих корней, но, как уже было сказано, мы стараемся не усложнять запись основ в лексическом словаре. Статус этого «неозвончающегося *m*» к настоящему моменту совершенно неясен, по диалектам наблюдается варьирование форм с озвончением и без озвончения, так что в принципе здесь возможно заимствование в литературный язык из «неозвончающих» диалектов. Но вероятно и историческое решение: почти все эти корни (кроме *хат-* 'свивать', ко-

$x \rightarrow x$: {сых} 'выходить' + {ГАН} PAST > сыхГан 'выходил', {хах}# 'дупло' > хах;
 $x \rightarrow z$: {сых} 'выходить' + {АР} FUT > сыгар 'будет выходить', {хах} 'дупло' + {Ы} Зрос > хагы (тыт хагы 'дупло лиственницы'), {чух} 'смола' + {Ы} Зрос > чугы (харагай чугы 'сосновая смола')
 $k \rightarrow k$: {тик} 'шить' + {ГАН} PAST > тикГен 'шил'; {чүк}# 'котомка' > чүк;
 $k \rightarrow z$: {тик} 'шить' + {АР} FUT > тигер 'он будет шить'; {чүк} 'котомка' + {Ы} Зрос > чүгi 'его котомка', {түк} 'овечья шерсть' + {Ы} Зрос > түгi (хой түгi 'овечья шерсть');
 $K \rightarrow K$: {нар} 'идти' + {АК} PROSP + {ЧА} PRES > нараКча 'вот-вот уйдет';
 $K \rightarrow \Gamma$: {иб-де-Ки} 'дом-LOC-ATTR' > ибдеГi 'тот, что в доме'.

В многосложных основах в интервокальной позиции k , x , K могли, перейдя по правилу 2.1.2. в Γ , выпасть затем по правилу 2.3.2. — тогда окружавшие их гласные стянулись по общим правилам: харага 'глаз' + ым 1рос.SG > хараам 'мой глаз', хузуГ 'орех' + ым 1рос.SG > хузиим 'мой орех'; изиГ 'дверь' + им 1рос.SG > изиим 'моя дверь', нөриГ 'шапка' + им 1рос.SG > нөриим 'моя шапка'. Формально это те случаи, когда в словаре в поле ALTERNATEN выписана альтернативная запись основы, оканчивающаяся на $-z$ или $-z$, а в поле FORM — словоформа на $-ии$. Но правило 2.1.2. действует не обязательно, и если оно не подействовало и заднеязычный сохранился, то теперь он озвончается: харах 'глаз' + ым 1рос.SG > харагым 'мой глаз', хузух 'орех' + ым 1рос.SG > хузугым 'мой орех'; изик 'дверь' + им 1рос.SG > изигим 'моя дверь', нөрик 'шапка' + им 1рос.SG > нөригим 'моя шапка'.

В неадаптированных заимствованиях правило о выпадении не действует: автокружок, автокружогы; крановщик, крановщици.

Правило об озвончении в интервокале факультативно действует также на последние согласные $ш > ж$ и $ф > в$ в заимствованиях и диалектных словах: параграф — парграфы, шериф — шериві, карандаш — карандажы, чүгеш (кыз.) 'котомка' — чүгежі. Но: тариф — тарифы.

2.3.4. Выпадение Γ после звонких заднеязычных.

При стечении двух согласных, первой z , z , η , Γ , и второй Γ , вторая согласная выпадает, первая остается: суз 'вода' + Га DAT > суга 'воде', эг 'гнуть' + Гей OPT > эгей 'пусть гнет', тоң 'мерзнуть' + Ган PAST > тоңан 'мерз', чохса= Γ (дремать= S_{act} 'дремота') + Га DAT > чохсага (чихсага түс парган 'погрузился в дремоту'). В шорском диалекте это правило обеспечивает реализацию формы 2рос.SG-DAT адыңа 'твоей лошади' (ат 'лошадь' + ың 2рос.SG + Га DAT)²³.

2.3.5. Все сохранившиеся на этом этапе условные буквы (в морфологической транскрипции применены как условные кириллические буквы верхнего регистра) преобразуются в соответствующие буквы нижнего регистра, таким образом возвращая орфографическую форму хакасской словоформы (до обработки графическими правилами).

Уточнение для заднеязычных: увулярные согласные x , z в лексике, не имеющей в словаре пометы *rus*, употребляются только с гласными заднего ряда, а велярные k , z — только с переднерядными: харах-тар-ыбыс-та 'в наших глазах', кирек-тен-деңер 'по делам'. Соответственно, условная буква (морфонема) Γ при переднерядном окружении выбирает реализацию z , при заднерядном — z ; условная буква (морфонема) K при переднерядном окружении выбирает реализацию k , при заднерядном — x .

2.4. «Графические сандхи», обусловленные способом употребления кириллической графики (запись сочетаний звуков вида $й+V$ с помощью кириллических йотированных букв), производится факультативно. В соответствии с современной орфографией БХРС $я$ пишется в первом слоге, $йа$ — в непервом:

торый колеблется по озвончению/неозвончению в словообразовании, и самодийского заимствования 'баба') восходят к праалтайским корням с придыхательным $*t'$ (см. EDAL), ср. {аТ-} < ПА $*p'at'$ 'ударять', {наТ-} < ПА $*p'at'$ 'попадать', {хаТ-} < ПА $*k'et'$ 'твердый', {уТ-} < ПА $*it'$ 'встречать', но {тум-} < ПА $*t'$ [u]t' 'хватать'. Вопрос может проясниться после дополнительных корпусных и диалектологических исследований. В таких словах, как *чиміг* 'острый', *хатыг* 'твердый', мы имеем дело с орфографическим приемом, не выписывающим двойной согласный на месте сильного глухого (см. [ГХЯ 1975: 39]) в случае отсутствия синхронной морфологической границы (обе формы исторически являются дериватами с аффиксом $-ЛЫГ$, утерявшими производящую основу) и выписывающим в случае наличия такой границы: *сүттиг* 'молочный' < *сүт* 'молоко' + $ЛЫГ$. В *ікі* 'два', *чимі* 'семь', *отыс* 'тридцать' основа исторически содержала геминату в интервокальной позиции.

²³ Таким образом, анализ поверхностных словоформ должен действовать в этом случае так: если видишь в тексте $ГА$ после гласного, то, если там есть граница морфемы, это либо $VG-ГА$, либо $VK-A$. Если видишь $ЧА$ после гласного, это либо $V\eta-ГА$, либо $V\eta-A$.

я ‘да’, *чахайах* ‘цветок’. С исконным сочетанием *й+у* в словаре есть только 3 основы, не имеющих общего правила: *туюх* ‘глухой (о местности)’, *хуюх* ‘гарь’, *уйуң-айың* ‘шум-гам’. Ср. также в ГХЯ: *сыгыбысхан*, *чуйу́х-чайы́х полыт* ‘он вышел, шатаясь из стороны в сторону’ (В. Кобяков). Для текстов, изданных в более ранней орфографии, характерно использование *я* в любых слогах. Некоторые авторы предпочитают такое написание и теперь.

2.4.0. *йу > ю, йа > я, йе > е* ([ГХЯ 1975: 9—10]).

Заключение

Можно видеть, что сегментные процессы, обуславливающие синхронный облик хакасской словоформы, представляют довольно сложную, многоуровневую систему, которая может быть проинтерпретирована как конгломерат разновременных фонетических процессов, постепенно вытеснявшихся на более глубокие уровни языка, а также вымывавшихся аналогическими процессами. В том числе, процессы озвончения и выпадения интервокальных согласных²⁴ явно происходили за историю хакасского языка не один раз, и результаты их неравномерно сглаживаются процессами парадигматической унификации по разным диалектам и говорам. Автоматический морфологический анализатор может обойти часть этих явлений с помощью «лексических исключений», поместив соответствующую информацию в словарные статьи лексической базы, но значительное их число все-таки должно обрабатываться алгоритмом. Отметим, что существующие словари и грамматики хакасского языка содержат значительные лакуны в описании сегментного поведения ряда морфем и типов морфем, которые могут быть надежно закрыты только с помощью корпусного исследования и последующей направленной этим исследованием элицитации (в том числе в отношении границ диалектного варьирования). Часть этих лагун закрывается настоящей статьёй.

Приложение

Необходимые пояснения к таблице

По горизонтали в таблице расположен перечень позиций в словоформе, занимаемых аффиксами, выражающими граммы — значения, которые принимают грамматические категории²⁵. Следует отметить, что позиции не обязательно соответствуют конкретным грамматическим категориям (это обычное явление для непарадигматических по сути агглютинативных языков, см., например, [Martin 1992: 244—246] о модели глагольной словоформы в корейском языке), ср., например, три разных позиции для показателей характера протекания действия — перфектива, дуратива и итератива; или две разных позиции для показателей типов эпистемической модальности — ассумптива и ирреалиса; или одна позиция (8) для аффиксов времени и наклонения (т. е. грамматической категории, выражающей модальность). Взаимное расположение позиций обусловлено лишь порядком, в котором могут следовать в словоформе рассматриваемые аффиксы. По вертикали в таблице расположены аффиксы, выражающие граммы (показатели значений грамматических категорий), записанные в морфонологической форме (т. е. в глубокой форме, из которой, с помощью применения правил реализации морфоном может быть выведено поверхностное выражение их в орфографически правильно записанной словоформе).

Каждая позиция может быть занята только одним из возможных для нее аффиксов, а может быть не занята вообще, и, следовательно, соответствующая грамма или категория в целом (в том случае, если позиция соответствует определенной категории) могут быть не выражены. Например, в словоформе может быть не выражено число (такая словоформа традиционно характеризуется как форма единственного числа), падеж (такая именная словоформа традиционно характеризуется как форма именительного/неопределенного падежа), лицо (такая финитная словоформа традиционно характеризуется как форма 3-его лица).

²⁴ Проблеме, в частности, посвящена специальная статья Ц. Номинханова [Номинханов 1955]. Основываясь на неполном материале и с частично неточным подходом, ученый пришел примерно к тому же выводу, что и мы.

²⁵ О соответствии данного грамматического описания традиционному описанию хакасской грамматики см. [Шеймович 2017].

Таблица 1. Модель изменяемой хакасской словоформы

№№ п/п	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	S	DISTR	CONV ₁	PTCL ₁	PERF, PROSP	DUR	NEG/ ITER	Tense, Mood, CONV ₂	INDIR	TRANSP	AFFIRM	PL ₁
1.		КлА	NF (Ы)п, 0	ADD ТАА	PERF (Ы)б.Ыс	DUR чАт (?ЧАт)	NEG ПА	причастия	Тыр	COMIT ЛЫГ	ЧЫК	ЛАр
2.			NF.NE G Пин	CONT ЛА	[PERF ₀ Ыс]	DUR ₁ у(р)	ITER А.дЫ(р), и.дЫ(р)	PAST ГА(н)		ADV Ли		
3.				ASS ОК		PROSP (диал.) АК, иК		FUT А(р), у(р)				
								NEG.FUT ПА.с				
4.								НАВ ЧА(н)				
5.								ASSUM ГАдАГ				
								SIMUL АчЫК				
6.								CUNC ГАЛАК				
7.								финитные				
								PRES чА				
8.								PRES ₂ чАдЫ(р) (?ЧАдЫ(р))				
9.								COND СА				
10.								RPAST ТЫ				
11.								OPT ГАй				
12.								дееприча- стия				
13.								CONV _n (Ы)п				
14.								NEG.CONV Пин				
15.								NEG.Conv. ABL Пин.Аң				
16.								CONV _a А, и NF (Ы)п, 0				
17.								CONV _{нас} А.бАс, и.бАс (диал.)				
18.								LIM ГАли				

и набор хакасских словоизменительных аффиксов (см. подробнее [ЭКХЯ])

12	13		14	15	16	17		18	19	20	21
Poss ₁	Case ₁		ATTR	PL ₂	Poss ₂	Case ₂		PTCL ₂	Person	PredPL	PTCL ₃
	Simple declension	Possessive declension				Simple declension	Possessive declension				
1pos.SG (Б)М	GEN НЫҢ	GEN нЫҢ	КЫ	ЛАР	1pos.SG (Б)М	GEN НЫҢ	GEN нЫҢ	ASS ОК	полные	ЛАР	ASS ОК
					1.SG ПЫН						
2pos.SG (Б)Ң	LOC ТА	LOC (н)ДА			2pos.SG (Б)Ң	DAT ГА	DAT (н)А	CONT ЛА	1.SG СЫМ (диал.)		FOC ТЫР
									2.SG СЫҢ		
3pos (з)Ы	ALL САР	ALL (н)ЗАР			3pos (з)Ы	ACC НЫ	ACC н(Ы)		1.PL ПЫС		PREC ТАК
									1.PL СЫБЫС (диал.) 2.PL САР		
1pos.PL (Б)БЫС					1pos.PL (Б)БЫС	LOC ТА	LOC (н)ДА		2.PL СЫҢ.АР (диал.)		
2pos.PL (Б)Ң.АР					2pos.PL (Б)Ң.АР	ABL ДАҢ, ТЫН	ABL НАҢ		смешан- ные (mix)		
									1.SG.mix М		
					GEN.3pos НИ	ALL САР	ALL (н)ЗАР		2.SG.mix СЫҢ		
						INSTR НАҢ	INSTR НАҢ		1.PL.mix ПЫС		
									2.PL.mix САР		
						PROL ЧА	PROL (н)ЧА		краткие (br)		
						DELIB ДАҢАР	DELIB НАҢАР		1.SG.br М		
									2.SG.br Ң		
						COMP ТАГ	COMP (н)ДАГ		1.PL.br ПЫС		
									2.PL.br ҢАР		
									импера- тивные		
									IMP.1.SG ИМ		
									IMP.1.PL И.БЫС		
									IMP.1.INCL АҢ		
									IMP.1.PL.INCL АҢ.АР		
									IMP.1.INCL.PL АЛАР (диал.)		
									IMP.2.PL (Б)ҢАР		
									IMP.3 СЫН		

Условные обозначения в таблице

1, 2, 3 — лица

1, 2, 3 — нумерация одинаковых показателей в разных слотах, а также слоты со сходными наборами показателей.

Счет ведется от начала словоформы. Например, $PTCL_3$ обозначает третий (с начала) слот для частиц, а PL_2 — показатель множественного числа, занимающий вторую из возможных (с начала) позицию в словоформе.

ABL — аблатив (исходный)

ACC — аккузатив (винительный)

ADD — аддитивная частица (и, же, ведь...)

ADV — адвербиальный показатель

AFFIRM — аффирматив, утвердительная форма

ALL — аллатив (направительный)

ASS — ассертивная (утвердительная) частица (также, тоже...)

ASSUM — ассумптив, предположительное наклонение, вводится оборотом «похоже, что...»

ATTR — атрибутивный показатель²⁶

bg — краткий (тип личных окончаний)

Case — падеж

COMIT — комитатив, показатель совместности («с...», «вместе с...»)

COMP — компаратив (сравнительный)

COND — условное наклонение

CONT — континуативная частица (все пишет и пишет...)

CONV.NEG — отрицательная форма деепричастия

CONV_a — деепричастие на -а («параллельное»)

CONV_n — деепричастие на -ып («последовательное»)

CONV_{нас} — качинская форма «последовательного» деепричастия

CUNC — кунктатив, еще не совершившееся действие

DAT — датив

DELIB — делибератив (выражает объект речи или мысли, также причинно-следственные отношения)

DISTR — дистрибутив, обозначает множественность субъекта или объекта действия;

DUR, DUR₁ — дуратив (длительность действия)

FOC — фокусная частица

Full — полный (тип личных окончаний)

FUT — будущее время

GEN — генетив (родительный)

HAB — хабитуалис (привычное действие в настоящем и прошедшем времени)

IMP — императив (повелительное наклонение)

INCL — инклюзив

INDIR — индиректив, косвенная эвиденциальность (неочевидность либо заглазность) действия

INSTR — инструментальный (творительный)

ITER — итератив (периодичность действия)

LIM — деепричастие предела в прошлом

LOC — локатив (местный)

Mix — смешанный (тип личных окончаний)

Mood — наклонение

NEG — отрицание

NEG.CONV — отрицательная форма деепричастия

NEG.CONV.ABL — деепричастие мгновенного следования (аблатив отрицательного деепричастия)

NEG.FUT — отрицательная форма будущего времени

NF — (not finished | non finitum) грамматикализованный показатель, исторически восходящий к CONV_n, выступающий в ряде синтетических и аналитических словоформ. (Т. к. производные формы не составляют группу, имеющую общий признак, считаем, что значение данного аффикса — словоформа еще не закончилась.)

²⁶ ATTR и ADV обычно функционируют как словообразовательные показатели, присоединяясь к чистой основе; тогда соответствующее слово как правило есть в словаре, и аффиксы учитываются только при словообразовательном анализе: *ырах=хы* (далеко=ATTR) 'далекий', *сiлiг=ли* (красивый=ADV) 'красиво'. Но они могут также присоединяться к концу словоформы, содержащей словоизменительные показатели — тогда парсер подвергает эти аффиксы анализу: *чол-лар-да-гы* (дорога-PL-LOC-ATTR) *оймах-осхыллар* 'ухабы на дорогах', *чирге нас ѓт-кен-ни* (пролезать-PAST-ADV) 'в место, куда голова бы пролезла'.

[NOM — номинатив, или нулевой падеж, отсутствует в таблице, т. к. не имеет поверхностного выражения]

Num (SG, PL) — число имени (единственное, множественное)

OPT — оптатив (желательное наклонение)

PAST — прошедшее время

PERF — перфектив (завершенность действия)

Person — лицо предиката

Possessive declension — набор падежных аффиксов притяжательного склонения (после показателя принадлежности)

Poss (pos) — принадлежность (лицо и число посессора)

PREC — прекативная частица (частица с просительным оттенком, смягчающая приказание)

PredPL — множественное число предиката

PRES — настоящее время

PRES₂ — качинская форма настоящего времени

PROL — пролатив (продольный)

PROSP — проспектив (состояние, предшествующее действию), исключительно сагайский диалект

PTCL — частица (пишущаяся слитно со словоформой, а также вставная).

RPAST — недавно прошедшее время

S — основа. Основа включает корень (R) со словообразовательными показателями, она присутствует в словаре в качестве заголовка словарной статьи. Регулярное наличие показателя в заглавных словарных формах служило критерием невключения того или иного показателя (например, аффиксов деятеля) в разряд словоизменяемых

Simple declension — набор падежных аффиксов простого склонения

SIMUL — симулятив («как если бы...»)

Tense — время

TRANSP — транспонирующий аффикс: показатель, меняющий синтаксическую функцию слова (напр., с субстантивной на адъективную, как *ЛЫГ*)

Кумулятивно выраженные граммемы разделяются точками.

Прочие сокращения

ADJ — атрибутивное производное имя

C — согласная

CAUS — каузатив

C_n — носовая согласная

C_u — глухая согласная

C_v — звонкая согласная

DIR — директив

Mrphn — морфонема

OPER — переходный отыменной глагол

REC — реципрок

S_{act} — имя действия

V — гласная

V_{back} — заднерядная гласная

V_{front} — переднерядная гласная

вм. — вместо

диал. — диалектный

кыз. — кызыльский

лит. — литературный

ПА — праалтайский

шор. — шорский

Литература

Алиса в стране чудес 2017 — Алисаның хайхастар чиринзер чорыгы (Alice's Adventures in Wonderland in Khakas). Хакас тіліне Мария Чертыкова тібестеен. Portlaoise, 2017.

Алпатов 2018 — *Алпатов В. М.* Слово и части речи. М., 2018. {*Alpatov V. M.* Word and Parts of Speech. М., 2018.}

Баскаков 1953 — Хакасско-русский словарь / Под ред. *Баскакова Н. А.* М., 1953. {*Khakass-Russian Dictionary / Ed. Baskakov N. A.* М., 1953.}

БХРС 2006 — Хакасско-русский словарь / Под ред. *О. В. Субраковой.* Новосибирск. {*Khakass-Russian Dictionary/Ed. O. V. Subrakova.* Novosibirsk.}

ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / Под ред. *Н. А. Баскакова.* М., 1975. {*Khakass Grammar./Ed. N. A. Baskakov.* М., 1975.}

ДМТЯ — Диалектологические материалы по тюркским языкам <https://dialects.altai.ru/>, 2019. {*Dialectological Materials on Turkic Languages https://dialects.altai.ru/*, 2019.}

Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V.* Language CONTACTS of early Turks. Lexical Stock. Proto-Turkic Era. М., 2007.}

Дыбо, Мудрак 2009 — *Дыбо А. В., Мудрак О. А.* Об историческом принципе при составлении фонетической анкеты для полевого обследования диалекта // III Международная конференция полевой лингвистике. Тезисы и

материалы. М., 2009. {*Dybo A. V., Mudrak O. A. On Using the Historical Principle while Compiling a Phonetic Survey for a Field Study of a Dialect // III International Conference on Field Linguistics. Abstracts and Materials. M., 2009.*}

Дыбо, Шеймович 2014 — *Дыбо А. В., Шеймович А. В. Автоматический морфологический анализ для корпусов хакасского и древнетюркского языков // «Научное обозрение Саяно-Алтая». Вып. 1, 2014. С. 9—30. {Dybo A. V., Sheymovich A. V. Automatic Morphological Analysis for Khakass and Old Turkic Corpora // Sayan-Altai Scientific Review. Vol. 1, 2014. P. 9—30.}*

Дыренкова 1948 — *Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948. {Dyrenkova N. P. Khakass Grammar. Phonetics and Morphology. Abakan, 1948.}*

Зализняк 1967 — *Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. {Zaliznyak A. A. Russian Nominal Inflection. M., 1967.}*

Карпов 2007 — *Карпов В. Г. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты) // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007. С. 105—161. {Karpov V. G. Verbal system in Modern Khakass (Structural and Functional Semantic aspects) // Khakass: Problems and Ways of Development. Abakan, 2007.}*

Мальцева 2004 — *Мальцева В. С. Структура глагольной словоформы в сагайском диалекте хакасского языка (говор с. Казановка). М., 2004. {Maltseva V. S. Structure of Verbal Wordforms in the Sagay Dialect of Khakass (Kazanovka Sub-Dialect). M., 2004.}*

Новый Завет 2011 — *Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом. М., 2011. {Gospel in Khakass with Parallel Russian Synodal Translation. M., 2011.}*

Номинханов 1955 — *Номинханов Ц. Д. Интервокальное положение звуков *z* и *z* в хакасском языке // Вопросы хакасского языка и литературы. Абакан, 1955. С. 55—64. {Nominkhanov Ts. D. Intervocalic Position of *z* and *z* Sounds in Khakass // Issues in the Khakass language and Literature. Abakan, 1955. P. 55—64.}*

Шеймович 2017 — *Шеймович А. В. Терминологические соответствия между «Моделью изменяемой хакасской словоформы» и традиционной хакасской грамматикой // Народы Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова (27—29 сентября 2017 г.). Абакан, 2017. С. 203—212. {Sheymovich A. V. Terminological Correspondences between the “Model of Changeable Khakass Word-form” and Traditional Khakass Grammar // Peoples of Southern Siberia and Neighboring Territories. Materials of the 4th International Scientific Conference in Honor of 155th Anniversary of N. Katanov (27—29 September 2017). Abakan, 2017. P. 203—212.}*

ЭКХЯ — *Электронный корпус хакасского языка // <http://khakas.altai.ru/>, 2019. {Electronic Corpus of Khakass // <http://khakas.altai.ru/>, 2019.}*

Dybo 2005 — *Dybo A. On the Problems of Oghuz Morphophonology // Turkic Languages, 9. 199—2004.*

Dybo, Sheimovich 2017 — *Dybo A., Sheimovich A. Experience of computer-oriented description of the Tuvan morphophonology within the framework of the system of automatic morphological analysis // V Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang 2017» Труды конференции. Том 2. Казань 2017. С. 27—49.*

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.*

Erdal 2004 — *Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.*

Martin 1992 — *Martin G. A Reference Grammar of Korean. Chicago, 1992.*

РЕЗЮМЕ

В статье приводится описание фрагмента алгоритма работы автоматического парсера для литературного хакасского языка. Парсер осуществляет анализ «через синтез», т. е. путем многократных прямых и обратных проходов с проверкой гипотез. В статье излагается, как происходит перевод морфонологической записи словоформы в орфографическую. Так как хакасский литературный язык слабо нормирован, и не все особенности его морфонологии достаточно полно отражены в существующих грамматиках, для некоторых шагов алгоритма мы выводим правила на основе данных корпуса текстов и собранных нами материалов по хакасским диалектам.

SUMMARY

The article describes a fragment of the work process of an automatic parser for Literary Khakass. It analyzes data using “synthesis”, i. e., through multiple straight and reverse passes that check various hypotheses. The article describes the transformation of a morphophonological transcription of a word-form into an orthographic one. Literary Khakass is not very normative as a language, and existing grammars do not reflect every feature of its morphophonology well enough. Thus, for some stages of the process we use rules derived from our analysis of the corpus data and of the dialectal materials we have collected.

Ключевые слова: хакасский язык, морфонология, агглютинация, автоматический морфологический анализ, лингвистический корпус

Keywords: Khakas language, morphophonology, agglutination, automatic parsing, language corpora

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); Томский государственный университет (Томск); adybo@mail.ru

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Tomsk State University (Tomsk); adybo@mail.ru

Крылов Филипп Сергеевич, АНО «Информационная культура» (Москва); phil.krylov@gmail.com

Philip S. Krylov, ANPO “Information culture” (Moscow); phil.krylov@gmail.com

Мальцева Вера Сергеевна, Институт языкознания РАН (Москва); Томский государственный университет (Томск); malt.wh@gmail.com

Vera S. Maltseva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Tomsk State University (Tomsk); malt.wh@gmail.com

Шеймович Александра Валерьевна, Институт языкознания РАН (Москва); Томский государственный университет (Томск); asheimovich@yandex.ru

Aleksandra V. Sheimovich, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Tomsk State University (Tomsk); asheimovich@yandex.ru

Хакасские прилагательные на *-КЫ* ~ *-ГЫ*

(дополнение к статье А. В. Дыбо, Ф. С. Крылова, В. С. Мальцевой и А. В. Шеймович «Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка»)

В статье А. В. Дыбо, Ф. С. Крылова, В. С. Мальцевой и А. В. Шеймович (далее — «А. В. Дыбо с соавторами») «Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка», опубликованной в настоящем номере журнала «Урало-алтайские исследования», рассматривается, в частности, явление, которое авторы статьи интерпретируют как нестандартную морфонологическую вариативность хакасского адъективного суффикса *-КЫ*: после основ с исходом на сонорный прилагательные (обычные и субстантивированные) могут принимать как морф *-хы* ~ *-кы*, так и морф *-гы* ~ *-гы*. А. В. Дыбо с соавторами высказывают гипотезу о возможной зависимости выбора звонкого или глухого варианта суффикса от конечного согласного основы («глухой вариант выступает в подавляющем большинстве случаев после *p* ⟨...⟩, единично после *n* ⟨...⟩; звонкий вариант выступает редко после *p* ⟨...⟩, обычно после других сонорных и *y* ⟨...⟩») — см. сноску 18 на с. 58) и подчеркивают, что «[п]роблема нуждается в дальнейшем изучении» [Там же].

Чрезвычайно важно, что авторы статьи не только произвели полную роспись «Хакасско-русского словаря» на предмет выявления всего релевантного для данной проблемы языкового материала, но и привели результаты этой росписи в тексте работы. Такой подход позволяет читателю, в том числе не являющемуся специалистом по хакасскому языку, не «верить авторам на слово», а составить собственное мнение по рассматриваемому вопросу и даже провести его самостоятельное исследование.

Как мы надеемся показать, несмотря на то, что морф *-хы* ~ *-кы* в подавляющем большинстве случаев выступает после *p*, выбор между глухим и звонким вариантами определяется чрезвычайно простым правилом, никак не связанным с фонетическим составом исходной основы.

Ниже (см. Таблицу 1) приведены перечисленные в статье А. В. Дыбо с соавторами лексемы с суффиксом *-КЫ* (по терминологии авторов). Помимо использования табличного формата, списки подвергнуты лишь незначительной перегруппировке; в частности, прилагательные на *-гы* ~ *-гы* разбиты на две группы — а) и б). Переводы оставлены без изменения:

Таблица 1

дериваты на <i>-КЫ</i>	дериваты на <i>-ГЫ</i>
<i>аархы</i> 'дальный'	а) <i>амгы</i> 'настоящий'
<i>алтынзархы</i> 'северный'	<i>иирги</i> 'вечерний'
<i>андархы</i> 'находящийся в тех краях'	<i>ирги-хургу</i> 'старьё'
<i>ибірки</i> 'близлежащий'	<i>иртенги</i> 'утренний'
<i>индірки</i> 'нижний'	<i>пурунгы</i> 'прежний'
<i>іскеркі</i> 'восточный'	<i>пүүлги</i> 'нынешний'
<i>кидеркі</i> 'западный'	<i>пүүнги</i> 'сегодняшний'
<i>мындархы</i> 'местный'	<i>пылтыргы</i> 'прошлогодний'
<i>озархы</i> 'находящийся на той стороне'	<i>сагамгы</i> 'теперешний'
<i>оңархы</i> 'правый'	<i>хачангы</i> 'когдашний'
<i>өбркі</i> 'верхний'	<i>чагынгы</i> 'ближний'
<i>пееркі</i> 'ближайший'	<i>чайгы</i> 'лето'
<i>тасхархы</i> 'наружный'	б) <i>адалгы</i> 'основной падеж (от пассива)'
<i>төбінкі</i> 'нижний'	<i>көрімги</i> 'винительный падеж'
<i>тогырхы</i> 'поперечный'	<i>орынгы</i> 'местный падеж'
<i>төрзеркі</i> 'передний угол'	<i>тирилги</i> 'дательный падеж'
<i>үстүнзархы</i> 'южный'	<i>пүдүргі</i> 'творительный падеж'
<i>хайдархы</i> 'находящийся в какой-либо стороне'	<i>ызылгы</i> 'направительный падеж'
<i>чогархы</i> 'верхний'	<i>тартылгы</i> 'притяжательный'

Можно видеть, что почти все лексемы из левого столбца таблицы имеют пространственное значение.

Все лексемы из правого столбца таблицы, относящиеся к группе а), имеют временное значение. Специального комментария заслуживают прилагательные *амгы* и *чагынгы*. Перевод 'настоящий', выбранный авторами статьи для слова *амгы*, представляется неудачным из-за его омонимичности. В действительности прилагательное *амгы* образовано от наречия *ам* 'сейчас, теперь' и означает 'нынешний, современный' (не 'истинный, подлинный'), т. е. имеет именно темпоральное значение, см., например, [РХШС]. Что касается лексемы *чагынгы*, она (подобно, например, русскому *близкий*) может обозначать как территориальную, так и хронологическую близость. Несмотря на то, что при такого рода полисемии первичным обычно является пространственное значение, морфологическое оформление прилагательного *чагынгы* соответствует как раз значению времени.

Лексемы, относящиеся к группе б), представляют собой грамматические термины, которые, как можно думать, были созданы одномоментно и по единому образцу. Какие соображения побудили разработчиков лингвистической терминологии на хакасском языке использовать для оформления соответствующих названий именно морф *-гы ~ -гi*, мы судить не беремся.

Таким образом, в рассматриваемом фрагменте морфологической системы хакасского языка мы, как представляется, имеем дело не с морфонологической вариативностью и вообще не с алломорфией. В хакасском языке имеется два суффикса — *-КЫ* с пространственным значением и *-ГЫ* с временным и «грамматическим» значением; в позиции после сонорных согласных эти два суффикса совершенно четко и последовательно противопоставлены между собой. Учет данного обстоятельства может быть полезным в том числе для дальнейшего совершенствования программы автоматического анализа и синтеза хакасских словоформ.

Литература

РХШС — Русско-хакасский школьный словарь / <https://dict.khakbooks.ru/>, 2019. {Russian-Khakass Dictionary for Schools / <https://dict.khakbooks.ru/>, 2019.}

Иткин Илья Борисович, Институт востоковедения РАН ~ НИУ ВШЭ (Москва); ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Ilya B. Itkin, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Higher School of Economics (Moscow); ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Продолжение дискуссии по заметке «Хакасские прилагательные на *-кы* ~ *-гы*»

Чрезвычайно остроумное правило, обнаруженное И. Б. Иткиным, несомненно, должно быть принято во внимание. Заметим только следующее.

а) в рассматриваемых примерах временное и пространственное значение несут, конечно, не аффиксы, а основы, к которым они добавляются; сами же аффиксы в обоих случаях имеют чисто конверсионную функцию атрибутивизатора. Таким образом, либо мы имеем тут дело с алломорфами с семантическим распределением, либо, действительно, с двумя разными синонимичными аффиксами, употребление которых зависит от семантики основ. Семантическое распределение алломорфов могло бы показаться странным, если бы не тот факт, что здесь исторически действительно мы имеем дело с расщеплением ранее единого аффикса-атрибутивизатора см. [Erdal 2004: 186—190]. Ни в каких других тюркских языках нам не известно подобного распределения между временными и пространственными аффиксами.

б) Кроме того, мы должны были бы вводить для различения формы этих аффиксов новую морфему: это K_1 , озвончающееся в интервокальной позиции и не озвончающееся после сонанта (ср. атрибутивы от названий места типа *аал-да-гы* ‘сельский’), в отличие от ранее введенного K , озвончающегося и в интервокальной позиции, и после сонанта, которое фигурирует в аффиксе, сочетающемся с временными названиями¹. Если мы посмотрим вообще на поведение «глухих» (сильных) и «звонких» (слабых) согласных в позициях, отличных от положения на словоизменительной морфемной границе, то обнаружим в материалах современного литературного хакасского языка сильный разноробой. Ср., например, поведение аффикса неполноты проявления признака: *агамзых* {ах=(А)мзЫК белый=Lim} ‘беловатый, светловатый’ при *алымсых* {ал=(А)мсыК алый=Lim} ‘бледно-розовый, розоватый’. Аффикс *-Кай*, обозначающий, по О. В. Субраковой, «оттенки качества» [БХРС: 1074], обнаруживает еще один тип вариативности: *чылбыр-хай* ‘гладкий’, *хуба-хай* ‘сероватый’, *көні-кей* ‘выпрямленный’, но *чада-гай* ‘пологий, покатый’, *сыла-гай* ‘стройный’; т. е. озвончение происходит факультативно только в интервокальной позиции. По-видимому, приходится признать, что, поскольку хакасский литературный язык довольно слабо нормирован, то в нормативные словари и тексты проникают инодиалектные формы (мы знаем, что интервокальное озвончение = ослабление в сагайском и шорском диалектах хакасского проявляется в меньшей степени, чем в качинском и в литературной разговорной норме — см., например, [Чанков 1957: 106]). Поскольку распределение двух атрибутивных суффиксов инновационное, а признак, по которому они распределены, синхронно явно выражен и достаточно прост, то, возможно, это распределение в действующей норме — следствие усилий нормализатора, пытавшегося бороться с диалектным смешением, — как и выбор формы для названий падежей.

Замеченное правило, вероятно, уже функционировало во время написания (еще до войны) грамматики Дыренковой ([Дыренкова 1948: 18]: «Аффиксы *гы* — *ги* (их глухие варианты — *хы* — *ки*) образуют производные имена прилагательных также и от наречий, обозначающих место и время: *төбін* ‘вниз, внизу’, *төбінки* ‘нижний, находящийся внизу’; *чогар* ‘верх’, *чогархы* ‘верхний’, *пүүн* ‘сегодня’, *пүүнги* ‘сегодняшний’; *кичее* ‘вчера’, *кичееги* ‘вчерашний’, *пылтыр* ‘в прошлом году’, *пылтыргы* ‘прошлогодний’). В работе [Катанов 1882: 49] рассматриваются из интересующих нас форм только формы на *-ТА-КЫ* и *кичее-ги*, не имеющие отношения к правилу. В словаре Вербицкого (1884) почти все пространственные и временные образования, имеющие помету «аб.» (т. е. «абаканские» = хакасские), оканчиваются на *-ТА-КЫ* (например, аб. *амдагы* ‘теперешний’, *андагы* ‘тамошний’); но на оставшихся примерах, если можно говорить о каком-то правиле, то скорее, наблюдается распределение по сингармоническому ряду: *-кы*, но *-ги*: *анаркы* аб. ‘тамошний’ [Вербицкий 1884: 22], *жогаркы* аб. ‘верхний’ [Вербицкий 1884: 97], *кайдаркы* аб. ‘какой’ [Вербицкий 1884: 117]; *таскаркы* аб. ‘наружный’ [Вербицкий 1884: 340], но *ирги* аб. ‘древний, старый’ [Вербицкий 1884: 63], *төбөнгү* аб. ‘нижний’ [Вербицкий 1884: 368], *түбүнгү* аб. ‘нижний, на низу находящийся’ [Вербицкий 1884: 386], и, без помет, но в примере — с характерным сагайским окончанием 1 лица в предикате *-сым*, *пүүнги* ‘сегодняшний’; пример: *Пүүнги күнде барбассым* ‘я сегодня (букв. в сегодняшний день) не приду’ [Вербицкий 1884: 141].

¹ Г — другая морфема, которая в интервокальной позиции выпадает; в привременном атрибутивизаторе фигурирует не она, ср. *кичее-ги* ‘вчерашний’.

Следует также отметить, что образования с озвончением следуют стандартному правилу о поведении *K* на морфемной границе после сонанта; при этом среди приведенных форм *ирги* ‘старый (о вещах)’ и *чайгы* ‘лето’ не имеют живой производящей основы в хакасском языке. «Локативные» же производные без озвончения почти все образованы либо от окаменевшей формы аллатива на *-САР(Ы)*, либо от формы на *-Гар*, которая, по О. В. Субраковой [БХРС: 1075], оформляет «наречные образования», исторически же является падежным показателем директива [Erdal 2004: 177]. Единственное исключение — *төбінки* ‘нижний’, которое, как мы видим, еще у Вербицкого давало озвончение.

Вопрос продолжает требовать дальнейшего изучения.

Литература

- Вербицкий 1884 — *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркских языков. Казань, 1884. {*Verbitsky V. I.* Dictionary of Altai and Aladag Dialects of Turkic Languages. Kazan, 1884.}
- Дыренкова 1948 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948. {*Dyrenkova N. P.* Grammar of the Khakas Language. Phonetics and Morphology. Abakan, 1948.}
- Катанов 1882 — *Катанов Н. Ф.* Татарский (хакасский) язык. (Сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). Красноярск, 1882. Рукопись Абакан, 2017. {*Katanov N. F.* Tatar (Khakas) Language (Sagay Dialect). Part 1. Grammar (Etymology and Syntax). Krasnoyarsk, 1882. Manuscript Abakan, 2017.}
- Чанков 1957 — *Чанков Д. И.* Согласные хакасского языка. Абакан, 1957. {*Chankov D. I.* Consonants of the Khakas Language. Abakan, 1957.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **spacing** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >